

Рязанский историко-архитектурный
музей-заповедник

**СТЕПАН ДМИТРИЕВИЧ
ЯХОНТОВ
(1853 –1942)**

Федеральное агентство по культуре и кинематографии
ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник»
Архивное управление Рязанской области
ГУ РО «Государственный архив Рязанской области»
Центр исторического регионоведения и краеведения РГУ

ЧЕТВЕРТЫЕ ЯХОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
Рязань, 24–27 октября 2006 года

ББК 63.3 (2Рос.–4Ряз.)
Ч 52

Ч 52 **Четвертые Яхонтовские чтения.** Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 24–27 октября 2006 года. – Рязань: Изд-во РИАМЗ, 2008. – 696 с.: ил.

Оргкомитет конференции:

председатель – директор РИАМЗ Л.Д. Максимова, зам. председателя – зам. директора РИАМЗ И.Г. Кусова, секретарь – ученый секретарь РИАМЗ Д.В. Губин, члены – профессор РГУ А.А. Севастьянова, главный архивист ГАРО Д.Ю. Филиппов.

Редакционная коллегия:

А.А. Гомзин, к. и. н. Д.В. Губин, к. и. н. И.Г. Кусова (ответственный редактор), Т.В. Рахманина, Е.М. Сахарова, к. и. н. Д.Ю. Филиппов.

В сборник вошли материалы, охватывающие широкий круг вопросов отечественной истории и культуры, археологии и источниковедения, археологии, теории и практики музейного и архивного дела. Авторы – профессиональные историки, работники музеев, архивов, представляют 10 регионов Центральной России. В статьях сборника освещаются различные аспекты истории, бытовой повседневности и духовной жизни русской провинции, вопросы историографии, а также тема сохранения и изучения отечественного историко-культурного наследия и проблемы его бытования в условиях современных реалий. Особый раздел посвящен российским кремлям как объектам национального достояния. Сборник рассчитан на исследователей-историков, работников музеев, архивов и библиотек, всех интересующихся вопросами отечественной истории и культуры.

На обложке: Дворец Олега Рязанского кремля

ISBN 978-5-902096-23-8

© ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник», 2008
© ГУ РО «Государственный архив Рязанской области», 2008
© Авторы, 2008

От ответственного редактора

Около десяти лет назад родилась идея проведения научной конференции, которая должна была стать для Рязани и близлежащих регионов местом общения научного сообщества, изучающего проблемы историко-культурного наследия. Некоторое время идея витала в воздухе, прежде чем оформилась в форум под названием Яхонтовские чтения. Инициатором проведения форума стали Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник и Государственный архив Рязанской области. Первые Чтения состоялись в декабре 2000 г., с тех пор они традиционно проводятся раз в два года. Местом проведения неизменно является музей-заповедник «Рязанский кремль». Позднее число организаторов расширилось — началось плодотворное сотрудничество с Центром исторического регионоведения и краеведения РГУ во главе с профессором А.А. Севастьяновой.

Первоначально свою главную задачу организаторы видели в активизации исследовательской работы в музеях и архивах Рязанской области и других регионов Центральной России, в аккумулировании результатов исследований в области музейного и архивного дела, в т. ч. в изучении музейных и архивных коллекций, а также в многоаспектном, всестороннем освещении проблемы сохранения историко-культурного наследия. В конференции приняли самое активное участие сотрудники РИИМЭ, ГАРО, других рязанских музеев. Помимо Рязани традиционным стало участие в форуме музеев и архивов Москвы, Егорьевска, Зарайска, Калуги, Самары, Тулы. В числе постоянных участников — столичные исследователи, преподаватели и профессора вузов Центральной России. Неотъемлемой частью конференции стала организация Круглых столов по самым актуальным, часто жестким, болезненным проблемам сохранения памятников культуры. Материалы и итоговые документы конференции, имеющие важное значение для развития провинциальной отечественной культуры, публиковались в сборниках и широко тиражировались Оргкомитетом в средствах массовой информации.

По прошествии первых Чтений можно констатировать, что поставленная перед Оргкомитетом задача в определенной мере решена: налажено регулярное представление результатов исследовательской работы музеев, архивов и прочих научных и культурных учреждений. По оценке специалистов, Яхонтовским чтениям удалось стать главным научным форумом региона в сфере историко-культурной проблематики.

За прошедшие годы участники, среди которых было немало тех, кто только начал свои научные изыскания, накопили значительный опыт исследовательской работы. Учитывая, что на начальном этапе требования к представляемым материалам имели относительно мягкий, по сути, стимулирующий характер, а также то, что Чтения, как и всякое творческое начинание, не могут раз и навсегда ограничиться первоначально поставленными задачами, Оргкомитет считает возможным и, более того, необходимым ужесточить требования к предоставляемым материалам — к уровню научной осмысленности текстов, аргументированности высказываемых гипотез, к оформлению научного аппарата. Тем самым Оргкомитет, отдавая дань безусловным заслугам советского краеведения и стараясь продолжить его лучшие традиции, декларирует свое

намерение уйти от имеющих место подходов прошлых лет с характерным не критическим описанием исследуемых исторических фактов и событий. В качестве первого шага в данном сборнике редакция считала целесообразным выделить рубрику «Краеведение». Впоследствии материалы, не отвечающие в полной мере современным требованиям, предъявляемым к научным публикациям и имеющие скорее просветительную или публицистическую направленность, возможно, будут издаваться в формате научно-популярного журнала. Этот вопрос находится в стадии обсуждения.

Читатели, знакомые с предыдущими сборниками Яхонтовских чтений, могут заметить в новом томе наряду с устоявшейся тематикой новую рубрику — «Кремль России». Ее появление вызвано тревожными явлениями, характерными для российской культуры последнего десятилетия. Федеральные власти, пытаясь облегчить бремя бюджетных затрат и решая определенные политические задачи, постепенно уводят государство из сферы культуры, предоставляя все более широкие возможности использования памятников культуры религиозным организациям и частным инвесторам. Уводят, зачастую поступаясь интересами государственных учреждений культуры, в первую очередь музеев, но, что самое опасное, нередко в ущерб самим памятникам культуры. Угроза ликвидации нависла сразу над несколькими расположенными в кремлях музеями-заповедниками, в то время как уход государственных музеев с территории кремлей чреват серьезными проблемами для исследования и сохранности памятников и древних территорий, для осуществления научной деятельности. В этой ситуации считаем заявленную рубрику более чем актуальной и в полной мере соответствующей общей тематике Чтений. В настоящем сборнике в рубрике «Кремль России» представлены большей частью материалы исследований по истории и территории Рязанского кремля, вместе с тем Оргкомитет выражает надежду, что в будущих Чтениях данная тема расширит свою географию и пополнится исследованиями других исторических территорий.

Следующее нововведение Оргкомитета заключается в намерении уйти от обсуждения на будущих Яхонтовских чтениях и, соответственно, от размещения в сборнике материалов по историографической тематике. Исследования по данному направлению предлагается сосредоточить в рамках специализированной конференции, посвященной исключительно вопросам историографии: Историографические чтения памяти Д.И. Иловайского и М.К. Любавского организуются Рязанским музеем-заповедником совместно с Рязанским заочным институтом филиалом Московского государственного университета культуры и искусств и Центром исторического регионоведения и краеведения РГУ и проводятся, так же как и Яхонтовские чтения, раз в два года. Материалы последней историографической конференции, прошедшей в феврале 2007 года, готовятся к публикации.

Следующие V Яхонтовские чтения состоятся в осенью 2008 г. и будут посвящены 100-летию юбилею выдающегося исследователя древнерусского искусства Георгия Карловича Вагнера (1908-1995), чья творческая и научная деятельность в начальный период была связана с Рязанским музеем. В числе организаторов V Чтений, помимо традиционных учреждений, — Институт археологии РАН, сотрудником которого Г.К. Вагнер являлся долгие годы.

ИДЕЯ ГОРОДА-МУЗЕЯ И РЕАЛИИ МУЗЕЙНОГО РАЗВИТИЯ ЦЕЛЛЕ В ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

С музеями Германии автор познакомился в ходе обучающей стажировки 2005 г. в рамках проекта «Повышение квалификации молодых руководителей российских учреждений на примере музеев» (2004–2006 гг.). Профессиональное культурно-образовательное мероприятие было инициировано и осуществлено Немецкой Академией менеджмента Нижней Саксонии (Deutsche Management Akademie Niedersachsen, DMAN), которая находится в городе Целле. В настоящей статье речь преимущественно о музейном развитии Целле. Первостепенное внимание должно быть уделено современному срезу явления под названием город-музей, поскольку имеется возможность непосредственно обозреть качественно новые признаки становления и кристаллизации понятия на примере нижнесаксонского города.

В федеральной земле Нижняя Саксония наиболее известен экономико-административный центр – Ганновер¹. Именно от этого города, где имеется ряд интересных музеев², совсем недалеко до места с образцово сохранившимся до наших дней ландшафтом средневекового городского поселения Северо-Западной Германии. Замечательный город Целле, равно как и Ганновер, является помимо всего прочего еще и историческим центром близлежащей округи³.

Главное место в историческом пространстве сравнительно небольшого Целле принадлежит старинному замку-дворцу (илл. 1). Сегодня здесь все необычно, но особенно, пожалуй, может удивить соседство под одной крышей музея, Академии менеджмента, известного в Северной Германии камерного театра, а также любопытной католическо-лютеранской церкви XVI в. с уникальным интерьером⁴.

Несколько слов о «Музейном проекте» Академии менеджмента. По сравнению с 2004 г., когда рассчитанное на три года мероприятие по обмену опытом только стартовало, «Музейный проект» DMAN 2005 г. имел особенность. Она выразилась, по словам организаторов мероприятия, в более практической направленности курса, в большей ориентированности на профессиональную музейную коммуникацию. Для участников проекта был организован целый ряд экскурсий по экспозициям и выставкам немецких музеев. В различные музеи Германии, в том числе на юге страны, 19 представителей российских музеев были направлены после месячного интенсивного семинара в DMAN. Затем состоялся еще недельный промежуточный семинар в Вольфенбюттеле. Представлявший ФГУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» автор этих строк проходил стажировку в музее Боманна в Целле. В Берлине прошла заключительная общая презентация по итогам работы.

Итак, музей Целле или Bomann-Museum Celle представляет собой классический этнографический музей Северо-Западной Германии. Это городское музейное объединение является вторым в Нижней Саксонии по объему выставочных площадей. Учреждение культуры обладает крупной коллекцией музейных предметов⁵. Специально возведенное для нужд музейного показа здание музея Боманна уже на протяжении ста лет вмещает в себя в основном этнографическую экспозицию. В наши дни к этому зданию примыкает новый корпус, в котором развернуты экспозиции и выставки по преимуществу современного искусства. Во дворце Целле на расширенных музейно-экспозиционных площадях к 2007 г. задумывалось использование, наряду с традиционными техниками показа, новых музейных технологий, связанных с принципом активизации различных каналов восприятия у посетителя.

В организационной составляющей музейной жизни современной Германии обращают на себя внимание три основные формы: фонд, объединение, общество с ограниченной ответственностью. На этом фоне правовой статус музея Целле не столь типичен – это общество гражданского права. У музея имеются учредители с равным правом голоса: город, округ, музейное общество и рыцарско-аристократический сословный орден. В настоящее время музей Целле финансируется большей частью из городского бюджета. Происходит это через музейное общество. В городе с 73-тысячным населением функционирует несколько десятков городских обществ, в том числе музыкальное и театральное. Музейное общество среди них самое большое, оно объединяет около 700 человек.

Итак, в Целле существует объединение музеев. Его исходные предпосылки связаны с необходимостью профессионализации музейной работы на базе музея Боманна. С другой стороны, очевидно стремление привлекать в старинный герцогский город массового туриста. Иностраный, да и иногородний посетитель, действительно, не может пройти мимо оригинального дворца. То же относится и к полностью сохранившейся в центре города архитектурной застройке XVI–XVIII вв. в виде типичных для средневекового городского поселения кирпично-бревенчатых зданий (илл. 4). Что касается маленьких музеев города, можно сказать, что без своеобразного сервиса со стороны Боманн-музея они могли бы оказаться не у дел, так как их историко-культурные артефакты более камерные, нежели фахверковый или дворцовый ландшафт. Иными словами, в сравнении с интересом посетителя-пешехода они рассчитаны на музейного посетителя с более высокой степенью мотивации и информированности. Фактически эти музеи не имеют возможности самостоятельно заявлять о себе, ведь, к примеру, даже в сравнительно крупном гарнизонном музее музейщик работает на общественных началах. Инициирование процесса объединения городских музеев в единый музейный организм Целле надо признать главной заслугой современного музейного коллектива во главе

с директором Йохеном Майнерсом. Выпускаемая музеем газета с этнографической тематикой содержит еще и широкую идею музея Люнебургской вересковой пустоши, дабы напомнить о природно-исторической округе города⁶.

Затруднения, которые имеются у музея, непреодолимыми назвать нельзя. Но на фоне накопленного к 1980-м гг. зримого потенциала, начавшего выражаться в конкретных формах ближе к 1990-м гг., в наши дни наиболее заметна тенденция лишь к сохранению и более законченному выражению немецкого музейного строительства. Более существенными ранее были штаты музеев, что, по-видимому, позволяло свободно и широко строить музейную работу. Известная инерция поступательного развития, не заслоня современных тенденций, ощущаются до сих пор. В настоящее время немецким коллегам, как показалось из общения с некоторыми из них, зачастую не хватает государственной поддержки научных и научно-практических исследований в условиях выработки и внедрения на практике самостоятельных финансовых стратегий музейных объединений. Структурно-организационным видоизменениям сопутствует объективная тенденция к укрупнению музеев, порожденная необходимостью поиска более надежной стратегии, или парадигмы действия на рынке досуга.

Наконец, нельзя не учесть, что не в последнюю очередь условия экономического развития Целле, когда город полностью находится в орбите значительно возросшего за последние десятилетия влияния Ганновера, подталкивают руководство и научных сотрудников музея Боманна, музейного сообщества города в целом всерьез задумываться о перспективе. Именно объективные внешние условия, наряду с внутренними тенденциями, подвигают к тому, чтобы на практике приближаться к статусу города-музея.

К подобной, качественно иной идее музея, которая является значительно более широкой, если иметь в виду образы и типы традиционного музея, в ситуации поиска чего-то своего чаще всего приходят в небольших городах с давними историческими традициями. И это вполне объяснимо. Данная ситуация неплохо видна как раз на примере развивающегося музея Целле, а также на примере, в первую очередь, ряда местечек Баварии. Встречаются в Германии и несколько иного плана музеи под открытым небом. В них с помощью специальной техники переноса деревянных сооружений бывают собраны в одном месте реально существовавшие вплоть до XX в. постройки. Таким образом, бывает воссоздана, как правило, жизнь сельской округи. Автору этих строк довелось побывать в одной из таких местностей под Гамбургом – в музее под открытым небом «Кикеберг»⁷. В связи с «Музейным проектом» группе коллег из российских музеев стал известен и еще один немецкий музей под открытым небом в Клоппенбурге. Во всех подобных местечках посетитель ничем не обременен, он может просто бродить среди остатков «старины» и набираться впечатлений.

Примеры существования и успешного развития музеев под открытым небом, в частности в Германии, убедительно свидетельствуют, что возникшие в нашей стране в советскую эпоху музеи-заповедники являются результатом закономерного исторического развития. Это тоже музеи под открытым небом. С точки зрения происхождения исторического ландшафта они представляют собой естественный тип (природо-хозяйственный ландшафт музейной территории сформировался в доиндустриальную эпоху). В свете этого факта приходится только удивляться существующим в наши дни попыткам убедить фактически в обратном, то есть в отсутствии какой-либо объективной закономерности в появлении музеев-заповедников, что хорошо видно на примере ситуации вокруг Рязанского кремля⁸. Такую тенденцию не охарактеризовать иначе как историческое недоразумение, к тому же помноженное на глубокое заблуждение, либо речь должна идти о крайней ангажированности или просто конъюнктурности оценочного подхода.

В Целле в наши дни сложились определенные условия для окончательной выработки концепции развития не только музейного, но отчасти и городского пространства. Коллектив профессиональных научных сотрудников в составе более 10 человек – ядро музейного коллектива – постоянно контактирует с сообществом города Целле и близлежащих мест, со средствами массовой информации. Kontakтами с последними ведаёт Хильке Лангхамер. Доктор Майнерс, как Директор музея Боманна, занят источниками финансирования, постоянно работает с отделом культуры городской администрации и спонсорами. В год в музее в среднем организуют не менее 10 выставок, в основном из собственных фондов, посетителей бывает не менее 175 тысяч. В целом, проблема посетителя существует, как и в большинстве немецких и российских музеев.

Коль скоро речь зашла о посещаемости, надо сказать, что практически во всех более или менее крупных музеях Германии имеются книжно-сувенирные лавки и кафе, которые стали уже неотъемлемой частью музейного обслуживания. В музее Боманна, например, в кафе на специальных полках размещена разнообразная книжная продукция для гостей музея, которые имеют возможность содержательно почитать за чашечкой кофе. В картинной галерее Гамбурга в музейном кафе примечательны стены: из-за столиков можно наблюдать вмонтированные в них подсвечивающиеся витрины с монетами и старинными медалями⁹. Своеобразный сервис может быть и в самой музейной экспозиции, когда, к примеру, в одном из залов исторического музея Вольфсбурга, посмотрев под ноги, можно заметить географическую карту. К сервису можно отнести и витрину с небольшой бюстовой копией Нефертити перед выставкой с одноименным названием в одном из государственных музеев Берлина, где принцип организации музейного показа подразумевает центральную роль и месторасположение одного исключительного экспоната, рядом с которым, пусть даже это всего лишь копия,

можно сфотографироваться на память. Подобные примеры, наверняка, можно продолжить.

В стране более шести тысяч музеев. В основном это или очень большие (свыше 1 млн. посетителей в год), или очень маленькие музеи (до 5 тыс. посетителей, 55% от общего числа музеев). В ряду наиболее дискуссионных проблем, с которыми имеют дело европейские, в частности немецкие теоретики музейного дела, можно выделить исследования пиков посещаемости, низкий размер входной платы, музей и новая единая Европа. В практике немецких музеев популярна и находит реальное воплощение идея клуба друзей музея. Она постепенно приобретает все более отчетливый характер. Различаются лишь подходы к привлечению в музей тех, кто ощущает насущную потребность быть постоянно в курсе насыщенной музейной жизни и сотрудничать с экспозиционерами и другими музейными сотрудниками как универсалами сферы культуры.

Сложные явления и процессы в музейной сфере возникли не вдруг и не случайно. В связи с этим не помешает отметить несколько моментов в истории музеев Германии. Важно попытаться соотнести их в данном случае с музейными традициями в России. Первыми в полном смысле музеями в Германии (помимо первоначальных кунсткамер) были художественные музеи, или музеи изобразительного искусства, входившие в жизнь в основном начиная с XVIII в. Исторические музеи начали массово возникать ближе к концу XIX – началу XX в. С музеями исторического профиля в России дело обстояло сходно, что было связано, по-видимому, с общими закономерностями исторического развития, с приближением эпохи XX в. В нашей стране в это время стали появляться общественно значимые творческие объединения – сеть губернских ученых архивных комиссий. Деятели их, однако, поначалу не имели выхода на широкие слои населения. Надо думать, в том числе по этой причине в Рязани, например, члены Рязанской комиссии с самых первых дней существования научно-исследовательского объединения (1884 г.) стали уделять первостепенное внимание формированию исторического музея, вскоре ставшего доступным для посетителей¹⁰. В нем было найдено оптимальное, весьма эффективное средство донесения до населения «ликов» времени через научно осмысленные и особо представленные артефакты прошлого. Можно не без оснований предполагать, что недостатки общего уровня культурного развития и гражданского самосознания в сфере нарождавшихся музейных институций с лихвой компенсировались отдельными подвижниками культуры, которым посчастливилось вовремя объединить свои усилия. Это дало заметные результаты. К вопросу о ГУАК примыкает вопрос о том, что в России, возможно, в более упорядоченной форме по сравнению с Германией начали формироваться основы провинциальных музеев и их коллекций. Но несомненно и то, что на рубеже позапрошлого и прошлого веков Германия вступила в эпоху широкого распространения и интенсивного развития историко-этнографических музеев.

В Целле этнографический музей был основан на средства В. Боманна (1846–1926). Открытый для публичного посещения в 1892 г. музей получил название «Vaterländische Museum», или музей Отечества. В 1923 г. он был переименован в музей Боманна («Bomann Museum»). На открытие общедоступного музея Вильгельм Боманн потратил практически все свое фамильное состояние, связанное с местной промышленностью, став одним из главных его инициаторов. Выступая в 1907 г. на публичном открытии городского «детища», В. Боманн как первый директор сказал, что музей этнографии «посвящен исключительно истории культуры и быта окрестных местностей Ганновера... чтобы поддерживать любовь и понимание к родной истории, то есть, с одной стороны, к истории Отечества, с другой – к современности и образованию граждан... Таким образом, отнюдь не только художественный интерес направлял нашу работу, но и стремление найти то, с помощью чего можно подвигнуть внутренний взор человека к месту, из которого осознается прошлое родной земли и народного быта»¹¹. На удивление и в настоящее время по темкам вышло так, что позднее приветливые стены музея не отказали под старость этому увлеченному высокой идеей человеку в приюте.

Помимо представленных в экспозиции предметов, связанных с промышленностью Целле конца XIX – начала XX в., есть и совершенно другие вещи. Лицом музея Боманна являются воспроизведенные и наполненные настоящими старинными предметами интерьеры из народного обихода. Из воссозданного нижненемецкого дома с открытой передней-крылом посетитель может попасть в Вересковую комнату, где представлен вересковый ландшафт, а также примеры хозяйственного использования растения. О том, что интерес современных музейщиков Целле к этнографическим темам сохраняется, свидетельствует проходившая в 2004 г. в музее выставка картин берлинского художника-этнографа Вильгельма Кизеветтера, которые были получены из Музея европейской культуры, входящего в объединение государственных музеев Берлина. Произведения В. Кизеветтера знакомят со Скандинавией и Российской империей XIX в., с помощью изобразительных средств дают сцены быта и прочую этнографическую информацию, зафиксированную на территории Крыма, Калмыкии, Казахстана¹². Особняком в музее стоит коллекция миниатюры семейства Тензей, которому музей предоставляет небольшую выставочную площадь для ознакомления широкой публики с многочисленной уникальной коллекцией миниатюрных изображений¹³.

Некоторые немецкие музейщики объясняют появление историко-этнографических музеев тем, что культурное сообщество четко уловило завершение одной эры и начало другой – индустриальной. Это вызвало, с одной стороны, всплеск научной мысли в деле осмысления общественных отношений, ушедших в прошлое, с другой стороны, стал ощущаться особый интерес к повседневной жизни отдельного человека. Полагают, что без этого не мог бы возникнуть такой феномен начала

XX в., как немецкий исторический музей. Одним из главных моментов является то, что основанные в Германии музеи в это время, на стыке XIX и XX вв., законсервировали отличительный дух эпохи.

В этом смысле показателен так называемый Зал почета Целле, который используется как один из главных выставочных залов музея. В настоящее время в нем наряду с экспозиционным показом практикуются и выставки, например, в 2005 г. там проходила выставка исторической черно-белой фотографии, на которой сопоставлялись исторические и современные виды города¹⁴. Это здание, изначально построенное для музея, для нужд музейного показа, имеет в наши дни некое композиционное продолжение в виде компактного экспозиционно-выставочного комплекса, который был возведен менее столетия спустя, в 1980-е гг. (илл. 2). Дополнительная пристройка имеет современное внешнее оформление, внутри оборудована системой лифтового сообщения. В известном смысле ее дизайн развивает определенную тему, которую можно привязать к фахверковой архитектуре. К слову, в соседних городских каменно-бревенчатых постройках размещаются административные помещения и библиотека музея, выходящие в проулок, но фактически примыкающие к основным, как это ни парадоксально в городе-музее Целле, более современным музейным зданиям. Эта парадоксальность мнимая: мы имеем дело со зримым, правда, не столь пространственным свидетельством проявления историзма – сравнительно поздним появлением на исторической сцене музея как социокультурного института и феномена, с одной стороны, и, с другой стороны, с закономерным визуальным выражением результата культурно-исторического развития общества.

Оказывается, для видения музея как одного из главных, наряду с архивами и библиотеками, признаков зрелости культуры, есть уже основания более чем четырехсотлетней давности. Напомним, что в Европе, в первую очередь в Италии, частные и дворцовые кунсткамеры в качестве неких кабинетов редкостей стали появляться ближе к концу XVI в. С расширением музейно-библиотечных коллекций в северных странах со временем появились специальные здания. С последней трети XVII столетия подобные музейные комплексы приобрели особую популярность, о чем свидетельствуют данные о посещаемости и спросе на каталоги коллекций¹⁵.

Не лишено смысла предполагать, что в недрах такой сущности, как музей, функционально сравнительно молодой, может пролегать особый канал приобщения к более древним явлениям – архивам и особенно библиотекам. Учитывая принципы историзма и этапно-хронологической корректности, можно сказать, что последние являются древнейшими формами хранения и собирания исторической памяти человечества. Живущее в этих сокровищницах духовного опыта письменное слово, которое выступает в качестве наиболее рафинированного, в то же время достаточно универсального инструмента передачи информационных

смыслов в сравнении со зрительно-субстанциональными механизмами обмена, было бы недоступно людям, которые мало подготовлены или, скажем даже, вовсе не обременены знанием о тех или иных названных формах. Во многом именно поэтому и нужны музеи, в том числе, безусловно, музеи под открытым небом. Для большинства граждан, особенно если взять молодое поколение, в данной форме преемственной передачи различной культурной информации наиболее показателен дидактический, или воспитательно-образовательный аспект. Дидактическая природа любого музея уже сама по себе настраивает на заинтересованную внимательность, участие по отношению к наследию предыдущих поколений. Не случайно, по-видимому, именно современный крупный музей, как некий универсум, совмещает в своей организационной структуре отдельные, имеющие во многом самостоятельное значение музейные, библиотечные и архивные подразделения¹⁶. При том, что и архивы часто имеют собственные библиотеки, равно и библиотеки – архивные фонды, приходится говорить фактически об отсутствии в названных сочетаниях третьей составляющей, которая характерна, таким образом, лишь для музея-универсума. Наличие или отсутствие этого признака, судя по всему, может являться одним из серьезных индикаторов зрелости, важным критерием развития интегрирующего начала музея – этой высокоорганизованной единицы созидания-воспроизведения культуры во всей присущей понятию культуры сложности.

Постепенно институализировавшиеся, получившие широкое признание, общественно значимый статус и четкую пространственную локализацию, в общем, добившиеся, если можно так сказать, места под солнцем музеи представляют собой наполненные разнообразными смыслами свидетельства цепи исторических эпох. Характерно, что такие свидетельства связи времен и народов – непосредственные, зримые, уже, наконец, символьные. Поэтому в условиях нынешнего времени с его всемирной виртуальной системой организации информации, которая в своей глобальной структуре ориентирована на нужды и тенденции современности в ущерб базовым и глубинным основаниям исторического познания, ощущается стабильно возрастающая актуальность практического воплощения миссии классического музея в широком смысле. На передний план выходит перспектива движения к более широкой реализации этой важнейшей универсалии. Если разобраться, только с ее помощью в целом общество, не только отдельные, наиболее вдумчивые его представители соприкасаются с фундаментальными ценностями мировой и национальной культуры, тем самым, поддерживая непрерывное генерирование коллективного исторического опыта человеческой цивилизации.

Именно дидактизм современного музея можно увидеть и в стальной конструкции нового экспозиционно-выставочного корпуса музея в Целле (в этом корпусе экспонируется современное искусство), которая была разработана группой кёльнских архитекторов, решивших в бетон-

ных и стеклянно-стальных переходах напомнить о сохранившейся в городе застройке из бревен-балок и кирпича. Таким образом, отличительная конструкционная особенность немецкой и в целом общеевропейской светской архитектуры эпохи Средневековья благодаря воле дизайнеров имеет современные параллели и известное осмысление.

На нескольких этажах нового корпуса, помимо работ молодого поколения местных художников, относящихся к фонду искусства Целле, разместились выставки фонда художника Эберхарда Шлоттэра, уроженца Целле, несколько последних десятилетий работающего в Испании. В музее выпущен большой альбом с репродукциями работ этого патриарха изобразительного искусства¹⁷.

Издательское дело в немецких музеях, как и вообще в сегодняшней Германии налажено более чем достойно. Это должно объясняться как богатыми историческими традициями, так и тем, что оригинал-макеты каталогов многих современных выставок готовят профессионалы специализированных издательств и дизайнерских объединений. Организуя выставку, научный сотрудник параллельно готовит текст и иллюстрации, далее отдает все издателю, в результате остается только получить готовую продукцию. Музейная лавка, как правило, имеет существенный доход от продажи каталогов именно художественных выставок.

Инновации в работе изначально этнографического музея четко связаны с общими тенденциями ориентации современного музейного дела Германии на современное же изобразительное искусство. В ночное время новое музейное здание в Целле, оборудованное реагирующей на движение аудиовизуальной системой, привлекает внимание посетителя-прохожего к окнам-витринам, а также к стенам здания. Знакомясь с этой частью музея Боманна, жители города и туристы узнают о новейших тенденциях в современном западноевропейском визуальном и изобразительном искусстве, в конструкциях и экспонатуре по преимуществу немецких авторов и, в частности, тех, кто работает в Нижней Саксонии.

Сложность современной немецкой культуры, безусловно, предопределяет сложность визуального ряда в музейном показе. В этом пришлось убедиться на примере одного из «залов» галереи современного искусства в Ганновере (Kestner Gesellschaft), когда неожиданно перед глазами предстали белые стены и грязь, их наполняющая! Подчеркнуто светлые стены и, судя по всему, такой же пол экспозиционного помещения не просто вымазаны грязью (субстанцией похожей на грязь), зал ею зримо наполнен. Эту картину посетитель имеет возможность лицезреть почти сразу при входе в галерею.

В 1980-е гг. в Целле было возведено полностью оборудованное здание реставрационных мастерских и фондохранилища (илл. 3). Благодаря этому появилась возможность производить самостоятельные музейно-реставрационные работы. Изделия из дерева, текстиля, а также металла и стекла реставрируются сотрудниками музея Боманна. То, что музей обладает уникальной коллекцией текстиля, состоящей из пред-

метов, которые бытовали на территории значительной части Северо-Западной Германии в XIX–XX вв., во многом объясняет определенную специализацию реставрационных работ. Основные направления реставрационной деятельности подчинены, таким образом, составу фондов. Но повседневная работа реставраторов, конечно же, связана и с экспозиционно-выставочной деятельностью. Особенно примечательна в смысле тематической корреляции усилий музейных реставраторов и экспозиционеров постоянная выставка в герцогском замке Целле. Выставка в замке-дворце с помощью подлинных музейных экспонатов рассказывает об истории королевства Ганновер и его правящей династии Вельфов, известной в XIX в. родственными связями с правящей династией Великобритании. Известно, что ганноверские курфюрсты использовали дворец Целле в первую очередь в качестве летней резиденций. К 2005 г. была запланирована реэкспозиция постоянной выставки с использованием отреставрированных предметов из дерева, текстиля, металла. Суть намеченной на 2007 г. новой экспозиции заключалась в том, чтобы проследить историю развития города параллельно с историей возведения замка, с этапами превращения его в герцогский дворец. На протяжении более чем шестинедельного знакомства с внутримузеейной жизнью Целле постепенно сложилось впечатление, что именно разработка и подготовка этой новой экспозиции на протяжении ряда лет определяла объем, содержание и стратегический характер работы основных отделов музея – городской истории, региональной истории, реставрации.

Постоянная регионально-историческая выставка и сам дворец как главная городская достопримечательность являются важным «стержнем» современной концепции музейного развития Целле. Этот момент немало способствует воплощению идеи города-музея, во всяком случае, придает ей вполне ощутимую законченность.

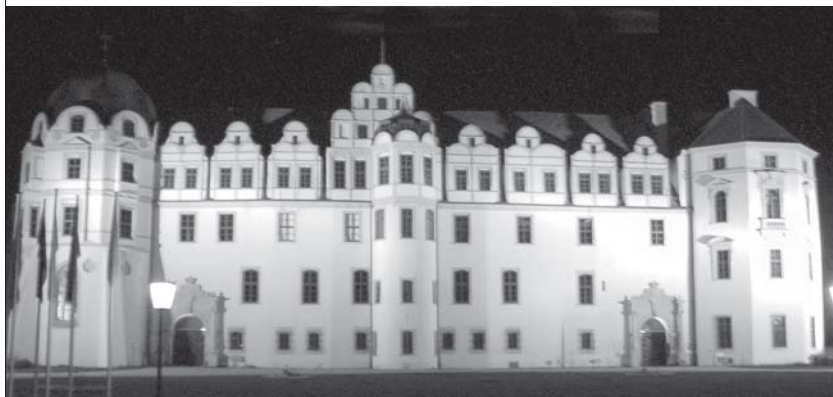
С этой линией стратегии местных музейщиков-профессионалов удачно сопрягаются векторы интересов многих маленьких городских музеев Целле, живущих общественной инициативой, по своей природе недостаточно стабильной. Они тянутся к главному городскому музею, поэтому и научные сотрудники музея Боманна помимо основной своей работы оказывают различным музейным «организмам» города экспозиционно-методическую помощь. Директор Боманн-музея вместе с коллективом научных сотрудников в интересах общегородского дела стремятся вывести музеи Целле на более высокий общий уровень.

В герцогском дворце Целле было запланировано введение в музейный показ инсценировок с тем, чтобы задействовать у посетителя все органы чувств. В связи с новой экспозицией задумывалось также проведение театральных постановок, ведь по соседству с музеем во дворце работает профессиональная труппа, функционирует старейшая театральная сцена. Кроме того, на 2005 г. было запланировано открытие крупной выставки, посвященной истории охоты.

О выставках в немецких музеях в целом можно сказать следующее. На выставке, судя по всему, замкнута практически вся работа средне-статистического немецкого музея, зачастую за счет развития науки, за счет комплексного научного изучения коллекций. В этом смысле российский музей, хочется верить, пока еще могут видеть свое определенное преимущество. Второй момент в том, что приоритет отдается тем из них, которые ориентированы более на концепцию, нежели на объект. Иными словами, большое значение при создании выставок уделяют дизайнерскому оформлению. Теоретической базой подобного подхода является представление о том, что четко продуманное оформление каждый раз должно подготавливать посетителя к неожиданности от встречи с объектами прошлого. Музейные предметы несут дух эпох, не похожих

*Илл. 1. Замок-дворец
Целле*

Илл. 4. Фахверковая архитектура Целле

Илл. 2. Музей Боманна в Целле

Илл. 3. Музейно-реставрационный центр Целле
и образец реставрированного текстиля из музейной коллекции

на современную, что требует нестандартного к ним подхода. Необходимость подобного подхода объясняется прежде всего тем, что не у каждого человека имеется активная потребность к самоанализу и, так сказать, к исторически детерминированному мышлению, к такому его еще нужно подготовить. Сначала посетитель должен увидеть что-то ему знакомое, и только вслед за этим, с помощью воплощенной в тех или иных конструкционных и тематических материалах воли дизайнера он может оказаться способным испытывать заинтересованность в чем-то новом среди «старого». И это – необходимейшее условие, чтобы пройдя музейную выставку, он вышел обратно и включился в ритм современной эпохи с ощущением присутствия в сознании чего-то нового, неожиданно любопытного, того, что в конечном итоге пропущено через себя. В таком случае есть вероятность, что по отношению к историческому времени новое знание-ощущение каким-то образом передается окружающим, близким людям, что они при случае придут воочию убедиться в рассказанном.

Можно с уверенностью сказать, что в Германии сильна музейная педагогика¹⁸, в том числе и в музее Целле работа с детьми организована на высоком уровне. В последние годы роль музейной педагогики постоянно возрастает, причем если брать музей Целле, то там один музейный педагог в должности научного сотрудника, а вне штата музея работает еще десять человек, так они подрабатывают. Другие из внештатных помощников на пенсии, но, имея многолетний опыт работы, не могут оставаться в стороне от музейного общегородского дела. Наряду с несомненными успехами в отмеченной сфере, можно подметить и другое. Из нескольких посещений специально оборудованного класса для развития у детей навыков творческо-практической деятельности показалось, что образовательный потенциал музея в работе с детьми немецкие музейщики используют далеко не полностью. Бесспорно, очень хорошо, когда дети, глядя на взрослого – музейного педагога, начинают что-то мастерить своими собственными руками или же рисовать в окружении произведений современного изобразительного искусства. Но коллеги часто чересчур поглощены тем, чтобы сделать музей исключительно местом, где дети получали бы в первую очередь определенные практические умения и творческие навыки, а также знания, но только те, которые сопутствуют формированию тех же умений и навыков. Некоторые творческие задания связаны с историческими предметами, экспонируемыми в музее (например, городские фонари). Классы музейной педагогики похожи на классы труда наших школ, с той разницей, что они еще и для детей дошкольного возраста. Тогда как подобный ценный подход можно было успешно сочетать и с другими приемами, во всяком случае, стоит оставить для возможных сочетаний место.

На внедрение музейно-педагогических технологий, учитывая передовой опыт работы музеев в Германии, нелишне обратить внимание в

работе российского музея. Возрастающая популярность детской музейной педагогики с приоритетами в креативно-практической сфере способствует привлечению в музей не только маленьких, но и взрослых прежде всего. Если думать о том, как пытаться совместить музейно-педагогический подход к детской креативности с традиционно богатым в отечественной музейной практике опытом разработок музейно-тематических экскурсий, то в будущем, кажется, могут обнаружиться перспективы качественного развития музейной педагогики. В общем, более личностный подход к интересам ребенка, к досугу подросткового поколения со стороны немецких музеев, в частности, в музее Боманна в Целле, по крайней мере, заслуживает внимания.

Кроме того, нелишне задуматься о возможностях известного принципа интерактивной экспозиции. В Германии его кладут в основу при организации многих музейных экспозиций. Совершенно не обязательно в данном случае исключительное использование дорогостоящих технологий. Можно просто применять принцип сближения музейного объекта, точнее, окружающих его информационных ресурсов и пространственно-конструкционных воплощений с посетителем. Ведь в музее человек может прийти не единственно за новыми знаниями, но наверняка и за новыми событиями-встречами с тонкой аурой музейного экспоната. Оригинальное продуманное сопровождение должно исключительно подчеркивать «живую» музейную реальность, но ни в коем случае ее не подменять. Широкий простор дизайнерской фантазии и воображению призваны обеспечивать, что нередко можно встретить в Германии, музеи современного искусства.

Общим наблюдением по итогам стажировки в одном из немецких музеев, которое бросилось в глаза сразу и в результате только укрепилось, является вывод о значительной самостоятельности музея в целом, прежде всего, на городском уровне (хотя музей Боманна не является ни федеральным, ни земельным), а также собственно музейщиков непосредственно на музейном уровне. Имеются основания заключить, что в этом – одно из заметных отличий в принципах работы немецкого и российского музея, особенно если учесть, что у немецких коллег так сложилось не вчера и не пару лет назад. Также как и в России, в Германии есть и исторические (иногда с более ярко выраженным этнографическим оттенком), и художественные музеи, в последние годы становятся все больше музеев современного искусства, поскольку они пользуются определенной популярностью. Отличия, видимо, связаны с некоторыми особенностями национальной культуры и менталитета. Неудивительно, что необычным кажется фактическое отсутствие такого характерного для музейной структуры России аспекта текущей документации и повседневной практики, как регулярная подготовка разнообразных отчетных материалов для вышестоящих инстанций-учредителей. Регулярная отчетность является моментом, в чем-то подталкивающим основной музейный процесс, но во многом она его тормозит.

В немецком музее стала ясна немного неожиданная вещь: при всех сложностях музейного финансирования, при всем разнообразии финансовых моделей и стратегий с сопутствующим таким вещам разнообразию документации, долгосрочный характер музейного планирования в Германии – давнее правило и основа любой формы работы.

У современных немецких музеев проблем не меньше, чем у российских. Главной из них, принципиальной и не связанной с конъюнктурой, является конкуренция с современными средствами информации и досуга, особенно в визуально-технической сфере. В чем-то это связано с качеством и характером оценок человеческого восприятия по отношению к создаваемым или развиваемым образам и информационным продуктам, то есть с применением так называемого принципа эмпатии, когда необходимо попытаться взглянуть на предмет (в данном случае это предлагаемые музеем образы в сочетании с информацией) глазами другого человека. Так же как и в России, молодежь современной Германии не слишком спешит в музей. Исключение разве что составляет популярный в последнее время праздник «Ночь в музее» (в России проводится 18 мая, в Международный день музеев), который увеличивает посещаемость резко, но, по-видимому, кратковременно.

Весьма вероятно, что в будущем к глобальной проблеме выяснения роли музея в обществе придется подходить более серьезно, скорее всего, продолжать поиск компромиссных решений в тактике, равно как и в целом искать некое расширенное представление о музее, об этом традиционно не столько ориентированном на современность, сколько самоценном хранилище-депозитарии прошлых поколений. Безусловно, это новое видение будет оправдано только при условии зрелого интереса со стороны гражданского общества в целом, но только отдельных знатоков древностей. В этом случае музей может и, думается, должен стать чем-то большим, нежели просто музей. Для этого ему прежде всего потребуется выйти за рамки достаточно стойкого стереотипа массового сознания. На самом деле преодолению стереотипа музея как «склада» диковинных древностей, не имеющих отношения к реальной жизни, развенчанию этого конструкта бытового мышления, детерминированного во многом исторически, должна способствовать сама идея классического музея. Она, кажется, до сих пор не вполне проведена в жизнь по причине сложности, необходимости филигранно сочетать теоретико-фактическую и образно-визуализирующую сферы в деле широкого представления сохраненных сегментов культурно-исторической действительности. И тут нельзя не учесть такой момент. Действительность эта – историческая в основе своей, если разобраться, стоящая в известной оппозиции нынешнему моменту. И по своей природе она именно таковая, будь то музей науки, современной техники, литературный музей или музей современного искусства, то есть, если происхождение объекта показа отстоит незначительно или даже вообще фактически сливается с моментом современности.

По своему значению идея музея обширна и многогранна, требует размышления, подталкивает человека мыслить самостоятельно и в чем-то исторически, в категориях исторического масштаба. Иными словами, она позволяет узнавать на том или ином уровне о причинной обусловленности явлений, о непосредственном и опосредованном влиянии прежних времен, «трогающих» настоящее, или «смотрящих» на него, о признаках и фактах, выводящих из деяний и судеб в прошлом нынешнее положение дел. Такой подход помогает каждый раз по-новому видеть ту или иную грань музея.

Итак, музей Целле представляет собой пример развития крупного музейного комплекса в направлении города-музея. Нельзя сказать, что этот процесс находится в стадии завершения. Но для его результативного воплощения имеются предпосылки, как объективного характера, так и субъективного порядка, то есть более частные. Объективный момент в том, что существуют особенности экономического развития города в орбите влияния крупного промышленного центра, каковым является Ганновер, который, безусловно, способен обеспечить достаточно стабильный приток туристов. Не менее важными по сравнению с внешними условиями существования современного города являются внутренние обстоятельства исторического развития Целле, а именно, прежде всего: статус одного из центров исторической округи с прекрасно сохранившимся ландшафтом средневекового города (комплекс фахверковых зданий и замок-дворец в историческом центре города), наличие достаточного числа различных музейных структур и связанного с ними крупного музейного сообщества города, наконец, потребность в профессионализации работы мелких музеев Целле на базе музея Боманна. Этот крупный этнографический музей Северо-Западной Германии, успешно вписывающийся к тому же в самое современное культурное пространство отнюдь не только федеральной земли Нижняя Саксония, уже сам по себе тяготеет к типу музеев-универсумов. Пример комплексного подхода к развитию музейных структур в Целле дополняет типологический ряд, представленный отдельными музеями городов Баварии, а также музеями под открытым небом в Германии в целом. Хочется отметить, что этот пример самобытного развития идеи музея-универсума показывает потенциал и перспективы музея как явления, как важнейшего социокультурного института современности.

¹ В Нижней Саксонии в наши дни проживает чуть менее 10 % жителей Германии, более 60 % площади федеральной земли используются для нужд сельского хозяйства. Ганновер же в последние годы стал известен в связи с ежегодно проходящими там промышленно-технологическими ярмарками мирового уровня, одна из которых, к слову, прилась на то время, когда проходила стажировка в рамках Музейного проекта Академии менеджмента 2005 г.

² *Dettmer, Hans-Georg*: «... den Sinn für das Schöne erwecken...»: Führer durch das Kestner-Museum Hannover. Redaktion: Birgitta Falk. Hannover 1998; *Ausgewählte Objecte – Selected Objects*: [Kestner-Museum Hannover]. Hannover 2000; Lower Saxon State Museum, Hanover: *Guide to the Museum*. Edited by Heide Grape-Albers. Editors: Thomas

Hirthe and Herbert Pötter. Heidelberg 2000. Нужно отметить, музей Кестнера (Kestner-Museum) обладает коллекцией предметов Античной эпохи, кроме того, представлены коллекции памятников древнеегипетской культуры, которой немцы интересуются уже давно и которая экспонируется во многих музеях Германии.

³ Город Целле с округой известен, в частности, своими историческими традициями коневодства. Памятник с фигурой лошади можно наблюдать на лужайке неподалеку от пруда вокруг замка-дворца из той части здания, где располагается Академия менеджмента Нижней Саксонии. Примечательно, что официальная символика федеральной земли Нижняя Саксония содержит изображение стоящей на задних ногах белой лошади на красном фоне. Любопытным является другой факт, связанный с заграничным путешествием русского царя Петра I Алексеевича, который в конце XVII в. побывал в окрестностях Целле и «в Коппенбрюгге (деревня в земле Целле)» встречался с курфюрстиной Ганноверской Софией и ее дочерью Софией-Шарлоттой, ученицей и приятельницей Лейбница, курфюрстиной Бранденбургской – см.: *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. II. Первое заграничное путешествие 1697–1698 гг. [Л.,.] 1941. С. 115.

⁴ Из соображений охраны, консервации и безопасности редкий для северо-запада Германии с точки зрения аутентичности интерьера объект религиозной культуры домового типа к настоящему времени закрыт для посещения, внутренне убранство можно наблюдать из-за стекла. Использование культовых сооружений не по прямому назначению было известно еще в конце XVI в., например, в Голландии. В Лейденском университете в 1591 г. в здании церкви был открыт Анатомический театр, где гид-анатом, производивший публичные опыты, являлся одновременно и хранителем разнообразных коллекций, которым таким образом сообщались учебные и научные цели – см.: *Моисеева Т.М.* Петровская Кунсткамера в контексте западноевропейских музеев XVI–XVIII вв. // 285 лет петербургской Кунсткамеры. Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвященной 285-летию Кунсткамеры (Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Т. XLVIII). СПб., 2000. С. 29.

⁵ Точных цифр по количественному составу коллекции музея Целле в нашем распоряжении нет, приблизительно около 0,5 млн. ед. хр. Скорее всего таковы реалии учета музейных предметов в конкретном музее Боманна, ведь находясь в точке качественного роста, он переживает в настоящее время постепенное превращение изначально этнографического музея в городское музейное объединение с перспективой города-музея. Если сравнивать с российскими музеями, то они в отношении музейного учета существуют в иных условиях. Российская система государственного учета, несмотря на события лета 2006 г., ажиотаж и резонирующий эффект в связи с выявлением недостающих предметов в коллекции Эрмитажа, также функционирует и дает пример принципиально иной модели.

⁶ Museumsdorf Hösseringen: Bomann-Museum Celle: Materialien Landwirtschaftsmuseum 26. Herausgeber: Horst W. Löbert und Jochen Meiners. Redaktion: Heike Fauter. Uelzen und Celle 2004. Этот выпуск посвящен керамике и связанным с ее производством этнографическим аспектам.

⁷ *Wiese, Giesela und Wiese, Rolf (Hrsg.): Ein Museum kommt in die Jahre. Festschrift zum 50-jährigen Bestehen des Freilichtmuseums am Kiekeberg.* Redaktion: G. Wiese. Ehestorf 2003; *Overdick, Thomas: "Petticoat und Frontlander": Die neue Dauerausstellung im Freilichtmuseum am Kiekeberg zum Wirtschaftswunder auf dem Lande.* In: Mitteilungsblatt. Museumsverband für Niedersachsen und Bremen. Nr. 66/2005, 38–44.

⁸ См., напр.: Судьба Рязанского кремля: музей-заповедник или административно-духовный центр епархии? / Редактор-составитель И.Г. Кусова. Вып. [1]–3. Рязань, 2004–2007; *Губин Д.В.* Вопрос о будущем российских музеев-заповедников (на примере Рязанского кремля) // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию создания Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь» (Петрозаводск – Кижь, июнь 2006 г.). Петрозаводск, 2006.

С. 44–49; Мусин А.Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.

⁹ Об изобразительных техниках художников, полотна которых экспонируются в галерее, можно узнать из книги: *Sello, Thomas und Müller, Rainer: Nicht nur mit Pinsel und Öl: 99 Maler der Hamburger Kunsthalle und ihre Techniken.* Hamburg 1993.

¹⁰ Речь, говоренная (в сокращении) Членом Рязанской ученой архивной комиссии С.Д. Яхонтовым, в годичном собрании 12 июня 1894 года, в десятилетие с открытия Комиссии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1895 год. Т. X. Вып. 2. Рязань, 1895. С. I–XIV. Текст этого и еще одного доклада Яхонтова в РЯАК размножен к коллективному обсуждению ряда злободневных вопросов по современной ситуации вокруг Рязанского музея-заповедника в рамках круглого стола настоящей конференции: «Музейный парадиз» С.Д. Яхонтова в Кремле и современные реалии. Материалы к Круглому столу межрегиональной научно-практической конференции IV Яхонтовские чтения / [сост. Д.В. Губин]. Рязань, 2006. С. 3–9. Полный текст Материалов к Круглому столу воспроизведен в настоящем издании (с. 638–644). Примечателен отрывок, который имеет отношение помимо рязанского музея к музейным реалиям Германии конца XIX в. Любопытное наблюдение В.И. Семевского встречаем в тексте С.Д. Яхонтова: «Пусть для будущих поколений он (исторический музей РЯАК. – Д.Г.) будет школою и они скажут спасибо за поддержку этого хранилища науки, художеств и вообще культуры милой для них родины. Пример тому видим на Западе. “Стоит только перешагнуть рубеж русской земли, рассказывает Семевский, каждый мало-мальски значительный город в Германии, во Франции имеет музей. Зайдите в него в воскресенье. Толпы народа его наполняют. И сколько тут людей из простого народа: крестьян, ремесленников, солдат! Все это смотрит и, разбирая надписи на предметах, читая указатель, – учится и учится”» (выделено. – С. Яхонтовым).

¹¹ Bomann-Museum Celle: Guide to the Museum. Redaktion: Juliane Schmieglitz-Otten (deutsche Ausgabe). Seelze 1992. P. [3].

¹² *Tietmeyer, Elisabeth: Kiesewetters ethnographische Reisebilder: Der Maler und Ethnograph Wilhelm Kiesewetter (1811–1865).* Celle 2004.

¹³ The Tansey Miniature Collection: Stiftung Miniaturensammlung Tansey im Bomann-Museum Celle. Text: Bernd Pappe, Dietrun Otten, Juliane Schmieglitz-Otten. Translation: Joanna Hengstenberg. Celle 2002.

¹⁴ На ином принципе построен фотоальбом музейного педагога Уве Раутенберга, в котором представлены современные фотокомпозиции, позволяющие по-своему окунуться в повседневную жизнь Целле на один день: Ein Tag Celle: Das Leben in einer Stadt im Jahr 2000: Fotoprojekt der Volkshochschule Celle unter Leitung von Uwe Rautenberg. Celle 2002.

¹⁵ См.: *Моисеева Т.М.* Указ. соч. С. 27–29.

¹⁶ Причем формальное наличие, сочетание этих трех составляющих музея-универсума (названная архивная составляющая имеет как правило достаточно ограниченное значение, связанное с чисто музейной, ведомственной историей) еще не даст собственно музея-универсума, отнюдь. Он не может существовать вне места, в котором исторически возник. Пусть это даже одно, но исторически значимое, неповторимое и знаковое здание того или иного города. В таком случае, а также в случае с естественным музеем под открытым небом это будет действительно музей-универсум.

¹⁷ Eberhard Schlotter Malerei 1941–1986. Einführung: Heidi Roch-Stübler. Dokumentarischer Anhang: Günther Flemming. Darmstadt 1987.

¹⁸ См., напр.: The Educational Complex: Vermittlungsstrategien von Gegenwartskunst: Textbeiträge der referenten des symposiums im Kunstmuseum Wolfsburg. Redaktion: Ute Lefart-Polland, Anja Westermann. Hannover 2003; *Wiese, Rolf: Museumspädagogisches Programm. Vorschule, Grundschule, Klasse 5–10, Oberstufe/Berufsschule: Museumspädagogische Materialien des Freilichtmuseums am Kiekeberg: Band 6.* Ehestorf 2004.

5. Романова Е.И., Купцов А.Г. Мониторинг природно-технической системы исторической территории Рязанского кремля // Сборник трудов 1-го Международного научно-практического симпозиума «Природные условия строительства и сохранения храмов Православной Руси». Троице-Сергиева Лавра, 7–11 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002.

6. Романова Е.И., Купцов А.Г., Белова Г.С. Стационарные режимные наблюдения (мониторинг) на исторических территориях // Материалы II научно-практической конференции «Проблемы сохранения и развития музеев-заповедников». Бородино, 22–24 октября 1997 г. М., 1998.

7. Романова Е.И. Проблема организации мониторинга исторических территорий музеев-заповедников // Материалы IV научно-практической конференции «Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия». Бородино, 17–18 ноября 1999. М., 2000.

Д.В. Губин

РЯЗАНСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК НА СТРАНИЦАХ ЦЕРКОВНОЙ ПЕЧАТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОС СОБСТВЕННОСТИ И ИСТОРИЯ РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ*

Взаимоотношения между Федеральным государственным учреждением культуры «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» (РИАМЗ) и руководством Рязанской епархии в связи с вопросом о возможности передачи Рязанского кремля в ведение Русской Православной церкви в 2006 г. резко обострились¹. Возникла необходимость критически проанализировать публикации в местной церковной прессе с параллельным рассмотрением ряда вопросов по истории Рязанского кремля. В некоторых из публикаций превратно трактуется прошлое заповедной исторической территории, встречаются заявления, затрагивающие профессиональную честь и достоинство директора и научных сотрудников музея-заповедника. Идея настоящей работы связана с целью раскрыть основные спекуляции в газетных текстах, логическую и историческую шаткость в построениях авторов этих текстов.

* Публикация приурочена к круглой дате с момента образования Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (1968 г.). Название отражает сложную структуру текста статьи. Эта структура подчинена принципу опоры на тезисы, опубликованные в современной церковной прессе, с целью прояснения вкладываемого в них смысла, показа искажающих смысл моментов. Связанное с научными вопросами из истории Рязанского кремля повествование отталкивается от этих тезисов, предлагает ли автор комментарии в виде историко-критического и теоретического опровержения, разъясняет ли и расширяет информацию, связанную с историей Рязанского кремля. Вместе с тем, блоки исследовательской информации выходят за рамки заданной структуры и приобретают самостоятельное значение. В частности, от этой «рамочности» (рамка как литературный прием в некоторых памятниках эпохи Средневековья) идет различие в выделении цитируемого автором текста печатных и рукописных источников (современный газетный текст – курсив, в остальных случаях – разрядка).

Наиболее существенные сведения в затронутом вопросе дает анализ печатных материалов, опубликованных в православной газете «Золотые купола» за период с июня 2004 г. по май 2006 г. Это периодическое издание выходит по благословию архиепископа Рязанского и Касимовского Павла (Пономарева), то есть с ведома Управляющего Рязанской епархией. Ограничимся наиболее показательными примерами манипулирования словами и информацией в рассматриваемых материалах периодической печати.

Один из номеров «Золотых куполов» (№ 8 (12), 2004 г.) знакомит читателя с проповедью архиепископа Павла, которая была прочитана на службе в кафедральном Христорождественском соборе Рязанского кремля. В ней было сказано, что архиепископ обратился к губернатору Рязанской области Г.И. Шпаку с просьбой о возвращении церкви «*кремлевских храмов*» (выделено *Д.Г.*). Помимо того, что губернатор не уполномочен распоряжаться федеральным имуществом, в состав которого, в том числе, входят названные «кремлевские храмы», любопытна сама по себе лексическая конструкция. Она имплицитно предполагает наличие в Кремле лишь одних храмовых построек, что не соответствует действительности, не говоря уже о том, что совершенно на стороне остается значение собственно исторической территории кремлевского холма, которая осваивалась человеком с доисторических времен. Кроме того, эта фраза может внушить склонному к идеализации прошлого созерцателю кремлевских красот мысль о том, что доминирующий над окружающим ландшафтом вид храмов на кремлевском холме автоматически распространяет права духовных властей на всю территорию изначального города-крепости, тогда как известен целый ряд фактов, не укладывающихся в такую схему.

К примеру, даже в период расцвета Рязанской митрополии в XVII в. духовенству лишь частично принадлежало владельческое недвижимое имущество и земельные участки на территории «города» (Кремля), причем не в большей их части². Для XVIII в. есть свидетельство о продаже казенного вина в «фартине», или фартеной избе, «что у каменной башни» (архивные данные о казенном, то есть городском заведении, располагавшемся на рассматриваемой исторической территории, относятся к 1754 г.)³. Под этой башней должна подразумеваться, судя по всему, Глебовская башня (единственная каменная), на ее месте в настоящее время находится Колокольня Рязанского кремля. Далее, вплоть до Первой мировой войны на территории Рязанского кремля существовали независимые домовладельцы – именно с них, не с епархии городскими властями взимался квартирный налог⁴. Наконец, даже вокруг храмов не все постройки относились к епархиальному ведомству. Так, по данным за начало XX в. инспекции судоходства принадлежал «у собора казенный дом», где находился пристанский надзиратель, командир баркаса «Часовой» мещанин П.А. Шмелев⁵.

В публикации встречено выражение «*музейный плен*» в отношении Дворца Олега и коллекции икон (выделено *Д.Г.*). Закономерность возникновения ассоциации типа плен-враг легко предполагать вообще, а у читающей аудитории, на которую рассчитана эта проповедь, тем более.

Исходя из печатного текста, архиепископ Павел сравнил музей-заповедник, буквально, с «*атеистическим гетто*» (выделено *Д.Г.*)⁶. Вывод о таком сравнении проистекает из узкого анализа контекста проповеди. Из анализа же широкого контекста публикации видно, что под так называемым «атеистическим гетто» можно понимать в целом светское государство. Даже без тщательного филологического анализа словосочетания «атеистическое гетто» ясно, что оно имеет ярко выраженную негативную коннотацию. Публикация материалов с подобными заявлениями таит опасность нагнетания социальной нетерпимости и розни, усиливает напряженность в обществе. К сожалению, можно констатировать удручающее наблюдение: приведенные «программные» высказывания на страницах издания, связанного с руководством Рязанской епархии, не исключают апелляцию к структуре и элементам общественного устройства Российской Федерации как светского государства.

Далее, в «Золотых куполах» (№ 4 (33), 2006 г.) оценивается деятельность директора Рязанского музея-заповедника Л.Д. Максимовой. В частности сказано, что она «*раздувает пожар вражды*» (выделено *Д.Г.*). Обращает на себя внимание провокационный характер использования определенной лексики. Слова не подкрепляются фактами, либо одни факты выпячиваются в ущерб другим или же вообще умалчиваются. Тогда как именно факты показывают обратное. При настоящем руководителе были переданы из состава музея-заповедника в пользование Рязанской епархии комплекс Солотчинского монастыря, церковь Спаса на Яру, здание Гостиницы знати, Преображенская церковь на городище Старая Рязань. Успенский и Христорождественский соборы с Колокольней Рязанского кремля были определены в совместное пользование. Л.Д. Максимова при предшественнике архиепископа Павла митрополите Симоне получила даже почетную награду от Русской Православной церкви. В настоящее время на стороне Рязанского музея-заповедника действующее законодательство, в первую очередь, Положение о Государственном своде особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

В этом же номере «Золотых куполов» следует другое обвинение, теперь уже в целом в адрес музея-заповедника, что «*музей искажил русскую историю*» (выделено *Д.Г.*). Доказывающие этот тезис аргументы в количестве трех пунктов (три строчки) серьезными назвать нельзя. На это претендует следующее, единственное более развернутое (в смысле не качества, а количества, на трех страницах) доказательство под девизом, что директор «*делает все возможное, чтобы стереть историческую память из памяти потомков*» (выделено *Д.Г.*). Если рассуждать в таких категориях, как манипуляции с исторической памятью, то прежде

всего следовало бы учесть, что историческая память – понятие обширное, практически необъятное, манипуляции с ним со стороны одного человека должны были бы иметь размеры не меньшие, чем в образно-сюжетном арсенале былинной поэтики. Отваживаясь на подобные заявления, вредно и очень опасно забывать или сознательно игнорировать тот непреложный факт, что категория исторической памяти охватывает наряду с названиями объектов такие глобальные понятия, как исторические ландшафты, архитектурные памятники, археологические слои, письменные источники, печатные издания и сохранившиеся предметы прошлого. Авторы текстов и ответственный редактор газеты «Золотые купола» ограничиваются анализом (предвзятым) одной составляющей, а именно второй, да и то лишь таким ее аспектом, как название памятника. В коллективной публикации (маловероятно, чтобы авторство ее принадлежит отдельному «писателю») речь идет о том, что директор Л.Д. Максимова «придумала свою историю, в которой, например, *Архиерейский дом переименовала во Дворец Олега*, хотя всем известно, что великий Рязанский князь Олег Иоаннович жить в нем не мог» (выделено Д.Г.). Как видим, помещенный в контекст, этот случай с названием памятника архитектуры – аспект, безусловно, частный, хотя и немаловажный сам по себе. В рамках заявленного подхода, претендующего на рассуждение на уровне категорий исторической памяти, громкое заявление о переименовании есть пустой звук, не более чем. Но важнее даже другое. Ложным является общий смысл высказывания. Если ставить данный тезис-постулат в один ряд с привязкой к месту жительства конкретного исторического лица, как это сделано в газетной публикации, примечательный сразу в нескольких отношениях памятник архитектуры заведомо обедняется, так как грубо выпячивается функциональное назначение за счет неоспоримого символического статуса памятника. Представление о смысле и соответствующей цели нового именованья делается крайне упрощенным, сложная смысловая нагрузка современного названия памятника архитектуры сведена к минимуму. В общем, тезис увязывает название памятника с отдельной персоной, пусть и наиболее известной в общерусском масштабе, жестко и нарочито, в ущерб представлению о существовании в прошлом соответствующей династической линии князей. Кроме того, нисколько не учитывается вопрос об исторической корректности самого соотнесения термина «архиерейский дом» со зданием Дворца Олега. Основания для постановки этого вопроса имеются серьезные, что будут показано далее. Искажение исторической действительности усугубляется беспепелляционной привязкой ко времени, близкому к моменту современности.

Тем более тенденция к искажению исторических представлений (со стороны авторов газетного текста и их возможных консультантов) должна быть очевидна, если некое, имевшее место в прошлом переименование определенного названия действительно не лишено исторического основания. Между прочим, именно это мы имеем в случае с совре-

менным Дворцом Олега (построен в XVII–XIX вв.) в том смысле, что кремлевский памятник расположен на территории существовавшего вплоть до XVI в. административно-хозяйственного центра великого княжества Рязанского, на месте великокняжеской резиденции. В смысле же названия, для которого известны реальные факты его бытования в официальных источниках нормативного характера, то работу по разъяснению вопроса, для нас не имеющего принципиальной важности, следовало бы провести в рамках тщательного архивного исследования на материалах XIX в.

Приведенные примеры избирательного подхода не рассчитаны на серьезную критику. Обманчивость выделенных курсивом заявлений станет окончательно ясна, если привести факты, которые в рассматриваемом тексте также не учитываются, точнее, игнорируется сама возможность существования подобных «мелочей». Доказательством ложности, к тому же конъюнктурности и ангажированности последнего выделенного тезиса является использование практически идентичного словосочетания в архивных документах, а также в печатном, заметим, епархиальном издании за самое начало XX в. (палаты князя Олега, Олегов Дворец). На подробном нивелирном плане города Рязани 1909 г., хранящемся в фондах РИАМЗ (см. илл. 1), который был составлен межевым инженером В.Н. Галактионовым и согласован с главным городским инженером А.Ф. Лаговским, нанесены сразу два названия: «Архиерейский дом» и «Дворец князя Олега»⁷. Причины тому можно искать в свидетельствах источников, возникших не позднее XIX в.⁸

Если стоять на позиции историзма и терминологической корректности, исключительно важно проводить различие – «Архиерейский дом» и здание современного Дворца Олега. Помимо того, что Дворец

Илл. 1. План г. Рязани 1909 г. В.Н. Галактионова (фрагмент). Подробный нивелирный план губернского города с примечаниями межевого и главного городского инженеров, цветной, выпущен в типографии В. Рихтера в Москве. РИАМЗ. КП-15512

Олега является уникальным памятником архитектуры, в наши дни он предстает еще и в качестве главного экспозиционного корпуса, а также в качестве основного фондохранилища музея-заповедника. Итак, необходима осмысленность и корректность в применении исторической терминологии. Среди материалов ГАРО сохранились архивные сведения за XVIII в. Они вполне убеждают, что то или иное распространение терминологии, связанной с епархиальными структурами, характерно как для XVII в., так и для XVIII столетия, в смысле объединения хозяйственных зданий Рязанского кремля в некий комплекс. Подчеркнем, исключение составляет здание современного Дворца Олега, так как в рассматриваемую историческую эпоху в нем находилась крестовая палата. Встреченный в деле фонда Воеводской канцелярии один из архивных текстов фиксирует: «Доношение архиепископа Рязанского Алексея о взятках с дому его и дальних вотчин в Переяславль-Рязанской провинции рязанским воеводой Петром Чебышевым и служителями Переяславль-Рязанской провинциальной канцелярии. В доношении архиепископа Рязанского и Муромского Алексея написано, что в 1741 г. капрал Переяславль-Рязанской провинциальной канцелярии Иван Попков со многими рассыльщиками приходил к д о м у его и от ворот калитку отбил и ворвался в д о м его. Конюшенные ворота изломали и из конюшни взяли трех домовых лошадей, двух из них потом вернули, а одну нет» (выделено *Д. Г.*)⁹. В другом деле сказано: «Преосвященный Алексей архиепископ рязанский и муромский пожаловался, что 14 октября 1741 г. переяславль-рязанский воевода Чебышев прислал в крестовую палату протоколиста Козму Сарыкова с промеморией о присылке Солоченского монастыря иеродиакона Мартирия и велел самому его преосвященству принять промеморию и такими непристойными непорядками в старости глубоцей ево утруждает, а токмо закрепил один он воевода, а ассессорские и секретарские на той промемории закрепы нет. И не видя их принимать промеморию не велел, а сказал протоколисту, чтобы они подавали в прилучившихся каких делах в доме ево в духовном приказе, а не в крестовой палате, понеже в ней и церковь святая имеется Стретения господня, а не канцелярия» (выделено *Д. Г.*)¹⁰. Сам по себе интересен и возникший эпизод с лошадьми, так как приведенные данные первоисточника наверняка имеют отношение к более широкому вопросу, стоящему в прямой связи с представлениями об особенностях процесса внедрения новых механизмов взаимодействия численно приросшего государственного аппарата и церковных образований в центре и на местах. Речь идет о заведении в России во второй четверти XVIII в. государственных конных заводов на территориях синодальной области, архиерейских и епархиальных домов и монастырей, в связи с чем была создана специальная комиссия в рамках учреждений Сената¹¹.

Если приглядеться к деталям терминологии в тексте отмеченного источника, обязательно обратят на себя внимание любопытные архивные

данные, обнаруженные автором настоящей статьи более шести лет тому назад и введенные в научный оборот по другому поводу. «Из главной дворцовой канцелярии в дом в Резань Мусино Пушкино/и/ требовал Фролу (?), его страпчава, которой за дела (?) ходит... (неразб.), ...не мешкая явился во главную дворцовую канцелярию» (выделено Д.Г.)¹². Дело в том, что А.И. Мусин-Пушкин в первой половине 1790-х гг., как известно, занимал должность Обер-прокурора Синода, оказывал заметное влияние на дела этого ведомства. В это время продолжало пополняться собрание книжных и письменных памятников, находившихся в его распоряжении. С Мусиным-Пушкиным связывают появление известного указа 1791 г. о присылке в Синод рукописей («относящихся к российской истории летописей и других сочинений»)¹³. Посему можно с уверенностью предположить, что в приведенном отрывке о «дворцовой канцелярии» речь идет о «подразделении» именно духовного ведомства в Рязани, которое опять названо «дом», но уже 50 лет спустя.

По поводу названия «Дворец Олега» напрашивается следующее предположение. К самому началу прошлого столетия на территории Кремля, на месте бывшей великокняжеской резиденции, это название могло закрепиться за самым крупным сооружением гражданской архитектуры по той простой причине, что епархиальное ведомство к тому времени отказалось от функционального использования здания ввиду его аварийного состояния, которое подтверждается архивными данными¹⁴. Документы Российского государственного исторического архива, которые также убеждают в плачевном состоянии всех без исключения кремлевских построек и будут рассмотрены далее, приоткрывают причину этого вероятного отказа – недостаток денежных средств. В этом смысле несложно представить обстоятельства появления рассматриваемого названия архитектурного сооружения в народном сознании. К тому же не помешает учесть, особенно автору современного газетного текста, который предпочел остаться неизвестным, что какое-то время в XIX в., возможно, даже еще в предшествующем столетии для ассоциирования с великим князем Рязанским Олегом Ивановичем, с этим крупным деятелем эпохи Средневековья (на исторической сцене он был во второй половине XIV – начале XV в.), основанием выступало само здание. Еще век назад соответствующее стилизованное изображение рязанского князя можно было наблюдать на западном фасаде монументального сооружения. Но даже и без того, как сейчас, так и раньше, архитектурный памятник представлял собой вполне гражданское сооружение, как по внешним архитектурным особенностям (здание визуально не похоже на храм), так и по своей сути, поскольку и в действительности никогда и ни в коей мере не заменял находящегося в нескольких шагах общегородского собора. Тем более, если брать XIX – начало XX в., здание нынешнего Дворца Олега нередко претерпевало, в первую очередь из-за недостатка средств на капитальный ремонт, «косметические» переделки. Постепенно они исказили его первоначальный, как

можно заметить сегодня, достаточно замысловатый облик, тщательно воссоздаваемый в наши дни специалистами-реставраторами.

Поэтому несостоятельность тезиса, что в нынешнем здании Дворца Олега великий князь Олег Иванович Рязанский жить не мог, в связи с привязкой данного аргумента к объяснению происхождения современного названия памятника архитектуры, вполне очевидна. Но как раз на этом ложном аргументе, который апеллирует к названию и, соответственно, к деятельности современного руководителя историко-архитектурного комплекса, то есть к директору музея-заповедника, и строится все последующее, мнимое научное изложение материала.

Помимо вопросов к тексту, с точки зрения основной повествовательной линии о Дворце Олега в рассматриваемой публикации особого внимания заслуживает визуальный ряд, имеющий мало общего с содержанием основного текста: пять (из шести) воспроизведенных фотографий относятся к находящемуся неподалеку от Рязани Солотчинскому монастырю. К нему же относятся и выделенные жирным шрифтом архивные выписки. В этом монастыре, который в настоящее время находится в ведении Рязанской епархии, князь Олег Иванович был похоронен в начале XV в.

В целом, весь текст данной публикации под названием *«Чего боятсь вдохновители “подписной компании”»* (выделено Д.Г.) можно назвать не иначе как тщательно изготовленной информационной манипуляцией, направленной против Рязанского музея-заповедника, – в начале и в конце текста (в последнем случае короткий фрагмент также выделен жирным шрифтом) речь идет именно об учреждении культуры на территории Рязанского кремля.

В связи с затронутой темой «переименования» сразу вспоминается нашумевшее письмо Патриарха Алексия II Президенту В.В. Путину от 22 февраля 2006 г., с которого начался качественно новый, уже общероссийский «скачок напряжения» вокруг Рязанского кремля. Точнее, в связи с вопросом о происхождении тех или иных исторических терминов обращает на себя внимание вольное отношение авторов текста этого письма к таким понятиям, как причинно-следственные взаимосвязи исторических явлений, а также хронология событий и терминологические рамки. Имеется в виду одно из первых предложений письма: «Этот Духовный Центр получил наименование Рязанского Кремля и состоит из комплекса зданий... следовательно, ансамбль строений Рязанского Кремля является исключительно имуществом религиозного назначения».

При желании этот тезис можно разбирать долго, поскольку вопрос как о появлении, так и о широком употреблении термина «кремль», особенно в отношении исторического ядра Рязани, весьма сложен. Но более уместно сделать одно главное уточнение: как известно, слово «кремль» означает крепость или город-крепость и не является исключительно рязанским изобретением. Начало употребления его приме-

нительно к исторической территории города-крепости Переяславля Рязанского относится, скорее всего, к позднему XVIII в. Добавим, что появление словосочетания «Рязанский кремль» вряд ли нужно связывать с расцветом Рязанской епархии, можно сказать даже наоборот – расцвет епархии, в целом расцвет городской жизни и, как следствие, возникновение ансамбля каменной архитектуры на территории «города» Переяславля Рязанского пришлось на предыдущее столетие. Таким образом, рассматривать слово «кремль» как термин, апеллирующий к прошлому городского центра, более резонно. Его закрепление по хронологии увязывается, в первую очередь, с перемещением административного центра города Рязани в другое место, что было связано с ростом городского населения и расширением границ Российского государства, а также с новыми тенденциями жизни провинциальных центров и градостроения последней четверти XVIII столетия. Таким образом, к концу XVIII в. на исконном месте остался только исторический, но не административный городской центр. Не случайно, что до конца XVII в. эта территория по отношению, в частности, к слободам была «городом», а век спустя она стала Кремлем. Преобладание идеи города в названии исторического центра Рязани четко прослеживается по ряду письменных источников¹⁵.

Вместе с тем, в отношении вопроса о полном соотношении «города» (термин фигурирует в ранних источниках вплоть до конца XVII в.) с «кремлем» (термин встречается, как правило, позднее) следует, по-видимому, быть несколько осторожнее. Особого внимания заслуживают наблюдения А.М. Сахарова по поводу визуальных впечатлений иностранцев об иноземных, русских городах и, соответственно, связанные с ними существенные нюансы относительно терминологии, распространенной в русских источниках, в частности, за XVII в.: «... иностранцы заметили особенности городов в России. “Все, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют городом”, – записал Герберштейн. Менее точно понял эту особенность русской терминологии Дженкинсон: “город же на русском языке значит замок”. Такое употребление термина “город” имеет многочисленные аналогии в русских источниках. Многие иностранцы (Д. Горсей, Я. Ульфельд, И. Перенштейн, Д. Флетчер и др.) приравнивали русские города к крепостям. Но еще Герберштейн подошел к делу иначе... Даниил Принц называл городами Псков, Новгород, Москву, Смоленск, но Ивангород у него – “весьма крепкий замок”, Изборск и Остров – “укрепленные замки”... Очень внимателен к типу поселений и особенно укреплений был Штаден... посад в представлении автора отличается от деревни хотя бы уже своим административным значением и в этом смысле иногда покрывается общим термином “город”, противопоставляясь деревне. Включение посада в понятие “город” хорошо знакомо и русским источникам, отражает тесную связь посада с городом...»¹⁶. По наблюдениям Л.Н. Годовиковой, у военного инженера итальянца Гвань-

ини, который был комендантом Витебска и известен как автор «Описания Московии» (1578), земли вокруг Рязани обозначены термином «*ducatus*» (так же как и в отношении Новгорода, Пскова, Смоленска, Твери, Ржева, Ярославля, Суздаля)¹⁷.

В связи с наблюдением Герберштейна, которое очень важно для нас, можно привести современные археологические данные для территории, тяготеющей к Борисоглебскому собору Переяславля Рязанского, – о перекрытии промежутка между оврагами и рвом глубиной в одну сажень, а также валом высотой в одну сажень с деревянным тыном-частоколом (по В.М. Буланкину, данные на XVII в.)¹⁸.

Если брать средневековую Рязань, или по-другому Переяславль Рязанский, могут оказаться особенно важными наблюдения А.М. Сахарова о торговцах и ремесленниках: «Вряд ли случайно иностранцу в русских городах прежде всего заметны были торговцы, а не ремесленники (на основании чего Ключевский... сделал вывод о чрезвычайно слабом развитии ремесленного производства в русских городах)... Занятия торговлей более всего отличали жителей городов от жителей деревень...»¹⁹. Относительно соотечественников и оценки их впечатлений об иностранных городах, наиболее показательна у автора мысль, которая доказывает, что в Московской Руси XVI в. понятие «посадские люди» (в смысле горожане, а не сельчане) получило четкое закрепление в общественном сознании: «... для обозначения городского населения у московских послов был ясный термин “посадские люди”. Никакого колебания в обозначении зарубежных горожан в документах московских послов не видно, и это свидетельствует о том, насколько твердо в Русском государстве, по крайней мере, во второй половине XVI в., установилось определенное понятие “посадских людей” именно как городского жителей (не как определенной правовой группы, разумеется)»²⁰.

Важный смысл имеют источниковедческие, общетеоретические и лексикологические наблюдения исследователей: «К.А. Неволин полагал, что “городом” в Древней Руси называлась крепость <...> Впоследствии словом “город”, по его мнению, стали называть жителей укрепленного поселения <...> Как древнейшую крепость-убежище для окрестного населения сел и пригородов представляли себе город А.Ф. Гильфердинг, В.В. Макушев, Ф.И. Леонтович, П.Н. Милюков. Все они утверждали, что русские раннесредневековые города практически не имели постоянного населения. В городах проживали лишь немногочисленные сторожа, временами князя...»²¹. Со многим из этого соглашась, по поводу раннесредневековых русских городов О.М. Рапов все же замечает: «...однако попытки свести город к незаселенному детинцу – не могут вызвать одобрения». И далее автор приводит мнение других известных ученых: «Н.И. Хлебников, И.И. Срезневский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский также видели в древнерусском городе в первую очередь крепость-убежище. Тем не менее, они считали, что город все же являлся населенным пунктом и обладал наряду с оборонительными админи-

стративными, торговыми, ремесленными и другими функциями. Посады, слободы и “иные застенья” эти ученые относили к городским предместьям, которые, по их мнению, были теснейшим образом связаны с детинцем и представляли собой отдельные городские районы. В.П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что древнерусские города были схожи с западноевропейскими. “Они представляли собой вид концентрических кругов, прогрессирующих в степени своего укрепления от периферии к центру”. В посадах и слободах жили торговцы, ремесленники, земледельцы и военные люди»²². По крайней мере, в случае с Переяславлем Рязанским хочется присоединиться к мнению А.М. Сахарова, при рассмотрении выводов П.П. Смирнова указывавшего, по словам В.В. Карлова, на «искусственное выделение посадов и подгорных слобод из понятия “город”»²³.

Показательно замечание Б.Н. Миронова по поводу затронутого Л.В. Миловым вопроса о так называемых аграрных городах России XVIII в.: «Учитывая, что в XVIII в. аграрными являлись большинство официальных городов, а в первой половине XIX в. – значительная их часть, вопрос об аграрных городах принимает принципиальный характер, так как от его решения, относить ли их к “настоящим” или к “ненастоящим”, зависит общая оценка интенсивности горообразовательных процессов и степени развития городской жизни в стране»²⁴. В экономике ряда городов этого времени не менее, а то и более заметную роль по сравнению с промышленностью играли ремесло, торговля, огородничество, садоводство и хлебопашество²⁵. Относительно Переяславля Рязанского (правда, за более ранний период середины XVI в.) известен уже отмечавшийся ранее любопытный факт, который связан с городским хлебопашеством, с владельческим статусом пахотных угодий близ Борисоглебского собора на посаде²⁶. Для второй половины XVIII в. имеет значение вывод П.Г. Рындзюнского: «Земледелие в городах южной половины Европейской России часто было торговым, тогда как в сельских местностях в большинстве случаев оно носило натуральный характер»²⁷. В целом, несмотря на существенную разработку вопроса о позднесредневековом городе России в советской историографии (включая XVIII в.)²⁸, о полной или достаточной проработке проблемы говорить с уверенностью нельзя. Как представляется, приблизительно на сходном общетеоретическом уровне остаются вопросы и сегодня. От удовлетворительного решения многоплановой проблемы позднесредневекового русского города зависит прояснение целого ряда принципиально важных моментов российской истории. Проблема имеет выход на современность, во всяком случае, намеченное многими учеными направление может привести к более взвешенному взгляду на потенциал и внутренние закономерности широкого промышленного и общественно-культурного развития страны начиная с последней четверти XIX в. и на протяжении XX в. В этом смысле выяснение истории Переяславля Рязанского (с конца 1770-х гг. Рязани) немаловажно, так как город являлся центром крупного региона.

Что же касается Рязанского кремля, то он в своей исторической ретроспективе, с точки зрения поселенческой и административной структуры, более тяготеет, скорее, к Московскому Кремлю (как в полном смысле городу), нежели к Псковскому Кромю (ограниченному сакрализованному месту, где частные и административные постройки отсутствовали). В этом смысле Рязанский кремль разумно отнести все-таки к смешанному подтипу на основе первого названного типа. С точки зрения же оборонительной функции, которую на протяжении длительного времени сохраняло за собой это место, кремль Переяславля Рязанского в смысле сочетания выгодных оборонительно-планировочных характеристик (мыс, холм) входил в пятерку наиболее защищенных городов, к этой группе относятся Москва, Нижний Новгород, Кострома, Псков²⁹. В связи с вопросом об укреплениях Рязанского кремля в конце XVII – начале XVIII в. может быть небезынтересно следующее. В 1670–1680-е гг. в Киеве в сооружении новых укреплений принимал участие крупный инженер-фортификатор, шотландец Патрик Гордон³⁰. В конце XVII в. генерал П. Гордон, уже будучи приближенным царя Петра I, имел определенные связи с рязанскими местами, где ему принадлежала деревня Красная Слобода³¹. Фортификатор и военный наверняка должен был иметь некий запас знаний о главном городе-крепости в рязанских пределах, имевшей еще и статус административного центра.

Любопытные местные сведения за XVIII в. имеются в делах фонда Воеводской канцелярии Государственного архива Рязанской области (Ф. 1). В одном из архивных документов А.А. Гомзиным встречены данные, что в 1738 г. помощник воеводы Е.И. Сонцов в качестве второго лица в местной иерархии светского управления принимал официальную присягу в кафедральном Успенском соборе³². Собору, тем самым, сообщалась не свойственная ему функция официального присутственного места и даже некоего казенного учреждения. Кроме того, приведенный факт из рязанской истории XVIII в. может свидетельствовать, по мнению исследователя архивного фонда, в пользу того, что административный центр провинции и города – провинциальная канцелярия – располагался в то время неподалеку от кафедрального собора. Иными словами, провинциальная администрация оставалась на своем исконном месте, скорее всего, до второй четверти XVIII в. включительно. По другому обнаруженному в архиве документу (1736 г.) известно, что рязанский воевода Никита Ступишин сообщал Московской губернской канцелярии о тесноте провинциальной канцелярии, где он со своим штатом сотрудников делил помещения со сборщиками подушной подати. Главой городского управления было указано на существование «... внутри города Переяславля Рязанского» близ воеводского двора каменного строения, где раньше располагалась «рентерия» и собирався подушный сбор на Московский драгунский полк. Из Москвы на его просьбу о переводе в это здание сборщиков подати было получено согласие³³. Среди официальных документов имеется ведомость 1736 г.

на замену медных пушек, оружия и прочих боеприпасов, где приведен список вооружений г. Переяславля Рязанского, и что в них нужно заменить³⁴. В свете уже только этих фактов невозможно полагать, что военные функции у «города» в это время отсутствуют.

Примечателен упоминаемый Б.В. Александровым «безымянный» план первой половины XVIII в., отложившийся в библиотеке Академии наук, ассоциируемый нами без тени сомнения с Рязанью, с Рязанским кремлем: «По одну сторону реки изображена кремлевская стена с семью башнями; стена, которая шла вдоль реки, по указанию экспликации, размыва водою и на карте не обозначена. Внутри кремля – соборная церковь, канцелярия, Архангельская церковь, воеводские хоромы. На некотором расстоянии от стены с трех сторон изображен ров, через него два моста, через которые проходят две дороги; одна из дорог за мостом расходится в противоположные стороны: “к Оке реке” и “до Москвы по большой дороге”. Между рвом и дорогой от Оки реки – магистрат и таможня; за московской дорогой – торговые лавки» (выделено Д.Г.)³⁵. По государственному наказу 1728 г. губернаторам и воеводам предписывалось «жить по-прежнему, где есть в губернаторских и воеводских и в прочих свободных казенных дворах, где прежние воеводы жили, а где оных нет, то и на монастырских подворьях, покамест воеводские дворы будут построены, а канцелярии содержать в приказных избах»³⁶. Один из документов архивного фонда «Сенат и его учреждения» (РГАДА) прямо свидетельствует, что в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. в Переяславле Рязанском взамен обветшавшего был возведен новый деревянный воеводский двор на собственные деньги воеводы Неронова, которые он затем пытался себе возратить обратно, апеллируя в 1733 г. к протекторскому ведомству³⁷. Все это доказывает, что не только в XVII, но, приблизительно, и до середины XVIII в. за «городом» (Кремлем) в той или иной степени сохранялись важные административно-военные функции.

Это в известной мере подтверждают и более поздние данные «Экономического примечания к генеральному межеванию» (рукописный оригинал в свое время сохранил Рязанский межевой архив). В свое время важный исторический источник обнаружил и проанализировал Д.Д. Солодовников³⁸. Архивный документ дает представление о жизни и городском устройстве Переяславля Рязанского, переименованного в 1778 г. в Рязань³⁹. «Город Рязань (120 дворов, по ревизии душ 307 “мужска”, 360 “женска”) располагался реки Трубеж на правой, а реки Лыбеди на левой сторонах. В том городе публичных строений: городская крепость название имеет Кремль, которая укреплена была земляным валом, но ныне остался вид крепости...»⁴⁰ (выделено Д.Г.). Сведения об особенностях местности содержит топографическое описание майора Тулаева⁴¹.

Д.Д. Солодовников, являвшийся сотрудником Рязанского музея, оставил следующие научные наблюдения: «У рязанцев XVIII в. и “город”

и “острог” – все одинаково город. Очень любопытен в этом отношении “Геометрический специальный план Кремля города Переяславля Рязанского”, относящийся, приблизительно, к тому времени, когда было написано экономическое примечание. На этом плане Кремлем называется и Кремль и острог, при том острог в большем размере, чем его знали писцовые книги конца XVII в. ...От церквей экономическое примечание переходит к казенным зданиям. Сначала оно называет каменные здания: Архиерейский дом, Консисторию со службами и Кладовую, где “хранится государственная казна”... в каком здании помещалась кладовая для хранения государственной казны, это определить трудно. Затем упоминается деревянный “бывший воеводский дом”, стоявший там, где теперь в Кремле раскинулись огороды... “Дворов состоит купеческих и мещанских сто двадцать деревянные, между коими и разночинские, и сколько каждого звания, за неприсылкою от бывшей воеводской канцелярии ведомости, узнать не можно. Среди них небольшие сады с плодovitыми и яблонovыми, и грушевыми деревьями, красной смородиной и овощные огороды”⁴² (выделено Д.Г.). Сведения одной из рукописных компиляций XIX в., почерпнутые из «Воеводских списков 1613–1690 гг.», подтверждают данные о возведении «острога» вокруг «города» и тоже в определенной мере сближают эти понятия, не проводя жесткого разграничения. В частности, сказано о том, что все крепостные постройки возводились «сошными людьми», которые были приписаны к Переяславлю Рязанскому, что на строительство были собраны деньги «с уездных людей... 9710 рублей 18 алтын 2 денги»⁴³. В отношении территории Рязанского кремля в начале XIX в. употребляется некое переходное название «город кремль»⁴⁴.

Вывод очевиден: местность древнего города (современного Рязанского кремля) никогда не являлась исключительной церковной территорией. Во всяком случае, термин «кремль» всегда имел далеко не узкое наполнение, затрагивая не только и не столько визуально-ландшафтную доминанту, но, прежде всего, во всей глубине пространство исторической памяти этого места.

Наконец, последнее по поводу тезисов, опубликованных в современной рязанской газете «Золотые купола». Крайне негативный текст вынесен на оборотную сторону обложки № 4 (33) за 2006 г. В связи с информацией о приближающемся празднике Воскресения Христова в этом тексте, во-первых, улавливается оскорбительный смысл в адрес сотрудников Рязанского музея-заповедника, во-вторых, искажение действительности, в-третьих, можно различить элемент разжигания религиозной и социальной нетерпимости, розни. Формулировка такова: «...рязанский музей-заповедник развернул *грязную кампанию* против Рязанской епархии» (выделено Д.Г.).

Если рассуждать отстраненно и подходить к данному тексту и породившему его контексту с позиций холодного аналитического восприятия, совершенно непонятно, что же означает словосочетание «грязная

кампания», характерное для терминологии так называемого «черного пиара». Ведь трудно оспорить тот факт, что сотрудники музея-заповедника всего лишь донесли до российской общественности информацию о попытке незаконной передачи в ведение общественной организации особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации. Изменение статуса особо ценного объекта с точки зрения действующего законодательства страны невозможно. Выходит так: если бы молчали, «кампания» не была бы «грязной», то есть «дело» бы прошло тихо, без шума. Во-вторых, обе кампании вокруг передачи Рязанского кремля, одна порочащая честь сотрудников государственного учреждения культуры, а другая защищающая государственный статус музея-заповедника и признающая заслуги нынешнего музейного коллектива, объективно инициированы, как раз с точностью до наоборот, руководством Рязанской епархии. В-третьих, поскольку передача в рамках действующего законодательства невозможна, то епархиальные круги пригляделись за формирование искаженного образа руководства и коллектива федерального музея-заповедника путем целенаправленного обострения взаимоотношений вокруг учреждения культуры. Это, в свою очередь, действительно запустило «пружину», сработал механизм нагнетания социальной напряженности, нетерпимости и розни в Рязани, в области, да и за пределами региона в какой-то степени тоже.

Приведенные выдержки из материалов периодической печати, а также другие подобные заявления церковной прессы не соответствуют действительному положению дел, умаляют достоинство сотрудников Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Теперь несколько специальных замечаний по поводу статьи, опубликованной в газете «Золотые купола» за 2006 год, № 5 (34). Текст под названием «*Бог поругаем не бывает. Комментарии к “комментариям”*» в рубрике «О Рязанском Кремле» имеет непосредственное отношение к автору настоящей статьи, поскольку содержит критику размещенного на интернет-сайте Рязанского музея-заповедника комментария к открытому письму Рязанского Отделения Международного Союза Общественных Объединений «Всемирный Русский Народный Собор» Президенту Российской Федерации В.В. Путину⁴⁵. В газетной публикации не указано, где можно самостоятельно познакомиться с текстом, подробно «разбираемым» неким журналистом (?) «Николаем Посадовым», кроме того, остается непонятным, в какой форме и где опубликован подвергнутый критике материал. Для объективного и непредвзятого суждения о любом тексте необходимы четкие ссылки на анализируемый источник, поскольку контекст есть контекст и читатель должен обязательно иметь возможность составить собственное мнение по затронутому вопросу. Навязывать кому-то свое мнение не совсем этично. Поэтому обращаем внимание, что данная электронная публикация размещена в компьютерной сети Интернет по адресу: http://ryazankreml.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=559.

Единственным побудительным мотивом к настоящей ответной реакции на публикацию в церковной прессе в рамках научной конференции является заявление о следующем: «Возможно никто бы и не подумал противоречить Д. Губину, *если бы факты и данные первоисточников трактовались им непредвзято, без грубого выдергивания отдельных фраз из контекста*, что в общем-то и подтверждает написание данного материала на заказ» (выделено Д.Г.). «Противоречить» и «на заказ» оставим без комментариев. Представление журналиста о «первоисточнике» требует, безусловно, осторожного к себе отношения. Текст объемом около 30 тысяч знаков в данном случае невозможно привести полностью, поэтому оттолкнемся от ряда пунктов «комментария к “комментариям”». Но предварительно несколько слов по поводу пресловутой проблемы «выдергивания из контекста».

Не секрет, что такая проблема в определенных ситуациях действительно появляется. Прежде всего, постоянно встают вопросы объема, формата того или иного издания, обеспечивающего пространство для публикации, а также временных рамок в проведении того или иного исследования. Вместе с тем, непреодолимого затруднения в дискуссии не возникает в том случае, если: а) идет спор исследователей, строго соответствующий правилам научной дискуссии, то есть когда стороны представляют объективно существующую информацию в виде наиболее важных цитат, научно обоснованных выводов и выверенного стиля изложения материала; б) стороны полностью принимают правила научной полемики и не испытывают недоверия к оппоненту, убеждены в непредвзятости и исследовательской честности оппонировавшей стороны, в прозрачности принятых дискуссионных принципов.

Ни то, ни другое нехарактерно для обсуждения исторической обоснованности передачи Рязанского кремля в ведение Рязанской епархии. С самого начала на пути к конструктивному обмену мнениями препятствием выступает крайняя категоричность в высказываниях, неподтвержденность заявлений основными фактами, либо зачастую искусственное притягивание, в том числе, второстепенных, мелких фактов, как правило конъюнктурно истолкованных, – в обоснование глобальных тезисов. И это касается, в первую очередь, епархиальных кругов, особенно околоцерковной прессы, совершенно не обремененной необходимостью соблюдения принципов взвешенного диалога. Вообще, для приверженца научного познания проблемы «выдергивания из контекста» фактически не существует, так как настоящий научный текст, во всяком случае, научный исторический текст, ничего не навязывает. Он указывает только пути, пройдя которые исследователю будет легче составить собственное представление о проблеме. И только крайне популярный текст, рассчитанный на совершенно несведущего читателя, может содержать «прописные» истины, якобы не предполагающие личного критического отношения и проверки.

Серьезно осложняет дело в данном случае ряд объективных моментов, связанных со средневековой историей Рязани, в частности, с историей так называемого «города» Переяславля Рязанского как административного центра единой большой территории, с малоизученностью парадигматики взаимоотношений светских и духовных властей, конкретных механизмов их взаимодействия на юго-восточном порубежье Руси. Эти моменты до сих пор остаются практически невыясненными в академической науке, связаны они, в том числе, с состоянием источниковой базы. Одно можно сказать с уверенностью: названные взаимоотношения имели существенную специфику по сравнению с другими крупными регионами Руси, что выразалось в известном сближении местных светской и духовной властей, особенно в ранний период. Любопытно вместе с тем, что с точки зрения территориального размещения в столице Рязанского княжества светские и духовные власти были четко разграничены – Кремль и прилегающая к Борисоглебскому собору местность соответственно. Выяснение имущественных и территориальных вопросов в данном случае имеет лишь второстепенное значение, поскольку само по себе ничего не дает для понимания природы этой специфики. Здесь необходимо комплексное, многоуровневое исследование экономических, политических и культурно-исторических, в том числе, культовых аспектов проблемы. От дальнейшего выяснения особенностей местной оригинальной модели, с одной стороны, и обстоятельств постепенного отхода от нее, с другой, зависит более объективное видение ряда общерусских вопросов⁴⁶. Опасность заключается в том, что такой объективно сложной ситуацией в науке при желании и определенном умении легко воспользоваться в корыстных интересах, для достижения конъюнктурных целей, особенно в условиях известного теоретического «голода» и постоянного недостатка времени на фундаментальную научную проработку тех или иных социально окрашенных проблем исторического познания.

Теперь к частностям. В связи с апелляцией к тезису о перенесении в Христорождественский собор из Архиерейского дома церкви св. Иоанна Крестителя, приковывает внимание исключительно смелая фраза: «... ни один документ архива Рязанской духовной консистории об этом не упоминает» (выделено Д.Г.). Можно догадываться, речь идет о фонде 627 Государственного архива Рязанской области (ГАРО), который называется «Рязанская духовная консистория». Насколько неизвестный «автор» может быть претенциозен в таком заявлении, учитывая соответствующий масштаб работы по просмотру и проработке миллионов листов рукописного текста, равно и несведущ должен быть тот, кто не представляет из практики, о чем он толкует. Названный фонд включает 32 382 единицы хранения. На данный момент автору настоящей статьи не известно о сплошных проработках всех дел одного из наиболее крупных фондов ГАРО, во всяком случае, среди публиковавшихся материалов научно-исследовательского характера такой информации не встре-

чено. Даже теоретически представить масштаб подобной работы не просто, учитывая количество одних только описей этого фонда, а также «глухой» характер многих названий дел в описях, поскольку в действительности многие архивные документы представляют собой сложные конволюты – объединенные в единое целое различные по происхождению рукописные материалы. Это отмечено, в частности, в устной беседе А.О. Никитиным, работавшим с описями и делами этого фонда. С некоторыми из документов этого фонда в свое время удалось поработать и автору этих строк. Кроме того, опубликованная фотография внутреннего интерьера Христорождественского собора за начало XX в. совершенно не убеждает в том, в чем пытается убедить читателя автор газетного текста, так как затронутый частный вопрос относится к совершенно другой эпохе – не к началу XX, а к последней четверти XVIII в.

Обратим внимание, данный автор, пытаясь доказать сомнительность источниковой базы оппонента, фактически приходит к противопоставлению известных рязанских историков, на которых даны ссылки в тексте комментария на Открытое письмо. В частности, по разные стороны журналистского «маркера» относительно степени исследовательского профессионализма оказываются «известный историк, археолог и этнограф» И.И. Проходцов и один из первых рязанских историков Т.Я. Воздвиженский. Ведь у последнего один из двух главных научных трудов назван «сомнительным первоисточником» (выделено *Д.Г.*). Творческие пути исследователей разделяет промежуток более чем в полвека, на который как раз пришелся период весьма интенсивного развития отечественной исторической науки. Тем не менее, «говорящая» деталь в этом смысле заключается в том, что у И. Проходцова приведена ссылка именно на труд Т. Воздвиженского, что зафиксировано в комментарии на Открытое письмо. Речь идет о крестовой церкви во имя архидиакона Стефана, ее построение историк начала XIX в. приписывал преосвященному Симону (Лагову), жившему во второй половине XVIII в.⁴⁷

В смысле вычленения признаков избирательного подхода «погрузившегося» в историю журналиста показательно крайне невнимательное отношение к упоминаемой в комментарии важнейшей работе, опубликованной в начале XX в. в периодическом издании «Рязанские епархиальные ведомости». Речь идет о фундаментальной, по моему мнению, единственно малоизвестной работе И.И. Проходцова под названием «Рязанский Богородицкий архиерейский дом». Суть заключается в том, что об этом труде, с точки зрения современной церковной конъюнктуры, проще не вспоминать, так как источниковедческое исследование оставляет четкое представление, что Рязанский кремль был не единственным месторасположением епархиального ведомства и после XVI в. – времени предполагаемого полного переезда на место бывшей великокняжеской резиденции⁴⁸. В работе Проходцова речь идет о важном хозяйственном значении тяготевшей к Борисоглебскому собору отдельной территории, подчеркнем, вплоть до XVIII (!) столетия⁴⁹.

Об этом же, но значительно более кратко, упоминает и архимандрит Иероним (кстати, с ним в этом месте не согласен его комментатор И.В. Добролюбов, который вслед за И.М. Сладкопевцевым повторно опубликовал труд Иеронима отдельным изданием): «... великие князи Рязанские вотчины свои и земли вкладу давали Борису и Глебу, а не к Успению. Еще ружною церковью была у них в Старом остроге Анастасийская, что ныне Семинарская, и при ней стоял также Владычный двор, который даже и при Преосвященном Стефане Яворском в расходной книге показан загородным. А нынешний внутри города точно был княжеским и Успенский, что ныне Рождественский теплый собор, княжеский же»⁵⁰.

Но самое любопытное заключается в том, что эти данные определенным образом могут соотноситься с некоторыми сведениями за самое начало XX в. По Архиерейской слободе, относившейся к «духовному ведомству», насчитывалось 13 кирпичных помещений, которые сдавались под склады, – если не брать в расчет деревянные строения, это больше, чем по остальным районам города вместе взятым⁵¹. Таким образом, налицо определенная тенденция, к тому же, судя по всему, с весьма широким хронологическим охватом.

Любопытна и замысловата фраза: «Как же надо не любить свою историю, чтобы даже историку ее не знать». Что значит «историку» не знать «истории»? Если человек историк, то значит что-то да разумеет в истории, так или иначе разбирается в какой-нибудь исторической эпохе либо эпохах. Знать историю вообще, или в целом, невозможно. Упрекая в отсутствии ссылок на архивные источники в связи с упоминанием о закрытии Богоявленской церкви и Архангельского собора в 1920-е гг., автор газетного текста, в свою очередь, грешит тем же самым, голословно доказывая широкое распространение сфабрикованных документов, причем вообще, безотносительно названных храмов.

Невозможно не обратить внимание на то, как некий автор газетного текста квалифицирует приведенную в комментарии информацию о позднем открытии Рязанского епархиального древлехранилища, незадолго до начала Первой мировой войны: «*Не можем мы обойти стороной и факт явной лжи, опубликованный Д. Губиным*» (выделено Д.Г.). Если уважаемый автор настолько уверен в факте неверного информирования о времени действительного открытия Рязанского епархиального древлехранилища (не 1900 г., как на бумаге, а более десятилетия спустя), то с таким же успехом можно попытаться обвинить во лжи С.Д. Яхонтова, который был преподавателем Рязанской духовной семинарии и одним из главных вдохновителей идеи местного древлехранилища, непосредственным свидетелем его затянувшегося открытия, о чем оставил замечание. В комментарии на Открытое письмо его слова приведены полностью: «...богато застроилась Семинария, а Древлехранилищу и в ней места не оказалось. Назначавшаяся под него большая комната в нижнем этаже пошла под другое

<...> в Рязани, хотя с 1900 года, при Братстве Св. Василия открыто Древлехранилище (на деле его нет)»⁵² (выделено Д.Г.). В газетном же тексте о наблюдении Яхонтова почему-то (!) не сказано ни единого слова.

Строгой и тщательной сверки с архивными документами требует следующее заявление: «... когда и кем построен Архиерейский дом в Рязанском Кремле теперь всем понятно. В первую очередь, строили Рязанские архиереи на епархиальные средства, включающие в себя и пожертвования верующих <...> трудами Рязанских архиереев постройки Рязанского Кремля возрождались из ветхости и повреждений. В конце концов в начале XX в. все храмы Кремля, а также Архиерейский дом, Консисторский корпус, Успенский, Христорождественский, Архангельский соборы и соборная Колокольня были преведены (так в тексте. – Д.Г.) усердием Рязанских архиереев и, в основном, на средства епархии в надлежащий внутренний и внешний вид...». На вопрос о конкретных расходах по строительству каменных построек на территории Рязанского кремля предстоит четко ответить лишь в будущем, после необходимых по объему архивных изысканий. Пока они только начаты в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Российском государственном историческом архиве (РГИА).

Но даже из предварительного знакомства, в частности, с некоторыми документами РГИА видна нереальность заявления, что в начале XX в. все кремлевские постройки были приведены в надлежащий вид – дело обстояло далеко не так, фактически, наоборот. Причиной тому был постоянный недостаток денежных средств⁵³. Достаточно пары примеров, чтобы зримо представить действительную ситуацию век назад. Машинный рапорт рязанского епископа Никодима в Синод от 11 января 1907 г. за № 139 гласит: «Надворные постройки при Рязанском архиерейском доме еще в 1901 году, по осмотре их особою комиссиею, были найдены крайне ветхими и нуждались в немедленном ремонте, что некоторые из них угрожали падением. К 1905 г. разрушение их еще более увеличилось... По прибытии своем на кафедру Рязанскую я не мог не обратить внимание на эти странные и жалкие руины и, по осмотре их, ужаснулся при виде их ветхости. Кажется, каждый час можно ожидать, что где либо провалится свод, или рухнет все истрескавшаяся стена и похоронит под своими развалинами кого либо из прислуги в момент нахождения там по хозяйству ...» (два последних предложения в тексте архивного документа подчеркнуты синим карандашом; выделено Д.Г.)⁵⁴.

Подтверждение таких впечатлений человека, впервые оказавшегося в Рязанском кремле начала XX в., находим в независимом свидетельстве, коим выступает в данном случае письмо, написанное 24 октября 1908 г. гражданином А. Игнатьевым на имя его дяди графа Д.И. Толстого. Речь в данном эпистолярном источнике идет о безобразном состоя-

нии соборов и «палат князя Олега»: «... [прибыл] в древний город Переяславль Рязанский. Я в ужас пришел, как ничего не делается для [спасения (?), малоразборчиво. – Д.Г.] старины, для поддержания того, что сохранилось. Для чего все: собор, палаты князя Олега изуродованы. Неужели и тут ничего нельзя помочь. Местными средствами безусловно ничего нельзя сделать, да и с духовенством не [мыслим (?), мало-разборчиво. – Д.Г.] труд без предписания Синода справиться»⁵⁵.

Еще одним убедительным подтверждением того, что вплоть до начала Первой мировой войны архитектурный ансамбль Рязанского кремля пребывал в плачевном состоянии может служить обнаруженное свидетельство о состоянии главного Успенского собора (1913 г.)⁵⁶. Катастрофичность ситуации, помимо ряда зафиксированных на бумаге параметров, доказывает сам факт, что непосредственно накануне войны из Петербурга в Рязань был командирован для подробного технического осмотра названного монументального сооружения профессор архитектуры А.Н. Померанцев, член технико-строительного комитета Хозяйственного управления при Синоде⁵⁷. Одним из главных оснований поездки послужило то, что в кафедральном соборе тогда обозначилась сквозная трещина по всей высоте сооружения, «шириною в верхней части ея, около карниза, доходящая до 1 1/2 вершка». Фактически эта серьезная проблема в Успенском соборе была устранена только в 1950–1960-е гг., что свидетельствует о ее масштабе⁵⁸. О реставрации Успенского собора Рязанского кремля в XX в. подробнее можно узнать из статьи А.О. Никитина в настоящем сборнике. Кроме того, и все остальные памятники архитектуры Рязанского кремля были капитально отреставрированы лишь в советскую эпоху, но никак не в начале XX в.⁵⁹ Это отчасти объясняет то, что архитектурный ансамбль Рязанского кремля не привлек заметного внимания ученых-архитекторов, занимавшихся изучением исторических традиций русского зодчества в XIX – начале XX в., во всяком случае, в обобщающем историографическом труде Т.А. Славиной интереса к Рязани в это время не отмечено⁶⁰.

В заключение возвратимся к высказываниям в церковной прессе, где в «Комментарии к “комментариям”» имеется такое место: «Епархия просит только свое, чисто религиозное и исторически принадлежащее ей имущество. Подспудно и негласно правоту притязаний Рязанской Епархии на свое имущество признают многие <...> а также сотрудники музея-заповедника <...> Все выше сказанное напрямую относится и к Д. Губину».

Хотелось бы пояснить, что автора этих строк как сотрудника музея-заповедника, составившего комментарий к Открытому письму, совершенно не устраивает такой подход. Одним из главных препятствий для признания правоты имущественных притязаний Рязанской епархии служит тот простой факт, что средств на сохранение и реставрацию когда-то возведенного архитектурного ансамбля государство, в первую очередь, в советскую эпоху потратило никак не меньше, а то и значительно больше. Сле-

довательно, как изначально, так и впоследствии в масштабное и растянутое во времени инженерно-архитектурное решение на территории древнего Рязанского кремля главную лепту внес все же народ в целом, сначала в основном в рамках региона, чтобы дать жизнь архитектурному ансамблю, а затем и всей страны, чтобы в камне эту жизнь сохранить.

¹ См., напр.: Информационный бюллетень № 1 Общественного комитета в защиту историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль» / [Сост. А.О. Никитин]. Рязань, 2006; *Коренева Е.* Реликвии – на асфальт? (Информационный бюллетень № 2 Общественного комитета в защиту историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль» / [Сост. и вступит. ст. А.О. Никитина с кратким обзором публикаций в прессе]). Рязань, 2006. Постепенное обострение ситуации наблюдалось в течение 2004–2005 гг., с резким накалом в 2006 г. – см.: Судьба Рязанского кремля: музей-заповедник или административно-духовный центр епархии? Вып. [1]–3. Ред.-сост. И.Г. Кусова. Рязань, 2004–2007. О попытке концептуального осмысления ситуации с Рязанским кремлем на фоне новых условий развития музеев-заповедников в начале XXI в. – см.: *Губин Д.В.* Вопрос о будущем российских музеев-заповедников (на примере Рязанского кремля) // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию создания Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижь» (Петрозаводск – Кижь, июнь 2006 г.). Петрозаводск, 2006. С. 44–49; целостная картина неутешительной российской действительности эпохи конца XX – начала XXI в. в смысле взаимоотношений Русской Православной церкви и государственных учреждений культуры (включая специальный аналитический рассказ о ситуации в Рязани) воссоздана доктором исторических наук А.Е. Мусиным, который выступает еще и как кандидат богословия, стоящий на позициях здравого смысла; в свое время автор был иподьяконом митрополита Ленинградского Алексия (Ридигера) – см.: *Мусин А.Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006. С. 277–288, и др.

² Эта информация сообщена в устном докладе хранителем фондов РИАМЗ Е.В. Шапиловой, выступавшей на IV Яхонтовских чтениях. Вывод получен на основе изучения ранее не публиковавшихся писцовых описаний.

³ Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1450 б. Л. 2, 5, 7. Архивные выписки из ГАРО любезно предоставлены хранителем фондов РИАМЗ А.А. Гомзиным.

⁴ ГАРО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 57. В списке домовладельцев, обложенных квартирным налогом на 1913 г., упоминаются четыре домовладелицы по Архиерейской ул. (современная ул. Рабочих на территории Рязанского кремля) – П.Д. Михайлова, К.Я. Зилотова, С.П. Лебедева, М.В. Панферова. Настоящие архивные данные любезно предоставлены сотрудником РИАМЗ, кандидатом исторических наук И.Г. Кусовой.

⁵ Рязанский адрес-календарь. 1912 год. Рязань, 1912. С. 158.

⁶ На использование этого словосочетания внимание уже обращалось: *Завьялов В.И.* Несостоявшаяся публикация // Судьба Рязанского кремля: музей-заповедник или административно-духовный центр епархии? Рязань, 2004. С. 24.

⁷ См., напр.: *Проходцов И.И.* Так называемый «Олегов Дворец» в Рязани, ныне Архиерейский дом // Рязанские епархиальные ведомости. 1901. №№ 4–6. Отд. неоф.; в архивном документе за 1908 г. встречена фраза «палаты князя Олега» – см.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 696. Оп. 1. Д. 280. Л. 2 об.; на нивелирном плане г. Рязани 1909 г., составленном межевым инженером В.Н. Галлактиновым, нанесены сразу два названия: «Дворец князя Олега» (так названо здание, за которым в настоящее время закреплено название «Дворец Олега») и «Архиерейский дом» (так назван комплекс построек, в настоящее время представленный зданиями Консисории, Кузницы и бочарной, Конюшни и каретного сарая); нивелирный

план Галактионова был напечатан в типографии В. Рихтера (Москва, Тверская, Мамонковский пер., соб. дом); к плану имеются два примечания, первое из которых составлено самим межевым инженером, а второе – главным городским инженером А.Ф. Лаговским. Последнее говорит о многом, во всяком случае о том, что информация, зафиксированная на плане, не может быть случайной. Что касается применения названия «Дворец Олега» к определенному архитектурному сооружению, можно выразить совершенную уверенность, по крайней мере, что внесение рассматриваемого названия в план является доказательством существования определенной традиции его бытования в начале XX в., возможно, еще в конце XIX в. – см.: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник (далее – РИАМЗ). КП-15512; на другом (общем, то есть менее детальном) плане 1909 г., также составленном В.Н. Галактионовым, все практически то же самое, за исключением здания Консistorии, во всяком случае, его отнесенность к «Архиерейскому дому» четко не зафиксирована, не выделена, особенно если сопоставлять соответствующие детали этих планов – см.: РИАМЗ. КП-15512/1. На источнике любезно указан Е.В. Шапиловой.

⁸ В связи с категорией диахронизма недопустимо употребление названия «Архиерейский дом» с привязкой только лишь к современному зданию Дворца Олега в отношении дореволюционного времени. Небезызвестно, что «Архиерейским домом» называлась в провинции некая институция, некий визуально узнаваемый комплекс хозяйственных построек. В Переяславле Рязанском он был на той территории Кремля, где до настоящего времени сохранился комплекс гражданской архитектуры XVII в. Противопоставление так называемого понятия «дом» «крестовой палате» подразумевает коннотативную привязку в значении «использующееся для бытовых нужд» (в противовес «небытовому, особому»). Крестовая палата, как известно, находилась в самом большом кремлевском здании, в частности, если брать первую половину XVIII в. Вопрос о закреплении названия «Архиерейский дом» за зданием, которое в настоящее время носит название «Дворец Олега», требует критического отношения и проверки. Пока предварительно можно указать как минимум на два возможных пути этого «нововведения» в XIX – начале XX в.: 1) по инициативе местного епархиального начальства, 2) в работах или высказываниях исследователей, занимавшихся историей Рязанской епархии либо конкретно историей Рязанского архиерейского дома. Все это можно объяснять тем, что с течением времени по причине сплошного ветшания построек, когда средств на поддержание комплекса в целостности и сохранности раз от раза не хватало, понятие попытались искусственно закрепить за наиболее значимым с точки зрения визуального доминирования и исторического значения зданием гражданской архитектуры. Здание Дворца Олега было единственным из всего комплекса сооружением, которое старались поддерживать хотя бы в удовлетворительном состоянии, и то до времени. Перенос локальных понятий и названий мог иметь действительно основание, пространство «бытового» могло вклиниться в пространство «сакрального» еще в дореволюционное время, то есть не по воле советской власти, а по воле самих епархиальных властей – в то время, когда первой еще не существовало. Не случайно поэтому, что перенос домово́й церкви из Дворца Олега в придел Христорождественского собора историче́ски фиксируют с XVIII в.

⁹ ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 373. Л. 296–297.

¹⁰ Там же. Д. 362. Л. 432. Автор признателен А.А. Гомзину за ценное указание и предоставление выписок из дел 362, 373.

¹¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 8. Кн. 506. Л. 218–239 об.; Кн. 507. Ч. I. Л. 197–202; Кн. 507. Ч. II. Л. 331. Как и во всех остальных епархиях у рязанского архиерея, судя по некоторым признакам в текстах, не обошлось без манипулирования информацией с целью завуалировать свое реальное положение с разбросанными в разных местах владениями и конными дворами, в первую очередь в самом Переяславле Рязанском, тем самым могли занижаться реальные возможности по обеспечению конных ресурсов для нужд государства; кремлевская территория Переяславля Рязанского (иначе территория «города») в текстах

документов РГАДА не отмечена, причиной чего может быть как сокрытие информации, так и отсутствие во второй четверти XVIII в. практики специального отдельного обозначения названной территории.

¹² В сохранившемся в Научной библиотеке ГАРО рукописном сборнике-конволюте первой половины XVIII в. (б/№, в четвертую долю листа, на 350 + 1 л.) на л. 248 об. эта запись конца XVIII в. зачеркнута, что, возможно, способствовало ее сохранению – см.: *Губин Д.В.* О рязанской книжной культуре XVIII в.: рукописные сборники-конволюты // Рязанская вивлиофика. Исторический альманах / Ред. А.А. Севастьянова. Вып. 3. Рязань, 2001. С. 37.

¹³ Наверняка были присланы рукописи и из Рязани, из местной епархиальной канцелярии – см.: *Козлов В.П.* Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. М., 1988. С. 254, 258. В книге В.П. Козлова в первом разделе приложения упоминается такой памятник, как «Кардинала Барония разное деяние церковное». Эти сведения об историко-полемическом сочинении римского кардинала важны потому, что в середине XVIII в. в епархиальном ведомстве Переяславля Рязанского бытовали «две борони» (подробнее см.: *Губин Д.В.* Рязанская книжность в XVII в. в связи с европейскими традициями // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Сб. научных работ / Ред. Б.В. Горбунов. Т. XIV. Рязань, 2007. С. 65–66; *он же.* Малоизвестные источники по истории книжности в фонде РУАК в ГАРО (к реконструкции рязанской традиции книжной культуры) // 120 лет учреждения губернских ученых архивных комиссий в России. Материалы научной конференции, Рязань, 22–23 сентября 2004 г. / Ред. кол.: Г.К. Гольцева, Т.П. Синельникова, Д.Ю. Филиппов. Рязань, 2007. С. 95–106). Во второй раздел приложения, который посвящен рукописям, изъятым из церковных хранилищ (в том числе по указу 1791 г.), В.П. Козлов под № 68 помещает упоминаемую в литературе заметку, известную в настоящее время в нескольких списках: «Выписка из найденных в архиве Рязанской консистории старинных бумаг о некоторых достопамятностях», или просто «Рязанские достопамятности» (подробнее: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 48–49). Указаны следующие рукописи, некоторые из них могут быть значительно полнее и подробнее текста, который опубликован И. Добролюбовым в издании РУАК, на что указывал А.Г. Кузьмин: РОКМ (РИАМЗ). № 11209 (КП-8424/63); ГИМ. Собр. Уварова. Д. 1410; ГБЛ (РГБ). Собр. Беляева. Д. 1521; ГБЛ (РГБ). Собр. Румянцова (Ф. 256). Д. 98; ЦГАДА (РГАДА). Ф. 180. Д. 680; см. также: Друг просвещения. 1805. Ч. III. № 7. С. 69. Предположение В.П. Козлова имеет отношение, в том числе, к истории рязанского письменного наследия в XVIII в.: «В... синодальном реестре 1797 г. за графом числились рукописи из Макарьевского Желтоводского монастыря, Новоспасского монастыря и Рязанской епархии. В делопроизводстве Синода нами не обнаружены материалы об их присылке в Синод. Известно, что иногда Мусин-Пушкин сам отбирал рукописи в соответствующих хранилищах до их присылки в Синод, ссылаясь на указ 1791 г.» (С. 110). Упоминает автор, кроме того, о восьми тетрадях «Рязанских достопамятностей», поступивших в 1838 г. и в Археографическую комиссию (С. 164. Прим. 134). В Петербург из местного епархиального ведомства, по мнению священника И. Добролюбова, составителя предведомления к «Рязанским достопамятностям» в составе публикации РУАК, попали подлинные материалы, собиравшиеся и перерабатывавшиеся в конце XVIII – начале XIX в. под руководством архимандрита Иеронима (И.С. Алкрянского) (1738–1822). Добролюбов напрямую увязывает обстоятельства появления «Рязанских достопамятностей» с присылкой архиепископу Симону (Лагову) указа 1791 г. о доставке рукописей в Синод. О получении Рязанской духовной консисторией этого указа Синода и о назначении местным ведомством ответственных лиц, в том числе из числа архимандритов и игуменов, по сбору материалов по монастырским и церковным библиотекам известно из современного архивного источника (см.: ГАРО. Ф. 627. Оп. 49. Д. 93). Вместе с тем, в фондах государственных учреждений в Рязани не встречено упоминаний ни о конкретных древних рукописях (для отсылки в Синод), ни о под-

линьных тетрадах «Рязанских достопамятностей». Надо думать, оригинал в составе нескольких рукописных тетрадей с выписками из древних письменных источников, судя по всему, обратно в Рязань так и не возвратился. Возможно, он может обнаружиться в архивных комплексах Археографической комиссии (БАН и СПб ИИ РАН). Разбивка на отдельные тетради может свидетельствовать о дополнениях рукописи в 1820–1830-е гг., либо что она была случайно обнаружена в виде рабочего варианта авторского, или скорее уже отредактированного текста; перед отсылкой в Археографическую комиссию могли появиться списки (по-видимому, какие-то списки могли быть сделаны уже в Петербурге) – можно лишь догадываться о точности отражения в них оригинального текста, поскольку в настоящее время известны, как минимум, две редакции «Рязанских достопамятностей». При описании рукописей Библиотеки ГАРО А.А. Севастьяновой дана краткая характеристика рукописного списка XIX в.: «1347. Инв. оп. № 1. Сборник, содержащий выписки из известного произведения "Достопамятности... к Рязанской области надлежащие". 1840-е гг., в четверку, скоропись разных почерков. Запись о принадлежности библиотеке С.Д. Яхонтова» (см. «Проблемы рязанских рукописных собраний: сохранение, описание, издание. Рязань, 2000», текст выпускной квалификационной работы Д.В. Губина, научный руководитель А.А. Севастьянова – Приложение, № 21. С. 70). Имеется еще один список «Рязанских достопамятностей», хранящийся в фондах РИАМЗ, не учтенный в машинописном описании рукописей коллекции музея-заповедника (РИАМЗ. КП-8424/63). Рукопись представляет собой конволют XIX в., пагинация отсутствует, разные почерки (более ранним почерком написаны §§ 1–28, 102–204, 218–367, оглавление). На полях пометы со ссылками на ПСРЛ, Н.М. Карамзина. В написанном более поздним почерком § 36 содержится упоминание о «городе Кремле». В этом же месте рукописного текста заметно, что более поздний переписчик в вопросе о первоначальном существовании городской территории испытывал влияние ангажированной (процерковной) установки, в частности, там, где речь идет о насыпке городского вала в конце XII в. Судя по всему, списки РИАМЗ и ГАРО использовали И.В. Добролюбов и И.М. Сладкопевцев при издании текста «Рязанских достопамятностей» (соответственно, в издании РУАК 1889 г. и «Рязанских епархиальных ведомостей» за 1860-е гг.).

¹⁴ В фондах РИАМЗ сохранился так называемый «План местности», который датирован хранителем рукописных и книжных фондов музея-заповедника Е.В. Шапиловой по палеографическим признакам концом XIX – началом XX в. Архивный документ представляет собой рукописный план территории Рязанского кремля с объяснениями, в частности, относящимися к современному Дворцу Олега: «1. Главное здание Архирейского дома, которое за ветхостью предполагается капитально ремонтировать, как то: перекрыть новым железом, переменить некоторые стропила, исправить как внутреннюю, так и наружную штукатурку, а где нужно, то вновь оштукатурить, облицевать углы, цоколь, заделать трещины в сенях, сделать новый ретирад, а два старых уничтожить ввиду совершенного их разрушения, окрасить крышу, наружные стены, обелить внутренние стены, потолки, сделать часть новая летняя переплетов с окраскою их и остеклением, полы часть покрасить, обоями некоторые комнаты оклеить и т. п.». В связи с устремлениями современного руководства Рязанской епархии добиться отопления кафедрального Успенского собора, весьма показательно свидетельство этого исторического источника в отношении двух кафедральных храмов Рязанского кремля, Христорождественского и Успенского соборов – соответственно, «зимний собор» и «летний собор» (на плане написано именно так!) – см.: РИАМЗ. КП-28021.

¹⁵ См., напр.: Рязань. Материалы для истории города XVI–XVIII столетий. Рязань, 1889; Опись укреплений Переяславля Рязанского в 1651 г. Подготовил Н. Бранденбург // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. 10. Вып. 2. Рязань, 1895; Описание крепостных сооружений Переяславля Рязанского в 1690 г. Подготовил В.И. Холмогоров // Труды РУАК. Т. 10. Вып. 2. Рязань, 1895; Состояние укреплений г. Переяславля Рязанского в 1641 г. Подготовил Г. Шмелев // Труды РУАК. Рязань, 1898. Т. 13. Вып. 2; *Шиманский М.* Рязанский уезд в конце XVI и начале XVII в. по писцовым книгам. Рязань, 1911. С. 12–13.

¹⁶ Сахаров А.М. Современники о средневековых городах России и стран Западной Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 328–329.

¹⁷ Годовикова Л.Н. Иностранцы писатели XVI в. о русском городе // Русский город (исследования и материалы). Вып. 8. М., 1986. С. 71.

¹⁸ См.: Буланкин В.М. Исследование культурного слоя исторической части города Рязани в 1991–2004 гг. // Третьи Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции. Рязань, 12–15 октября 2004 г. Рязань, 2005. С. 375.

¹⁹ Сахаров А.М. Указ. соч. С. 329–330.

²⁰ Там же. С. 330. В древнерусских городах, по мнению М.Н. Тихомирова, «посад – поселение ремесленников и купцов под стенами укрепленных пунктов... не всякий древнерусский город имел посад. Лишь большие города состояли из двух частей: кремля, или детинца, и предградия, или посада» (Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е, доп. и переработ. М., 1956. С. 43–44). Сам термин «посад» встречается в документах с XIII в. и, по мнению П.П. Смирнова, «означает вначале подгородные поселки» (Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I–II. М., 1947–1949. Т. I. С. 102).

²¹ Ралов О.М. Еще раз о понятии «русский раннефеодальный город» // Генезис и развитие феодализма в России. С. 53–54. В связи с высказанной исследователями мыслью о княжеских управленцах в городах-крепостях интересна запись на обороте последнего листа в Рязанском Прологе конца XV в. на март – август (РИАМЗ, КП-5656): «Сее прилоги даны по подклучнике великаго князя, по Иеве по Сухом». Авторы обзора рязанских музейных рукописей 1970-х гг. полагают, что эта запись «близка по времени написания рукописи и во всяком случае сделана еще до ликвидации независимости Рязанского княжества (1516–1520 гг.)» (Вдовина Л.Н., Кузьмин А.Г., Севастьянова А.А. Обзор рукописного собрания Рязанского областного краеведческого музея // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 180). Действительно, крайне примечательная запись, возникшая, и в этом трудно сомневаться, за несколько лет до присоединения Рязанского княжества к Московскому государству, упоминает не князя, а его уполномоченное лицо (в момент отсутствия князя), свидетельствует о высоком управленческом статусе этого человека в княжеской крепости в ответственный период местной истории. В связи с вопросом о высоком статусе ключника и сторожа в «городе» Переяславля Рязанского рискнем выдвинуть предположение, что найденная в ходе археологических раскопок лета 2007 г. миниатюрная костяная вещица (типа печати-патрицы, найдена в слоях XVI в.) с тонко вырезанной человеческой фигуркой и на обороте с четырьмя точками-кружочками в виде ромба могла принадлежать кому-то из великокняжеских ключников-сторожей.

²² Там же. С. 54–55. См. также: Семенов-Тянь-Шанский В. [П.] Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С. 39–42; Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город. Вып. 3. М., 1980. С. 66–83; Ширин Д.А. Русский средневековый город в дореволюционной историографии (середина XIX в. – 1917 г.) // Исторические записки. Т. 108. М., 1982. С. 317–352.

²³ Карлов В.В. О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху Средневековья (к постановке вопроса) // Русский город (историко-методологический сборник). [Вып. 1]. М., 1976. С. 63; см.: Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1959. С. 10–11.

²⁴ Мионов Б.Н. Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Межвузовский сборник к 75-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7). Л., 1983. С. 187; об аграрных городах как «ненастоящих», как переродившихся, а также как «настоящих» см., соответственно: Милов Л.В. О так называемых аграрных городах России XVIII века // Вопросы истории. 1968. № 6. С. 54–55; Черкасо-

ва А.С. Некоторые вопросы историографии русского города XVIII столетия // Ученые записки Пермского университета. 1970. Т. 227 (Исследования по истории Урала). Вып. 1. С. 50–61; *Рындзюнский П.Г.* Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. // *Русский город*. М., 1976. С. 119.

²⁵ Там же. С. 171; также см., напр.: *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города (вторая половина XVIII в.) М., 1967. С. 33, 42–45, 209, 251, 313; *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 379.

²⁶ *Губин Д.В.* К вопросу о рязанском вкладе в дело нестяжателей // Третьи Яхонтовские чтения. Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию С.Д. Яхонтова и 120-летию Рязанского музея-заповедника. Рязань, 12–15 октября 2004 г. / Ред. кол.: Т.В. Ерошина, Д.В. Губин, И.Г. Кусова. Рязань, 2005. С. 412–413. Прим. 25.

²⁷ *Рындзюнский П.Г.* Основные факторы горообразование... С. 119.

²⁸ См., напр.: *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 188; также см.: *Клокман Ю.Р.* Историография русских городов второй половины XVII–XVIII вв. // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 51–64; он же. *Русский город XVIII в. и эволюция городского строя Западной Европы // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. С. 69–80; *Яцунский В.К.* Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России // Города феодальной России. С. 85–88; *Ширина Д.А.* Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917 – начала 1930-х гг. // Исторические записки. Т. 86. М., 1970. С. 270–297; *Водарский Я.Е.* Города и городское население России в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 98–107; *Кабузан В.М., Пуллат Р.* Обзор статистических источников о численности и составе городского населения России XVIII – начала XX в. (1719 – 1917 гг.) // Известия АН ЭССР. 1975. Т. 24. № 2 (Общественные науки). С. 150–170; *Илизаров С.С.* Русский город глазами историков XVIII в. // *Русский город*. М., 1976. С. 139–164; он же. *Русский феодальный город в историографии и источниках XVIII в.*: Автореферат дис... канд. ист. наук. М., 1981; *Водарский Я.Е., Кабузан В.М.* Население городов России XVI–XX вв. (к вопросу о методике изучения численности и состава) // Численность и классовый состав населения России и СССР. Таллин, 1979. С. 134–141.

²⁹ *Дулов А.В.* Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М., 1983. С. 43; о различных типах и особенностях кремлей России смотрите статью И.Г. Кусовой в настоящем издании.

³⁰ *Алферова Г.В.* Русские города XVI–XVII вв. М., 1989. С. 168.

³¹ *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. III. Стрелецкий розыск. Воронежское кораблестроение. Городская реформа 1699 г. Карловицкий конгресс. 1698–1699 / Подг. текста Н.А. Баклановой, под ред. В.И. Лебедева. М.-Л., 1946. С. 5.

³² ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 330. Л. 530–530 об., 532 об.

³³ Там же. Д. 317. Л. 409–409 об.

³⁴ Там же. Д. 318. Л. 51–51 об.

³⁵ *Александров Б.В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе Рукописной книги Библиотеки Академии наук // *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. / Под ред. А.И. Андреева. М.-Л., 1946. Приложение II. С. 344. Рукописный план XVIII в. Б.В. Александровым описан так: «№ 418 (приписан рукописный № 816). План города на р. Оке, название не указано. Подпись: “Надворный советник Норовлев, канцелярист Алексей Зимин”». Датировка автора-исследователя – первая половина XVIII в. Дополнительные сведения в описании исторического источника: «Рисунок сделан на глаз. Бумага писчая; разм. 65 x 72; 1 л.; мн.-кр. На обор.: “План безымянный”».

³⁶ Цит. по: *Готье Ю.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Том I. Реформа 1727 г. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 52.

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 616. Л. 1428–1439. В связи с этим интересно, что на той части современного музея-заповедника, где расположена малоосвоенная территория сада и где находились несколько столетий назад те или иные деревянные постройки воеводского двора, можно было бы в идеале поразмышлять над воплощением популярной во всем мире идеи музея-заповедника под открытым небом – см., напр.: *Губин Д.В. Идея города-музея и реалии музейного развития Целле в Западной Германии (в настоящем сборнике)*. В городе наших дней, столь стремительно теряющем свой облик, связанный с уникальными многовековыми традициями деревянного зодчества, на этой территории с помощью специальных, правда, весьма дорогостоящих методик можно было бы попытаться собрать с целью реставрации, консервации и музейного показа на открытом воздухе «дожившие» до современности деревянные дома. Пусть это были бы типичные для XIX или даже начала XX в. образцы поздней городской застройки (например, те удивительные из них, которые расположены в «зоне риска» по ул. Салтыкова-Щедрина, ныне интенсивно застраиваемой кирпичными «гигантами»). При условии наличия широкой спонсорской поддержки муниципальной инновации, в Рязани можно было получить реальную возможность всерьез двигаться к воссозданию типичных для данной местности промыслов, ремесел, иных занятий, присутствовавших в народных традициях испокон веков.

³⁸ Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (далее – НА РИМЗ). № 809. Л. 1. Самоназвание рукописной работы Д.Д. Солодовникова «Рязань по данным генерального межевания», рукопись в четверку, на 15 л.

³⁹ Любопытно, что еще в начале XVIII в. наряду с названием «Переяславль Рязанский» иногда в неофициальной речи можно встретить и просто «Рязань» и просто «Переяславль», к примеру, в путевых заметках голландского этнографа-путешественника К. де Бруина: «... утром мы проехали с правой стороны мимо города Переяславля в туманную погоду, которая помешала нам рассмотреть его... называется Переяславль Рязанский – название, полученное им от Рязанской области, или губернии, в которой он считается главным городом... Вечером, в шести часах от Рязани...» – в кн.: Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подготовка текстов, вступит. ст. и комм. Ю.А. Лимонова. Л., 1989. С. 139.

⁴⁰ Цит. по: *Долгова С. Поведал архив // Приокская правда*. 1985 год. 6 сентября. Документ в настоящее время хранится в РГАДА (Ф. 1355. Д. 1240).

⁴¹ РИМЗ. КП-12529. «Атлас Рязанского наместничества с топографическим описанием. Сочинение губернского землемера Тулаева. 1794 г.», рукопись в лист, на 55 л. См., также: *Вдовина Л. Н., Кузьмин А. Г., Севастьянова А. А.* Указ. соч. С. 183.

⁴² НА РИМЗ. № 809. Л. 2–6. Автору настоящей статьи через А.О. Никитина стало известно, что в ГАРО имеются и конкретные картографические материалы XVIII в., подтверждающие эту тенденцию. Судя по всему, речь идет об источнике, близком по характеру и содержанию к упоминаемому Д.Д. Солодовниковым «Геометрическому специальному плану Кремля города Переяславля Рязанского».

⁴³ Отдел рукописей Государственного Исторического музея (далее – ОР ГИМ). Собр. Уварова. № 544. Л. 96–98. Данные письменного источника о кремле Переяславля Рязанского сообщены в ответ на специальный запрос Директора ФГУК РИМЗ Л.Д. Максимовой.

⁴⁴ Там же. Л. 16 об. Настоящая рукопись из собрания ОР ГИМ форматом в лист содержит рязанский летописец XIX в. Скорее всего, упоминание в данном тексте словосочетания «город кремль» характерно вообще для самого начала XIX в. или, по крайней мере, для первой его четверти, так как один из первых рязанских историков Т. Воздвиженский употребляет в это время почти идентичный оборот: «город Кремль называемый» – см.: *Воздвиженский Т.[Я.] Историческое обозрение Рязанской иерархии*. М., 1820. С. 47.

⁴⁵ Золотые купола. 2006. № 5 (34). С. 13–17.

⁴⁶ Предварительно обозначен ряд аспектов проблемы – см., напр.: *Губин Д.В. К вопросу о рязанском вкладе в дело нестяжателей... С. 401–414; он же. Рязанские акты*

конца XIV – начала XVI в. в комментариях Л.В. Черепнина // Научное наследие академика Л.В. Черепнина и российская история в средние века и новое время во всемирном историческом процессе. Материалы межрегиональной научной конференции. Рязань, 17–19 ноября 2005 г. / Ред. кол.: Акульшин П.В., Гребенкин И.Н., Севастьянова А.А. и др. Рязань, 2006. С. 73–79. Первоначальное авторское название второй статьи: «Рязанские акты в комментариях Л.В. Черепнина (к “локальной” философии истории)».

⁴⁷ Проходцов И.И. Указ. соч. № 4. С. 105. Ссылка автора на работу Т.Я. Воздвиженского «Историческое обозрение Рязанской иерархии» (М., 1820). С. 117.

⁴⁸ Подробнее об этом сказано в тексте доклада автора, который был сделан на конференции, посвященной 500-летию Тульского кремля (13 сентября 2007 г.), название доклада: «Спорный статус «города» (Кремля) Переяславля Рязанского в XVI в.». Могут оказаться весьма важными сведения, по-видимому, именно в отношении посада Переяславля Рязанского, которые привел в XIX в. Н.Д. Чечулин: «Относительно Переяславля имеем тоже платжную книгу (Ркп. МАМЮ, 396, лл. 1–25. 1595–1597 гг.), по содержанию вполне сходную с платжную книгую Пронска и затем нами найденный, в “Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции” неуказанный, небольшой отрывок какого-то описания Переяславля (Листы 343–346 в рукописи МАМЮ, 354), заключающий в себе конец описания архиепископской слободки и итоги ея и описание земель, принадлежавших этой слободке, затем церквам, пушкарям, стрельцам и ямским охотникам: что это отрывок из книги по времени составления близкой к платжной несомненно из того, что в обоих документах упоминаются несколько раз одни и те же люди» (выделено Д.Г.) – см.: Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 257 (также и затем нами найденный, в помещенном во втором томе четырехтомного Путеводителя РГАДА под № 1340) – см.: Шумаков С.А. Заметки по истории Рязанского стола Поместного приказа. Рязань, 1903. С.А. Шумаков являлся сотрудником МАМЮ, проявлял интерес к региональной истории, не только рязанской – см.: Шохин Л.И. Московский архив Министерства Юстиции и русская историческая наука: Архивисты и историки во второй половине XIX – начале XX в. М., 1999. С. 260–272.

⁴⁹ Проходцов И.И. Рязанский Богородицкий архиерейский дом // Рязанские епархиальные ведомости. 1902. №№ 12–15, 18–21; 1903. № 2. В частности, важны приводимые автором сведения о полковнике Грекове, который играл, судя по всему, видную роль в управлении Переяславля Рязанского начиная с 1730-х гг. Вскоре после того, как этот человек прибыл в административный центр Переяславль-Рязанской провинции, он фигурирует в должности генерал-майора. Не исключено, что незадолго до этого он был в Москве в должности «полицмейстера бригадира»: фамилия Греков в 1728 г. связана с делом об утайке «интересных писем». Впоследствии, видимо, ретивый генерал-майор Канцелярии сыских дел в Переяславле был понижен в чине до полковника, но документы продолжал (?) заверять своей собственной красносургучной и/или красновосковой печатью. Красносургучная печать может свидетельствовать, что он в какой-то момент был наделен полномочиями напрямую со стороны Сената. Обо всем этом говорят выявленные по описям фонда «Сенат и его учреждения» названия документов РГАДА, например, весьма любопытное дело, которое имеет отношение, в том числе, к епархиальному управлению: «1730 г. августа 9. Сказки служителей Переяславль-Рязанского архиерейского дома об отпуске домовых съестных припасов для служащих /Розыской/ канцелярии генерал-майора Грекова /о переяславль-рязанском архиерее/» – см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 9. Кн. 532. Л. 35–42 об.; Оп. 13. Кн. 686. Л. 310; Оп. 6. Кн. 347. Л. 270–270 об.; Оп. 6. Кн. 350. Л. 1030–1058 об.; Оп. 6. Кн. 351. Л. 90, 291. Видимо, какое-то преломление все эти события имеют в приводимом А.А. Кизеветтером тексте доношения обер-прокурора Маслова, направленном на рас-

смотрение в «кабинет министров» в феврале 1733 г. Государственный чиновник приводит в пример Рязань: «...там было прежде немалое купечество, а ныне до того дошло, что некого было выбрать в бургомистры, ибо только четыре дома купцов осталось, на которых нет доимки, а у всех прочих дворы и пожитки отписаны на Е.И.В.» – см.: Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII ст. М., 1903. С. 501; 252, 259. На момент 1737 г. И.Г. Кусова отмечает долг купцов Переяславль-Рязанской провинции по откупным операциям более, чем в 50 тыс. руб., через шесть лет еще увеличившийся в два раза – см.: Кусова И.Г. Рязанское купечество. Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 29. Резкое усиление государственного контроля и сыска, которое отдельные высшие чиновники, как, например, Маслов, пытались в чем-то ослабить, было связано в территориально-административном центре Переяславль-Рязанской провинции с лихолетьем в местном управлении во второй половине 1720-х гг. Свидетельства тому уже в названиях двух любопытных дел: «1727 г. Дело о взломе ящиков с казной и делами, оставшимися в Переяславле Рязанском после следствия поручика Михаила Лобанова-Ростовского относительно “интересных дел” (касающихся казенной прибыли) и сыска недорослей», «1731 г. апреля 10. Доношение Сената императрице Анне Иоанновне с предложением ввести светских лиц в присутствие из чиновников Синода, разбирающее обвинение против Рязанского архиерея Гавриила по обвинению его в притеснении населения г. Рязани и в казнокрадстве» – см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 687. Л. 93–103 об.; Оп. 7. Кн. 387. Л. 232–233 об. Показательно, что еще и в конце 1740-х гг. в пределах Переяславль-Рязанской провинции было весьма неспокойно, увеличилось число воров и разбойников, что потребовало усиления в Розысской канцелярии постоянной воинской команды – см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 6. Кн. 355. Л. 181–226. Определенную информацию по земельным владениям рязанских архиереев за XVIII в., в том числе по земельным делам при митрополите Стефане и архиепископе Алексее, содержат дела старых лет по Рязани в фонде «Поместный приказ» – см., напр.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1124. Кн. 13461. Д. 24; Кн. 13539. Д. 32; Кн. 13617. Д. 5. Уже в XIX в. какое-то отношение к месторасположению духовного ведомства мог иметь Рязанский гарнизонный батальон, поскольку в описях фонда «Московская синодальная контора» среди названий дел прокурорского стола встречено, к примеру, такое дело: «1832 г. Дело о препровождении копии показания солдата Рязанского гарнизона батальона Калинина к военно-судебному следствию подполковника Мартенса. 11 л.» – см.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 10. Ч. II. Д. 53, 105.

⁵⁰ Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом. С примечаниями И. Добролюбова. Издание Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1889. С. 39. Примечание к § 110 в основном тексте сделано архимандритом Иеронимом. На этой же странице любопытно подстрочное примечание 353 священника И. Добролюбова: «Нельзя утверждать, что нынешний архиерейский дом есть *точно княжеский* [выделено в тексте прим. И. Добролюбова курсивом. – Д.Г.], хотя бы и по времени перестроенный. Пожар, случившийся в Переяславле Рязанском незадолго до окончательного уничтожения самостоятельности княжества Рязанского (см. пр. 302), совершенно истребил весь город, кремль и все постройки бывшая в нем...». В указанном Добролюбовым примечании 302, с. 33 [прим. И. Добролюбова, подстрочное] о пожаре речи не идет. Только в примечании 327, С. 36 [прим. И. Добролюбова, подстрочное] упоминается о пожаре в Духовом монастыре в 1514 г. Как известно, в то время не только Духов монастырь располагался на территории «города». Таким образом, главный аргумент И. Добролюбова против долгого сохранения княжеской постройки – пожар – выглядит не вполне убедительным, тем более дана «глухая» ссылка на собственное же примечание.

⁵¹ Материалы для оценки недвижимых имуществ (торговых помещений) г. Рязани. Издание Рязанской губернской земской управы. Рязань, Типография В.О. Тарасова, 1902. С. 18. Правда, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что в официальных публикациях Губернской типографии за начало XX в. наблюдается заметное смещение микротопонимов (в современной терминологии), точнее, непоследовательное употреб-

ление в целом ряде сходных адресов следующих названий: «Архиерейская слобода», «Архиерейская улица», просто «Архиерейская». Это затрудняет четкую локализацию так называемой «Архиерейской слободы» – см., напр.: Рязанский адрес-календарь. 1911 год. Рязань, 1911; Рязанский адрес-календарь. 1912 г. Рязань, 1912; Памятная книжка Рязанской губернии. Изд. 1914 г. Рязань, 1914. Но в любом случае альтернатива проста – если 13 каменных помещений были расположены не вблизи Борисоглебского собора и примыкавшей к нему территории, то, следовательно, на площади современного Кремля. Поэтому не исключено и, возможно, когда-нибудь выяснится точно: в первые десятилетия прошлого века каменные хозяйственные постройки на кремлевском холме могли использоваться практически полностью под складские помещения, сдаваться внаем частным лицам. Нелишним, наверно, будет отметить, что возникновение комплекса каменных построек, судя по всему, находит исторические основания в том факте, что в начале 1730-х гг. в Переяславле была известна компактная группа городского населения – кирпичники. О споре «приписных в цехи кирпичников Василия Костентинова с товарищи» (взятых с посада еще во времена Алексея Михайловича) в отношении к торговым, посадским людям, бургомистрам и бурмистрам отложился подборка документов в одном из дел современного архивохранилища – см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 391. Л. 411, 411об.–433.

⁵² Доклад члена Братства св. Василия Рязанского Ст. Дм. Яхонтова в экстренном собрании 19 янв. 1914 г. по случаю открытия епархиального древлехранилища // Рязанские епархиальные ведомости. 1914. № 6. Отд. неоф. С. 251. Полный текст этого и еще одного доклада Яхонтова в РУАК размножен типографским способом к коллективному обсуждению в рамках круглого стола конференции: «Музейный парадиз» С.Д. Яхонтова в Кремле и современные реалии. Материалы к Круглому столу Межрегиональной научно-практической конференции IV Яхонтовские чтения / [Сост. Д.В. Губин]. Рязань, 2006. С. 3–9.

⁵³ См., напр.: РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 1954. Л. 1–7; Ф. 796. Оп. 92. Д. 815. Л. 8–11 об.; Ф. 797. Оп. 32. Отд. II. Д. 186. Л. 1–3 об.; Ф. 796. Оп. 182. Д. 1622. Л. 2–7; Ф. 799. Оп. 25. Д. 710. Л. 1–2, 36–45 об.; Ф. 796. Оп. 7. Д. 135. Л. 1; Ф. 696. Оп. 1. Д. 280. Л. 2 об.; Ф. 799. Оп. 26. Д. 1352. Л. 1–4.

⁵⁴ Там же. Ф. 799. Оп. 25. Д. 710. Л. 36–36 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 696. Оп. 1. Д. 280. Л. 2 об.

⁵⁶ Там же. Ф. 799. Оп. 26. Д. 1352. Л. 1–2.

⁵⁷ Там же. Л. 4; то, что Хозяйственное управление Синода было не только структурой «мониторинга», говорит тот факт, что оно имело отношение к специальным средствам Синода; постоянные капиталы Хозяйственного управления «сохранялись в государственных процентных бумагах и были неприкосновенны» – см.: *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 97.

⁵⁸ В 1956 г. сотрудник Центральной проектно-реставрационной мастерской при Академии строительства и архитектуры СССР, главный архитектор и автор эскизного проекта реставрации Успенского собора (1963 г.), научный руководитель реставрационных работ Е.В. Михайловский в своем отчете отмечал, что в 1953 г. главная трещина на западном фасаде раскрылась вверху здания на 65 см (!). Выписки из архивных документов предоставлены научным сотрудником Рязанского музея-заповедника З.А. Халявиной.

⁵⁹ Подробнее см., напр.: Рязанский кремль. Газета о музее. Вып. № 5 (май 2006 г.). Статьи называются «Архивные данные о состоянии рязанских кремлевских построек» и «Реставрация памятников архитектуры Рязанского кремля в XX веке». В перспективе еще только предстоит всесторонне осветить данный вопрос в рамках отдельного научного издания.

⁶⁰ См.: *Славина Т.А.* Исследователи русского зодчества. Русская историко-архитектурная наука XVIII – начала XX в. Л., 1983; в некоторых публикациях XIX – начала XX в. могут встречаться лишь отдельные сведения, имеющие отношение к теме данной ста-

ты – см., напр.: Памятники древнего русского зодчества, снятые с натуры и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательными деталями украшений каменной высечки и живописи / Сост. Ф.Ф. Рихтер, под ред. П.С. Максютин. В 5-ти тетр. М., 1851–1856; *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. В 3-х ч. СПб., 1858–1865; *Kiprianoff V.* *Histoire pittoresque de l'architecture en Russie.* SPb.; M.; Paris, 1864; *Павлинов А.М.* История русской архитектуры. СПб., 1894; *Султанов Н.В.* История архитектуры. Западная Европа, Восток и Россия. СПб., 1896; *Лукомский Г.К.* Памятники старинной русской архитектуры в типах художественного строительства. Т. I: Русская провинция. Пг., 1916.

Круглый стол «Музейный парадиз» С.Д. Яхонтова в Кремле и современные реалии*

Материалы к Круглому столу

1. Вопросы для обсуждения

- Исторические уроки «приватизации», или что такое государственный музейный фонд и государственная музейная территория;
- «Епархиальный музей» в прошлом – миф или реальность?
- У кого ключи от «музейного парадиза», или чего мы боимся, а чего не боимся;
- Музей и город: как не пропасть по одиночке.

Перед началом Круглого стола приветствовалось вынесение на обсуждение и других четко сформулированных вопросов в рамках предложенной темы, после обсуждения заявленных основных вопросов (к моменту начала Круглого стола таких вопросов не поступило). Размноженная к конференции брошюра с Материалами и вопросами к обсуждению дала возможность принять участие в дискуссии всем участникам конференции, кто выразил желание высказаться о ситуации, сложившейся вокруг Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника в связи с имущественными притязаниями руководства Рязанской епархии.

2. Материалы для обсуждения

2.1. Речь, говоренная (в сокращении) Членом Рязанской ученой архивной комиссии С.Д. Яхонтовым, в годичном собрании 12 июня 1894 года, в десятилетие с открытия Комиссии // Труды РУАК за 1895 год. Т. X. Вып. 2. Рязань, 1895. С. I–XIV.

«... И вот, результатом этого заглядывания в отдаленное прошлое – получился наш исторический музей <...> Многие любители не пожа-

* В подготовке материалов Круглого стола принимали участие: А.А. Севастьянова (вопросы для обсуждения), Д.В. Губин (материалы к Круглому столу; расшифровка аудиозаписи; стенограмма), А.А. Севастьянова, В.Н. Козляков, Л.В. Чекурин, И.Г. Кусова (редактирование текста выступлений), Л.Д. Максимова (общая редакция).

лели своих коллекций и принесли их в дар юному музею. Оставшиеся от прямых расходов копейки Комиссия затрачивала на приобретение старинных вещей; некоторые члены предпринимали настоящие паломничества к местам, прославленным обросшему мохом древностию; местная администрация оказывала всякое содействие обогащению музея. Таким образом, устройство нашего музея если и было делом руководства одного, дорогого в летописях Комиссии, лица, то создание его было результатом совокупных работ и членом Комиссии и не членом: от Рязанского Губернатора, нашедшего помещение, до босоногого борковского и дубровического мальчика, собиравшего чудные кремешки для членом Комиссии, – все повинны в его появлении на свет... Что такое Рязанский Музей в настоящее время, говорить об этом излишне. Тем-то и знаменательно это учреждение, что оно само говорит за себя всякому, стоит только не пройти мимо него. Комиссия, впрочем, позаботилась и о последнем. В то время, как некоторые собиратели редкостей пугливо прячут свои сокровища от любопытного взора, наш музей широко открывает свои двери каждый праздник для любопытствующей публики и гостеприимно встречает всякого заезжаго любителя-археолога во всякое время. Просмотрите книгу посещений, в которую, хотя изредка, вносят свои имена благодарные посетители, и вы увидите, что отныне и в Рязани есть чем угостить чужестранца и с достоинством сказать на любопытствующий вопросительный взгляд туриста: побывайте в нашем музее!/? **В нашем!** (выделено автором) Да, м.м. г.г.! любовь безкорыстная, безрасчетное увлечение родною стариною произвели **“наше”** (выделено автором), чем отныне может гордиться Рязань. *Рядом с седым боевым свидетелем 8-вековой жизни рязанского края – крепостным валом в молодое время выросла седая – мирная старина – наш музей (выделено Оргкомитетом).*

Но, м.м. г.г., у всякой медали есть и обратная сторона, в каждом деле есть и казовая сторона, есть и черновая, домашняя, не всем видимая. Чтоб составить себе понятие о деле, следует непременно ознакомиться и с этой последнею.

... В музей вещи чуть не вымалываются у владельцев; Музей не имеет своего собственного помещения; наконец в нем тесно; множество вещей не разставлены в витринах, лежат под спудом; многия картины не повешены за отсутствием свободных стен: остались только потолки неукрашенными; палеонтология не имеет приюта; церковныя древности сжаты в угле, притиснуты к стенам; библиотека частью загнана в неудобныя комнаты; комната для занятий членом не обеспечена от случайных посетителей (скорее коридор); вопросы об отоплении, охране, освещении и до сих пор разрешаются с трудом; в последнее время Комиссия не имеет возможности даже платить сносное жалованье писцу. Печатание трудов производится губернской типографией из милости, благодаря любезности и покровительству Начальника губернии. Другия Арх. Комиссии исчисляють приход ежегодно от 700 до 3000 рублей,

наша Комиссия только однажды имела в приходе 1064 р., а обычные средства ея, не выше – 600 рублей, включая в эту цифру изменчивый 5-рублевый членский взнос. Когда другие Комиссии имеют возможность расходовать по 3 т. с лишком рублей в год, мы живем при расходе в 500–600 и то в дефицит.

Я считаю своим долгом остановиться на финансовых итогах Комиссии за 10 лет особенно ввиду приближающего юбилея города Рязани. Хотелось бы достойно помянуть прожитые 800 лет и историческими справками о прошлом нашего города и приспособить Музей так, чтоб он был постоянною выставкою нашей старины и местом, где бы соединено было все, что составляет память и интерес края. Пусть для будущих поколений он будет школою, и они скажут спасибо за поддержку этого хранилища науки, художеств и вообще культуры милой для них родины. Пример тому видим на Западе. “Стоит только перешагнуть рубеж русской земли, рассказывает Семевский, каждый мало-мальски значительный город в Германии, во Франции имеет музей. Зайдите в него в воскресенье. Толпы народа его наполняют. И сколько тут людей из простого народа: крестьян, ремесленников, солдат! Все это смотрит и, разбирая надписи на предметах, читая указатель, – **учится и учится**”.

Это то древнеэллинское *учиться* (выделено автором) на прогулке – и желательно (выделено Оргкомитетом). Если с другими потребностями Комиссия еще может справляться при имеющихся средствах, то вопрос о помещении и развитии дальнейшем музея – на очереди, насущный и требует усиленной заботы от нас. Если мы сами, среди себя, не найдем желанных средств, то наш долг постараться внести в местное население убеждение, что поддержка музея и исторического архива для населения края так же важна, как поддержка школы. Разве это трудно ввести в понимание дворянства Рязанской губернии, в представителей сословия купеческого и земских собраний? До сих пор на нужды Комиссии откликнулось только Губернское Земство, ежегодною ссудою до 300 рублей: но дело просвещения населения не дело только Губернского Земства. *Ближе всего результаты существования музея сказываются на нашем городе* (выделено Оргкомитетом). Хотя бы во имя будущего праздника городу следовало бы не дать захудать тому, что его возвышает. Сохранять легче, нежели собирать и созидать... А там, впереди, сколько еще памятников старины, которые вопиют о пощаде, разрушаемые горько сетуют на равнодушие людей, другие, безвестно столетия лежавшие, готовятся также безвестно и погибнуть! А средств нет, без них Комиссия с большими усилиями может только охранять, но не сохранять. Но первое без последнего не всегда приводит к цели... Сберегите то, что руками тружеников вырвано у всесокрушающего времени; сохраните то, что тысячелетия прикрывала для нас земля, песок, слухай!!..

Будем надеяться, что ни город наш, ни все просвещенные рязанцы не ограничатся одной нравственной поддержкой тому, что уже сдела-

но, и не дадут погибнуть тому, что не успело погибнуть ни при нашествиях татар на многострадальную рязанскую землю, ни при напорах Литвы; что уцелело и от пожаров и от невежества и грубости времени старого, небрежности и равнодушия – нового. Будем надеяться, что не всю оставшуюся старину расхитят те коршуны, собиратели редкостей, для которых нет родины, а есть только нажива!..»

2.2. Доклад члена Братства св. Василия Рязанского Ст. Дм. Яхонтова в экстренном собрании 19 янв. 1914 г. по случаю открытия Епархиального древлехранилища // Рязанские епархиальные ведомости. 1914. № 6. Отд. неоф. С. 238–251; №№ 7–8. Отд. неоф. С. 286–291.

«... В 1884 году народилась Рязанская Ученая Архивная Комиссия, которая не только свое дело делала, но и работала за Церковный Комитет. Она создала музей, архив, библиотеку. Значительная часть предметов музея состоит из крестов, икон, сосудов, венцов, церковных рукописей, облачений и т. п. Старинные рукописи большею частью из монастырских архивов. Рабочия силы, интересовавшиеся церковной стариной, отлили к Комиссии, и значительная доля научная работ по рязанской церковной старине досталась ей. И спасибо Архивной Комиссии. Когда кругом царил вандализм в реставрациях и сломке древних храмов и уничтожении всякой старины, хоть она-то вступалась за осиротелое, брошенное наследство древняго русского благочестия. Светския лица должны были выносить приговоры древним храмам, когда свое ведомство лишь посматривало равнодушно, как религиозно-художественное творчество гибло кругом...

...А, между тем, по другим епархиям стали возникать церковныя древлехранилища – музеи, и преимущественно в тех епархиях, где архивных комиссий не было. Существование последних как бы ублаживало инертность в специальной охране церковной старины. По крайней мере, когда в Рязани в 90-х годах возникла мысль об основании ц.-исторического общества, – она встречена была как *затея (выделено автором)*... Архивные Комиссии развились и развиваются в солидныя научныя общества, потому что сразу же стали на верный и прямой путь, *устроивши музеи (выделено автором)*. Повторяем: музей – это ядро, около котораго группируются члены общества; он представляет собою нечто устойчивое, постоянное, живое, разнообразное, затрагивающее разнородныя симпатии. Одно то, что музей тешит глаз, – заставляет работать воображение; музей более заинтересовывает и “живых” людей: он – картина, которую надобно разгадать, и тем вызывается потребность и необходимость работы. *Музей вынуждает работать – и в этом его наибольшее значение (выделено автором)*.

... Епархиальная власть, ожидалось, окажет всевозможное *содействие (выделено автором)* скорейшему открытию Древлехранилища. Его-то и не оказалось. Комиссия внесла в Братство проект организа-

ции Древлехранилища* с следующим указанием, поставленным во главе. Первый вопрос, от удовлетворительного разрешения которого зависит прежде всего развитие и прочная организация древлехранилища – это вопрос о помещении для него. От помещения требуется: 1) *относительное постоянство*; 2) *простор, которым бы обезпечивалась правильность приема и распределения предметов*; 3) *безопасность от огня и хищений*; 4) *удобство для посещений публикой и возможность в нем научных работ (выделено Оргкомитетом)*. Комиссия указала на часть старого здания бывшей духовной консистории, как на помещение наиболее подходящее к заявленным требованиям <...> На это ходатайство был получен от архиерейского домоправления ответ: “Помещение может быть уступлено под условием, чтобы Древлехранилище было нераздельно с складом книг и платило за квартиру 30 р. в месяц и ремонт на счет Братства”. Этот ответ, утвержденный пр. Полиевктом, произвел расхолаживающее действие на членов Братства...

... Старинная резная царская двери, найденная под грудой голубиного помета в одной старой деревенской церкви и поставленная было в предполагаемом помещении Древлехранилища, эти пионеры его, простояли одинокими и выброшенными в сырой чулан еще несколько лет! Сменялись правители епархии – а оне все валялись... (12 лет!)

Пристраивалась и ремонтировалась Духовная Семинария... На просьбы – нельзя ли и Древлехранилищу уделить уголок – отвечено было обещанием. Надежды воскресли. Где же и место ему, как не в Семинарии, где ожидалось введение церковной археологии... Но богато застроилась Семинария – а Древлехранилищу и в ней места не оказалось. Назначавшаяся под него большая комната в нижнем этаже пошла под другое.

А, между тем, открытие новых епархиальных Древлехранилищ быстро росло в то время по всей русской земле. В 1911 г. было 10 церковно-археологических обществ и до 18 церковно-археологических Комитетов. Из них при 25 – Древлехранилища. Обиднее всего: в печати, при перечислении епархиальных музеев значится под № 10: *в Рязани, хотя с 1900 года, при Братстве Св. Василия открыто Древлехранилище (на деле его нет) (выделено автором)*.

* ...Чтобы Др[евлехранили]ще было деятельно и жизненно, необходимо учреждение при нем особаго общества или Комиссии, на членах которой лежала бы специальная задача изучения церковной Рязан. старины. Само Братство таковой задачи не имеет и устав Др[евлехранили]ща не предусматривает таковой Комиссии. Поэтому, во избежание новаго ходатайства об учреждении особаго церковно-археологическаго общества, или Комиссии, на членах которой лежала бы специальная задача изучения церковной Рязанской старины, предполагалось бы воззвать к жизни все еще не закрытый церковно-исторический Комитет. Вместе с тем, и документы, собранные Комитетом, передать в Др[евлехранили]ще. Для Комитета выработать новыя руководственныя правила.

... В заседании 11 ноября 1911 г. Рязанской архивной Комиссии, в присутствии Преосвященнейшего Димитрия, Председателем Комиссии С.Д. Яхонтовым собрание было ознакомлено с пожеланиями археологического Съезда в Новгороде относительно охраны церковной старины, а в заключение внесено им следующее предложение: “сообщая об этом, я полагаю, что такое суждение Новгородского Съезда и заключение может быть применимо и к Рязанской епархии. Древности у нас в забросе и так же орудуют скупщики и реставраторы-маляры. Старина гибнет. А, между тем, мне стало известно, что богатый Егорьевский купец Бардыгин строит и собирает свой музей и обратился с ходатайством к епархиальной власти о разрешении ему брать из церквей в его музей предметы церковной старины (*ходатайство было отклонено. – Оргкомитет*). Было бы своевременно и нам подумать о том же, о чем думали на Новгородском археологическом Съезде...”. Но Преосвященный предупредил уже ходатайство Комиссии. По епархии он сделал распоряжение, чтобы никакие предметы из храмов не продавались и никому не отдавались. Ободрилось и Братство и вспомнило про устав Древлехрамникища. Последствием было циркулярное распоряжение Духовной Консистории от 28 февраля 1912 г. № 8, коим предписывалось о.о. благочинным собрать сведения о хранящихся в храмах их благочиний старинных церковных предметах. Смее думать, что и опять из этого шага ничего не вышло бы, если бы одновременно с тем не разрешился самый беспокойный вопрос о помещении: охранение и изучение старины требует непременно известной доли самоотречения, жертвования личными интересами. Преосвященным разрешен этот вопрос просто и скоро: с разрешения Св. Синода он отдал Братству часть архиерейского дома во 2 этаже, из 3 комнат, под Древлехрамникище. Это *бывшее помещение бывшей архиерейской ризницы и два пустовавших чулана (выделено Оргкомитетом)*. В течение 12 года помещение было отремонтировано на счет сумм архиерейского дома: *холодное помещение (выделено Оргкомитетом)* сделано теплым, устроено электрическое освещение, подарены старинные шкафы и т. п.

...Ныне к сознанию научно-просветительной важности музея присоединяется чувство радости православного христианина и надежды, что наши православные иконы, кресты и др. святыни будут иметь убежище для себя под старость. Только им, бедным, его не было. Еврейской святыни не увидите на толкучке; магометанин не торгует своими священными предметами; а наша *старая (выделено автором)* православная икона – предмет спекуляций: она на толкучке, в руках торгаша-иноверца; она безчестно валяется в грязи, со всяким тряпьем; ее продают иноверцу сами же православные, которые еще недавно со слезами молились пред ней и поверяли ей свои душевные тайны. Старая икона, потому что она старая, сбывается с рук, как ненужный хлам. Что это? Забвение себя? Непонимание? Или полное религиозное отупение? <...> Может быть, когда-нибудь православному будет стыдно от этого, и он

не продаст за 5–10 коп. свою старую икону, поверенную его души, а поставит ее на память и поучение потомству в наше Дрeвнeлeхрaнилищe.

... Дела еще много. Труд безконечный...

С.Д. Яхонтов.

19 янв. 1914 г.»

2.3. С.Д. Яхонтов об открытии Рязанского государственного музея в здании Дворца Олега. (ГАРО. Ф. Р-3611. Оп. 5. Д. 1. «Стенографический отчет торжественного заседания РязГубОНО и Губмузея по случаю открытия Рязанского областного государственного музея в новом его помещении в здании “Дворца Олега” в Кремле. 7.X.1923 г.»)*

«Музей это есть сеть, которая ловит в себя, вбирает в себя все, что несет вихрь стихии времени, прогресса и невежества» (л. 26).

«Музей в этот момент справляет 40-летие своего существования» (л. 34).

«...редко были случаи, когда местное начальство смотрело не косям взглядом на нас. Это были люди, понимавшие значение музея, но у них как-то с музеем было связано понятие о либерализме и т. д., так что музейным работникам приходилось быть очень осторожными» (л. 36).

«Из камеры любопытных вещей должен был превратиться в большую школу, через которую говорит прошлое, которое дает обогащение знаниями, известными настроениями и прививает любовь к науке» (л. 38).

«За 40 лет – 480 тыс. посетителей (238 тыс. учащихся)» (л. 40 об.).

«Я мечтаю, что придет то время, когда музей не будет ограничиваться тремя этажами этого здания, а займет весь Кремль (выделено Оргкомитетом), всю его площадь. Вот что нам нужно, вот чем должен быть музей» (л. 41).

«2 неосуш. задача – организовать общедоступную библиотеку» (л. 41).

«Посетитель вместе с приятной прогулкой будет получать поучительные иллюстрации» (л. 42).

«...жертвую музею собр. мною Ст[аро]Р[язанские] древности» (л. 42 об.–43).

* Использованы выписки Е.В. Буланкиной.

Выступления в рамках Круглого стола

Ведущая – профессор, д. и. н. А.А. Севастьянова, РГУ

А.А. Севастьянова: «Судьбы музеев в нашем Отечестве повторяют его историю. Открывая, в качестве ведущей, наш сегодняшний разговор, я вижу свою главную задачу в том, чтобы максимально содействовать возможности высказаться его участникам. Вместе с тем, считаю правильным заявить несколько собственных тезисов, которые, быть может, поспособствуют обсуждению наболевшего и помогут сконцентрироваться на предложенной теме.

Потребности любого общества в музее и музейном деле обсуждены, доказаны и стали общим местом давно; тут нет двух мнений. Проблема неожиданно всплывает в другом – в том, подменяет ли и может ли подменить в общественном развитии и культуре широкое понятие “музей” любое другое (например, православное) служение и делание. Особенно – в региональном формате, а проще говоря – в рамках нашего города и края.

Так стоит этот вопрос в первые годы XXI века в нашем с вами обществе. Вот эту проблему, где все очень серьезно, но не все безнадежно, как показал опыт нашего Кремля, нашего музея-заповедника, мне кажется, и стоило бы обсудить.

Волей-неволей, проблема, обозначенная сейчас и здесь мной, уперлась в музей и музейщиков. Мне кажется важным, чтобы их опыт, в котором было все – и трудные ситуации первых двух-трех месяцев, когда были блокированы СМИ и даже та поддержка, которая готова была быть, была очень затруднена; когда волнами, отливами-приливами осуществлялись то натиски, то затишья, и музей бросался от одной надежды к другой, вот весь этот опыт, повторяю, полученный нашим музеем и его сотрудниками, нам представляется очень важным.

Важный тезис возвращает нас к теме “музей и город”: Степан Дмитриевич Яхонтов и его коллеги по Рязанской ученой архивной комиссии обосновали “Музейный Парадиз”, или “музей как парадиз”, “музей как рай”, где сочетается природное наследие с наследием, собранным уже осмысленно, руками научных работников, где сочетаются художественные экспозиции и фонды с архитектурными памятниками, где сочетаются письменные россыпи, драгоценности, оставленные нам предшествующими поколениями предков, и изобразительное искусство. “Музейный Парадиз”, то есть то место, куда стремится душа, как пишет Яхонтов, то место, куда можно привести любого рязанца, маленького или большого, без отношения к возрасту. Судьба этого светоча культуры не может быть безразлична городу. “Музей и город” вынесен как отдельный тезис нашего Круглого стола. И стратегия, и тактика в трудные месяцы обсуждения судьбы Рязанского кремля очень важны. Мне кажется, не затеряем ли мы за деревьями леса, несмотря на тяжести, трудности высказывания, такие, как пря-

мые запреты, все-таки 20 тыс. горожан (давайте не будем забывать о них, тех, кто пришел своими ножками сюда, в Кремль) ответили на призыв не быть равнодушными к уголку своего города и подписались под тем листочком. Они не хотят, чтобы музей был разрушен, провозглашают невозможность этого. 20 тысяч – это тот актив, который просто выразил себя заметно. Это не значит, что кто-то, кто не мог прийти, может быть, по болезни или по другим причинам, остался совсем нами не учтен, не видим. Конечно, были другие. Но город так или иначе о себе заявил. Это наш главный союзник. Город, который не может быть в стороне. Это очень важный тезис. Поэтому мы отразили его тоже: “Музей и город, как не пропасть по-одиночке”.

И наконец, в сказку про историческую справедливость епархии мы не верим. Как и в то, что будет богатый и берущий на себя все полные функции и выполняющий эти функции, как сейчас наш музей-заповедник их выполняет в рамках нашего региона, некий “епархиальный” музей. И мы не верим в некий рассказ, что существует совершенно отвлеченная историческая справедливость, которой нужно покориться, смириться, ибо здесь уже, извините, вступает наша позиция – гражданская, профессиональная, ибо историки знают больше и готовы рассуждать об исторической справедливости не на предложенном уровне.

Приглашаю всех вас высказаться по тем или иным положениям о музее, о городе, об исторической справедливости и несправедливости, о памятниках как о наследии общем, нашем с вами. Высказаться, наконец, о положении, которое оставили нам наши предшественники, С.Д. Яхонтов и другие».

А.О. Никитин: «К сожалению, наступает такой момент, когда встает перед необходимостью сформулировать вещи, которые казались самоочевидными, на которые не тратятся усилия, они воспринимаются на интуитивном уровне, поскольку это господствующая точка зрения. И вдруг наступает момент, когда откуда-то спускается какая-то директива, и то, что для тебя являлось белым, объявляется черным, или серо-буро-малиновым. И оказывается, нужно найти свои собственные слова для того, чтобы объяснить, что тебе дорого в этой жизни, во что ты веришь, за что ты готов сражаться. Вот, собственно говоря, некоторая положительная сторона всей этой печальной истории: она заставила нас определиться, спросить самих себя, кто мы такие и готовы ли мы с открытым забралом отстаивать то, что мы условно считали своими ценностями.

Я рад за очень многих людей, которые проявили себя достойно, иной раз неожиданно ярко во всей этой ситуации, тогда как целый ряд других людей внезапно, в общем-то, оказался в разряде нерукопожимаемых или спрятался в чулан, что, наверное, исключит возможность добрых взаимных отношений.

Вы знаете, ситуация сейчас зашла уже настолько далеко, что происходящее в Рязани решает не только судьбу нашего города, для кото-

рого Кремль является единственным подарком Судьбы вот этого многострадального города. Единственным, чем всегда мы могли гордиться и даже хвастаться перед соседями: “У нас есть музей-заповедник, который практически сохранил в неприкосновенности историческую территорию Переяславля Рязанского, которая не застроена ни жилыми зданиями, ни промышленными предприятиями, ни административными, чего нет ни во Владимире, ни в Туле, ни в Твери и прочее, и прочее”.

Мы имеем замечательный музей, который вышел на уровень федерального, является особо ценным объектом культурного наследия России, он развивается. И это казалось той вечной константой, которая всегда будет присутствовать. Поэтому понятно, что конечно же, в первую очередь, вызов брошен гражданскому самосознанию рязанцев, нашему, я бы так сказал, интеллектуальному достоинству. Но за этим стоят гораздо более серьезные вещи, теперь это уже вполне понятно.

Мы, люди аналитического склада ума, в общем, достаточно информированные и умеем сопоставлять, видеть и понимать скрытые мотивы некоторых событий. И когда в год, который объявлен официально годом российской культуры, образования и гуманитарной науки, годом Д.С. Лихачева, складывается не только ситуация с Рязанским кремлем, но разворачивается на глазах совершенно непристойная антимузейная кампания вообще, начавшаяся с этих “сенсационных” разоблачений краж в Эрмитаже, а газета “Известия”, последняя серьезная, вроде бы, газета, рассчитанная именно на интеллигенцию в провинции, разворачивает на своих страницах очень малопонятную дискуссию, смысл которой сводится к тезису “А нужна ли нам вообще эта интеллигенция?”, плюс всевозможные другие информационные поводы, то сопоставляешь все это, и вырисовывается некий национальный проект под названием “Упразднение российской интеллигенции”. Не думаю, что он существует официально или даже неофициально на общегосударственном уровне, но я не сомневаюсь, что есть такие силы и группировки, для которых сам факт существования этой социальной группы, и смысл, который она несет, являются нежелательными, поскольку не входят в их проект строительства того государства, которое они хотят иметь. Это абсолютно обскурантистский, естественно, проект, и он гибелен для дальнейшей судьбы нашего государства».

А.А. Севастьянова: «Всегда бывает полезен взгляд со стороны. Гостей, приехавших к нам на Чтения, почувствовавших в эти дни остроу ситуации, в которой мы находимся, и, может быть, знающих ее до поездки в Рязань, читавших о ней, я настойчиво приглашаю высказаться на тему Круглого стола».

Л.В. Чекурин: «Меня, как и многих, волнует трещина, которая прошла не только в Рязани, но и в большинстве областей. Ситуация с Рязанским кремлем не простая. Вбивать клинья в эти трещины, острые и болезненные для общества, не очень полезно. Мы понимаем, что бо-

лее верного союзника, чем православная церковь, для тех, кто думает о России, ее нравственных и духовных ценностях, нет.

Осознавая это, мы должны очень взвешенно и аккуратно очертить свою позицию в конкретном вопросе – сохранение музеев, музейных ценностей, памятников культуры. Уподобляться противникам музея, “желтой прессе”, ангажированной прессе, мы не должны.

Решая вопросы возвращения церковной собственности, нужно суметь сохранить тот культурный потенциал, который создан в Рязани многими поколениям. Нужно искать для нашей ситуации “вариант положительного решения”. Простых решений здесь нет.

Рязанский музей, как и другие музеи, – дело всенародное. В его комплектовании и развитии участвовали и верующие люди, и люди, не ходящие в церковь, люди всех возрастов, от пионеров до пенсионеров, они бескорыстно несли то, что считали для нашего Отечества и его истории ценным и интересным. Вспомним первый дар музею – икону Флора и Лавра, подаренную жителем Зарайска Мариным, ценнейшие коллекции Селиванова, Черепнина, Антонова, реликвии 1812 г. и Великой Отечественной войны...

Музеи всегда были центром притяжения здоровых сил провинции. Вокруг них объединялись ученые, творческие люди, выпускались полезные краеведческие издания. Рязань одна из первых в России стала собирать частные коллекции и личные фонды людей творческого труда и ценнейшие архивы.

Думается, нужно больше публиковать положительных материалов по истории музея и его многогранной деятельности. Это помогло бы больше, чем лобовое противостояние, оно не конструктивно.

В рамках Круглого стола был затронут вопрос о богатых музейных фондах. Я продолжу мысль, которую начал в докладе на нынешних Яхонтовских чтениях – о биографиях и личных материалах в Рязанском музее. Я думаю, это направление в музейной деятельности нужно усиливать, в том числе собирать материалы о современниках. В защите культурного центра Рязани нужно возводить новые бастионы. В этот арсенал входят исследования в области самых разных отраслей нашей культуры. Одна из этих линий – фактор личности в истории края и России. Ныне существующий “Зал знатных земляков” (зал “Во славу Отечества” во Дворце Олега. – *Ред.*) не исчерпал эти возможности. Один из таких залов я бы назвал условно “Зал русского языка и русских историков”. Биографического материала для этого в Рязани очень много. Пока мы осознали роль только И.И. Срезневского.

Открытия XX века в области истории, литературы, языкознания, лингвистики, диалектологии, современного русского языка сделали Рязань местом, интересным для научной общественности России и всего славянского мира. Здесь проходят международные и всероссийские вузовские конференции по гуманитарным наукам. Притягательность Рязани для лингвистов и историков не случайна.

Наиболее известен И.И. Срезневский. Его труды и цикл лекций “Мысли об истории русского языка” не утратили своего значения. “Материалы к словарю древнерусского языка” лежат в основе современной лексикографии. Основоположник школы славистов оказал большое влияние на смежные гуманитарные науки, в том числе на крупных русских историков Д.И. Иловайского и М.К. Любавского, славяноведа Ф.Я. Фортинского, академика В.И. Ламанского и др. Крупнейший византиевед академик В.Г. Василевский считал его своим учителем.

Рязанская земля – родина основоположника изучения русского литературного языка В.В. Виноградова. Его имя носит Институт русского языка РАН. В.В. Виноградов родился в Зарайске Рязанской губернии, учился в Рязани. С Рязанью своими биографиями и творчеством связаны: крупный языковед Е.Ф. Будде, ученые-лингвисты М.Н. Макаров, П.М. Перевлесский, Н.М. Леошин, профессор В.Г. Руделёв и др. Уроженец Рязани академик Л.В. Черепнин долгое время сотрудничал в редакции Словаря русского языка XI–XVII вв. В академических институтах и университетах Москвы работают крупные современные ученые-лингвисты – уроженцы Рязанской области. Академик Международной Славянской академии наук, главный редактор Словаря русского языка XI–XVII вв. (вышло 26 томов), профессор, доктор наук Г.А. Богатова, автор ряда монографий, посвященных лингвистам. В с. Рыбном родился специалист по гидролингвистике (ряд работ по бассейну Оки), диалектологии и топонимике, доктор наук, профессор Г.П. Смолицкая. Под редакцией И.А. Оссоветацкого вышел уникальный словарь современного русского народного говора деревни Деулина Рязанской области. Среди составителей словаря – потомственная рязанка, доктор наук Т.С. Коготкова. В Рязани долгое время работали крупный знаток угро-финского языка В.И. Лыткин, академик Н.М. Шанский, известный специалист по современному русскому языку профессор В.М. Никитин.

В Рязани неоднократно бывал и выдающийся русский филолог, славист, редактор многотомного “Этимологического словаря славянских языков”, создатель лингвистической модели ранней славянской истории академик О.Н. Трубачёв. Все большее число сторонников приобретают его научные идеи, в числе которых роль ареала Рязань – Орел – Курск как центра инноваций и развития русского языка.

Внимание к развитию русского языка – традиционно для просвещенной России. Лучшим памятником научному подвигу И.И. Срезневского была школа, построенная на средства, собранные обществом. Усилиями администрации Рязанской области и общественности эта школа восстановлена из руин, открыт музей имени ученого, в село проведена асфальтированная дорога. Учреждена премия имени Срезневского. Сохранившаяся могила ученого в селе Срезневе Шилковского района Рязанской области стала местом паломничества российских ученых и ученых всего славянского мира.

Я говорю не о новом отдельном музее. Это продолжение “Зала знатных земляков”, объединенных одной идеей, одной темой – русский язык и русская история в биографиях рязанцев-лингвистов и рязанцев-историков.

Поиски единства и укрепления русского языкового союза представляется нам как проблема, выходящая за рамки отраслевой науки. Свой вклад в это великое дело может и должна внести и музейная общественность. Это лучшая защита музея.

Пришло время, чтобы была у нас галерея рязанских историков, которую начнет Иероним, Т. Воздвиженский или А. Повалишин. В общем, мысль у меня такая. Границы завоевания русской культуры надо защищать всеми способами, в том числе и развитием самых разных отраслей нашего знания, нашей науки».

А.А. Севастьянова: «Спасибо, Леонид Васильевич. Я бы хотела, прежде чем предоставить слово тем, “кто рвется в бой”, несколько актуализировать то, что уже прозвучало. У нас уже прозвучали любопытные мысли в выступлении Александра Олеговича (А.О. Никитин. – *Ред.*), попытавшегося поднять эту проблему на общероссийский уровень, за что мы ему должны быть очень благодарны, с моей точки зрения. Рязанская ситуация высветила, как это часто в истории бывало, какие-то реалии в стране в целом, так получилось и здесь. Давайте все-таки в конце-концов дадим себе возможность несколько приподняться над собственной бедой или собственной ситуацией, так или иначе сложившейся. Вот высветилось то, что есть. Это было часто, повторяю. Начиная со Смуты, Рязань была в той ситуации, о которой мы сейчас говорим. Как в капле воды весь мир, вдруг высвечивалась некая проблема. И вот Александр Олегович попытался сформулировать, что, собственно говоря, рязанская ситуация заставила интеллигенцию определиться, да, сначала в рамках сравнительно небольшого, губернского города. Кто как определился – это другое, но интеллигенция задала себе этот вопрос: “Готовы ли мы оказались определяться вот в этой ситуации и открыто заявлять о своей гражданской позиции?” Это мысль Никитина. И мысль Леонида Васильевича о том, что забота о сохранении наследия предков в Рязани была, есть и будет первостепенной задачей, это есть забота о сохранении наследия. И как пример он развернул перед нами такие возможности, которые, как он считает, до сих пор никак не реализованы».

В.Н. Козьяков: «Извините, тут речь зашла о Смуте, поэтому я не могу не вмешаться. Вообще, должен обратиться к музейщикам, прежде всего рязанским. История назначила вас в герои, пожалуйста, соответствуйте. Потому что, сколько бы мы сейчас не говорили, сколько бы мы не вмешивались в ту ситуацию, которая, действительно, очень сложна и критична, я имею в виду общероссийский характер, спасет только ваша общемузейная солидарность. Это требуется в настоящее время больше, чем все остальное. Действительно, прав Александр Олегович.

И здесь не могу не поделиться с вами ситуацией, может быть, далекой от нас географически, но очень близкой, поскольку то же происходит с Псковским музеем. Многие ли из нас знают, что сейчас идет разрушение Псковского музея, в прямом смысле. И это делается только потому, что у этого музея нет федерального статуса, там все много хуже. Губернатор назначает угодного директора, директор разгоняет половину коллектива, оставшаяся половина, включая древлехранилище, борется, получая помощь все тех же, хорошо известных нам с вами людей: Комеч, Янин, и те, кто действительно остается русской интеллигенцией в лучшем смысле этого слова.

Я бы не согласился с Леонидом Васильевичем, когда он говорит, что единственный наш союзник – это православная церковь. Извините, был бы это союзник, кто-нибудь из представителей этой православной церкви был бы здесь, вместе с нами заинтересованно все это обсуждал. Нас с Вами, Леонид Васильевич, хотят видеть на коленях, только на коленях.

Никто из нас не выступает против православной церкви как института. Вся наша боль, вся наша беда состоит в том, что появились в лоне православной церкви люди, кто пришел туда с опытом советских людей, да еще “обогащенным” наследием 1990-х гг., когда в Костроме человек, который разрушил Костромской музей (может быть, не все из вас видели, мы – видели), построил тот дворец, который рядом с церковью Воскресения и который мог быть сам по себе епархиальным музеем вполне в Костроме. Мы с вами попали в новую историческую ситуацию, и тут надо действительно определяться. И эта ситуация тем сложнее и тем бодрее, поскольку она выходит на очень высокие сферы, и мы с вами, действительно, как солдаты, должны подниматься из окопа и говорить.

Мнение города надо было спросить в первую очередь, потому что это наша рязанская территория и потому что мы здесь живем. Потому что ни господин Жуков, ни господин Соколов, которые активно вмешиваются на стороне православной церкви в этот вопрос, здесь жить не будут, их потомки жить здесь не будут. Они скоро уйдут, их не будет. И пусть нас не будет, но останутся те, кто здесь все-таки будет продолжать то, что мы делаем сейчас в Рязани. Поэтому, я думаю, что надо очень четко обозначать свою позицию, это раз. А во-вторых, действительно, здесь я согласен с Леонидом Васильевичем, надо развивать музей, показывать те возможности, которые у музея существуют».

С.С. Михайлов: «Я не совсем музейщик, потому что наш музей не экспозиция, это организация, которая занимается координацией работ всех тех, кто изучает такое русское явление, как старообрядчество. Ну и как человек русский, но не официально православный, тут скажу свое слово.

Во-первых, соглашусь с предыдущим оратором, что нельзя считать защитницей русского народа, русской культуры Московскую Патриар-

хию, Русскую православную церковь. Потому что, если мы возьмем хотя бы русский народ, это не только представители, адепты Московской Патриархии, это и старообрядцы, и русские протестанты и атеисты, которые являются наследием не только советского общества, а появились задолго до 1917 г. – люди, которые не исповедуют никакой религии. Наша современность, когда все мы на деле просвещенные, привела к тому, что этнически русский исповедует и ислам, и буддизм, и одному богу известные религии.

И такой очень важный вопрос: музей государственный. Вспомним слова Спасителя из Священного Писания: “Богу – Богово, Кесарю – Кесарево”. Нельзя ни в коем случае путать церковное и государственное. Возьмем любой город России, и Псков, и Кострому, о которой упоминалось, и Рязань. Я все-таки в Рязани гость, к сожалению, очень редкий, но, прежде всего, рязанцы хорошо представляют свой город. В этническом плане он явно очень пестрый, как и любой крупный, да и не обязательно крупный город России. Музей – это хранилище истории всей Рязани, достояние любого рязанца, к какой бы конфессии, к какой бы национальности он ни принадлежал. Если музей будет епархиальным, то понятно, что он будет выполнять определенную задачу – показывать, какое хорошее православие, якобы в Рязани никого больше нет и не было. И вопрос: в этой ситуации не православные, да и многие из православных, которые думают не так, как официально положено Рязанской епархии, как будут относиться к этому и к чему впоследствии это приведет?

Уничтожается светская культура. Я по России езжу очень много, так что сам немало случаев видел, когда светские музеи в угоду батюшкам благочинным и епархиальным архиереям и т. д. уничтожаются. Будет уничтожена светская культура, будет навязываться культура церковная, причем навязываться, опыт показывает, очень топорно, очень грубо. Понятно, что значительные массы населения, верующие и неверующие, будут считать это чем-то чужим, находиться вдалеке от этого. И впоследствии что у нас с вами будет?

Далее, к чему приведет в плане общегосударственном поведении Русской православной церкви в условиях, когда Россия изменяется и в конфессиональном, и в этническом плане все более и более не в пользу православных, но и не в пользу этнических русских вообще. Россия никогда не была моноэтническим государством, испокон веков, еще со времен Киевской Руси, это весьма пестрые территория и даже государственное образование. Мы с вами через несколько десятков лет столько тут Ольстеров, Бейрутов и прочих разных очагов по нашей матушке России увидим, что сейчас самому сумасшедшему фантасту в голову не придет.

Подводя итог своему выступлению, хотелось бы сказать, что тут, отстаивая музей, прежде всего надо учитывать, что музей – достояние всей нашей многонациональной, многоконфессиональной России и та-

кой же Рязани, в которой проживают представители разных наций, разных вероисповеданий. Музей должен быть достоянием всех рязанцев и вообще всех россиян».

А.А. Севастьянова: «От высказывания Сергея Сергеевича мне хотелось бы перейти к понятиям “государственный музейный фонд” и “государственная музейная территория”. Музейщики хорошо знают, что за этим стоит. Но давайте напомним все-таки, сейчас у нас достаточно широкая аудитория. Может быть, Василий Васильевич (В.В. Судаков. – Ред.) захочет здесь высказаться. Это самое первое направление во всем Круглом столе. Давайте эти понятия определим: “государственный музейный фонд”, “государственная территория”. Мы в них уже уперлись. И сейчас особенно показательно высказался в этом направлении наш гость: музей есть достояние России и, в частности, достояние всей Рязани. А что это за достояние?».

В.В. Судаков: «По поводу музейного фонда и музейной территории лучше скажет Людмила Дмитриевна (Л.Д. Максимова, директор РИАМЗ. – Ред.), поэтому я буквально два слова о другом.

Все прекрасно знают, и мы об этом постоянно говорим: «Место, где находится Кремль, – это древний город. В документах вплоть до XVIII в. эта территория просто называлась “городом”». И, если стоит вопрос о переносе музея, мы никуда не сможем перенести непосредственно памятник, само древнее городище с остатками оборонительных укреплений, с валом и рвом. Конечно, мы просто обманываем сами себя, считая, что все останется, как есть. Конечно, нет. Если кто-то более подробно захотел бы посмотреть, отсылаю на сайт музея к своим статьям “О судьбе музея”, “О судьбе музея. Продолжение”. И в этом плане интересна ситуация в Новгороде, где академик Валентин Лаврентьевич Янин, отвечая на вопрос корреспондента, как удадется бороться с нелегальной застройкой, сказал, что в общем-то пока отбиваемся, за исключением одного: не смогли остановить новгородского владыку, который строит на культурном слое, как будто других мест нет. Вот вам то, что может быть здесь.

И еще несколько слов, хотя повторяюсь, из того, что писал. Мне бы хотелось еще раз подчеркнуть, что это не частная проблема, это проблема взаимоотношений церкви и государства, и от того, как она решится в данной ситуации, во многом зависит дальнейшее развитие нашей страны. Если решится просто в пользу церкви, я думаю, что эта ситуация будет дальше ухудшаться. И я не совсем согласен с Леонидом Васильевичем, что единственным союзником является православная церковь.

Вы понимаете, ситуацию, которая сейчас сложилась, ни в коем случае нельзя рассматривать просто как конфликт музея и религии. Мы не выступаем ни против религии, ни против церкви, это однозначно. У меня очень много знакомых, все в семье – верующие, хотя сам атеист. Многие мои студенты – верующие, например, отец Дионисий, благочинный

Иоанно-Богословского монастыря. Очень хорошие отношения со многими. Я считаю, что религия, но не только православная – любая, может делать определенное благое дело, если не превращается в совершенно иное. Мы в данной ситуации имеем дело не с религией, а с церковной бюрократией. Пользуясь ситуацией, она пытается решить свои проблемы. Одно дело, находиться в деревянном доме на ул. Фрунзе, другое дело, сходиться из Архиерейских палат, по крыльцу спускаясь, и, почти как Путин, находиться по адресу “Рязань, Кремль”.

Можно говорить очень много, но последнее, что бы мне хотелось сказать. Много, действительно, зависит от нашей солидарной позиции. Сейчас мы видим в Пскове, в других музеях складывается такая же ситуация. Если мы все не будем действовать сообща, нас раздавят по одиночке. И, к сожалению, ни о каком правовом государстве, получается, мы говорить не сможем. А вот эта поддержка должна постоянно быть. И везде необходимо говорить об этих проблемах и о солидарности, которая есть.

Да, и еще проблема реституции, я вообще поражаюсь ее избирательности. Александр Олегович (А.О. Никитин. – *Ред.*) правильно говорил, что времена меняются, и нельзя в одну реку войти дважды, и тем более так избирательно. Почему мы хотим вернуть только все церкви? Давайте тогда уж до конца: “Фабрики – бывшим владельцам, земли – помещикам”. Но почему-то никто не говорит: “А давайте отдадим что-то простым людям...”. Всегда у них только забирают, никогда не дают. Каждый раз все хуже и хуже, каждый раз обманывают. А здесь, давайте мы вернем. Почему? Я не могу этого понять. И считаю, что это совершенно неправильно».

А.А. Севастьянова: «Если отдавать, то всем?» (смех в зале).

В.В. Судаков: «Совместными усилиями с той же религией, тем более, с разными конфессиями мы очень много можем сделать в плане и нравственного воспитания людей. Об этом как раз С.Д. Яхонтов пишет, это приведено в Материалах к Круглому столу, действительно, мысль очень хорошая. Наоборот, надо объединять, а не дробить наши усилия, что, к сожалению, происходит сейчас».

Л.В. Чекурин: «Очень хорошо, что Василий Васильевич обратил на это внимание. Это вопрос непростой и очень реальный. Я счастлив был знакомству с главой Издательского отдела Русской Православной церкви архимандритом Иннокентием (А.И. Просвирниным). Он приезжал в Рязань. Вы не представляете, это такой кладetzь ума, нравственности и вообще самых высоких качеств. Какой у него русский язык! К сожалению, его уже нет. Я не думаю, что мы его противники. Был бы он жив, возможно, не было бы такой ситуации в Рязани. Вообще, простые решения – они ублюдочные чаще всего. Мы же ведь не против десяти заповедей. И я должен сказать своим детям “молись одному Богу”, верно? “И не сотвори себе кумира”. А у старообрядцев после раздела православной церкви тоже было право на имущество. Я не знаю, как этот

вопрос был решен в Рязани, то есть этот вопрос более сложный. Я его представляю себе не в простом решении. Есть священнослужители, и священнослужители. Надо искать в том числе и какие-то контакты, потому что церковники могут и должны быть нашими союзниками. Они ходят в те же библиотеки и доступны для диалога. «Золотые купола» опубликовали, например, высказывания верующих о сохранении Рязанского музея».

В.Н. Козляков: «Я вспомню здесь еще одного музейщика, ее имя носит Музей древнерусского искусства в Ярославле – Ирина Петровна Болотцева. Это был глубоко православный, верующий человек, увы, ныне покоящийся на сельском кладбище. В свое время, когда мы еще ничего не понимали и восхищались тем, что вокруг нас матушки, батюшки и прочее, она говорила: «Что эти телевизионщики, как приедут, так все едут к матушке Варваре в Толгский монастырь? Ну, ушли люди от мира, пусть они там находятся, дайте им молиться, дайте им то, что у них есть, то, что они выбрали». Это говорил человек, повторяю, глубоко верующий, который сделал для спасения иконописи в Ярославле, больше, чем все остальные вместе взятые. Ее имя носит сейчас музей. Дмитрий Сергеевич Лихачев, когда в Ярославль приезжал, то с сумкой продуктов, на виду у руководителей ярославской культуры шел и нес эту сумку И.П. Болотцевой и на виду у ярославского бомонда эту сумочку с продуктами передавал. То есть, конечно, никто из нас не воюет с церковью, это было бы глупо и безнравственно, и вообще никто не может этого поддержать из нормальных людей. Поэтому, думаю, прав Василий Васильевич, когда ввел очень точный термин «церковная бюрократия». И мы должны понимать, что кроме церковной бюрократии есть еще православный фундаментализм. И извините, но, если бы эти Чтения проводились епархиальным музеем, наш бы коллега из Москвы, ушедший сейчас (С.С. Михайлов. – *Ред.*), он бы просто не выступил здесь».

А.А. Севастьянова: «Спасибо. Слово просит директор музея-заповедника, так хорошо принимающего всех нас вот уже третий день на своих Чтениях, Людмила Дмитриевна Максимова».

Л.Д. Максимова: «Уважаемые коллеги, на что я хотела бы обратить внимание. Здесь затрагивается очень серьезный вопрос, во всех выступлениях прослеживается, что есть определенный круг людей, который хочет нас как бы поссорить с православной церковью. Не рассматривая данную проблему в широком масштабе, говорят, что здесь воюет музей-заповедник с Рязанской епархией, что очень неправильно. Я бы хотела еще раз подчеркнуть: нет, эта проблема гораздо шире. Это проблема как пробный шар, как вчера Александр Олегович выразился, это проблема существования музеев-заповедников (имеется в виду доклад А.О. Никитина, см. в настоящем сборнике: Никитин А.О. Нападение настоящего на остальное время. – *Ред.*).

Что сказать о государственном музейном фонде, государственной территории музея-заповедника? К сожалению, в нашем законодатель-

стве музеи-заповедники оказались вне правового поля. Единственный закон, который был принят, – “Об охране объектов культурного наследия”, где дается понятие “музея-заповедника”, и все. Поэтому музейному руководству в своей деятельности приходится лавировать между несколькими законодательными моментами, очень сложными. Порой создаются ситуации просто неразрешимые. Существует понятие государственного музейного фонда, это понятие закреплено в Законе “О государственном музейном фонде и музеях Российской Федерации”. Те предметы, которые собирались такими учреждениями культуры, как музеи, все находятся на государственной регистрации и составляют единый государственный музейный фонд. Для характеристики размеров этого фонда могу вам привести такой пример. В силу последнего распоряжения Президента о проверке музейного фонда России, связанной с ситуацией в Эрмитаже, подсчитали, что если проверять музейный фонд России с расчетом по три минуты на каждый предмет (чтобы его взять, посмотреть, положить на место, учесть, и т. д., сверить со всей документацией), то для того, чтобы проверить весь музейный фонд, потребуется 160 лет. Вот такая ситуация существует. Музейный фонд у нас в Кремле, который насчитывает более 225 тыс. единиц хранения, постоянно учитывается. Существуют документы по его учету. Это инструкция по учету и хранению музейных коллекций и т. д.

Что же происходит с территорией? При организации музеев-заповедников всегда определяется территория и определяются границы. И потом уже эти границы закрепляются на основании постановления. Наш музей-заповедник образован в 1968 г., в 1987 г. постановление о его границах было принято местными властями. Тогда закон и закрепил за нами данную территорию – территорию Рязанского кремля. Но в свете сегодняшних всяких постановлений ситуация такого, что я даже не знаю, как ее квалифицировать. Вышло новое законодательство о земле, Кодекс о земле, где идет деление: земля имеет свою категорию и свое назначение. И так как мы находимся на территории города, то у нас категория земли “городского поселения”. Сколько я ни воевала, у нас были такие конфликтные ситуации, – все осталось по-прежнему. Единственное, чего мы добились, что земля наша – “историко-культурного назначения”. И в свидетельстве, которое мы получили при регистрации, назначение земли очень четко обозначено. Это тоже придает определенную охрану нашим территориям.

Музей-заповедник состоит из движимых и недвижимых памятников. Я не буду сейчас говорить о том, что это крепость, ландшафт и прочее. Имущество его составляют движимые и недвижимые памятники, движимые – это государственный музейный фонд, недвижимые – это памятники истории и культуры. Памятники истории и культуры – это федеральное имущество и находится в ведении Росимущества, структурного подразделения Министерства экономического развития и торговли. Поэтому, понимаете, попали в такое положение и наше Министер-

ство, и наше Федеральное агентство (Министерство культуры и Роскультура. – *Ред.*): вроде бы за все, что касается музейного фонда, они несут полнейшую ответственность, а что касается имущества недвижимого – памятников истории и культуры – оно квалифицируется не как памятники, а как имущество, и занимается этим Росимущество. Они настаивают на том, чтобы поэтапно, но осуществить передачу этого имущества религиозного назначения, как они считают, Рязанской епархии. На данном этапе пока ситуация не проясняется.

Причем, должна еще подчеркнуть, что музей-заповедник создавался распоряжением Совета Министров. Указом Президента РФ он включен в Государственный Свод особо ценных объектов культуры. Кроме того, по Положению о Государственном Своде особо ценных объектов все имущество, принадлежащее особо ценным объектам, перепрофилированию не подлежит.

Далее, я бы на что еще обратила внимание. В законе “О музейном фонде” тоже сказано, что коллекции являются неделимыми. Поэтому вопрос непростой».

Е.В. Трепонкина, сотрудник ЦМАМЛС: «Я хочу сказать не как представитель архива, а как обычный человек. Хочу поддержать оратора, который сказал, что единственным союзником государства в борьбе за нравственность, я бы даже сказала, за русскую культуру является православная церковь. Не могу назвать себя официальным представителем официальной православной церкви, просто как верующий человек считаю, что все, что принадлежало церкви, должно быть возвращено церкви. Для меня церковь – это не иерархия, не бюрократия от церкви, а глава церкви – Христос. И “Богу – богово” для меня имеет немного другой смысл, чем для выступавшего представителя старообрядцев. То есть церковь – это не имущество, церковные здания – это дом божий. И поэтому я считаю, что все, что принадлежит Богу, церкви, должно быть ей передано. И еще я хочу сказать, что как раз русскую интеллигенцию поставили на колени и почти уничтожили воинствующие безбожники».

А.А. Севастьянова: «Ваши провозглашен тезис как своя собственная точка зрения, естественно, что каждый из нас на таковое имеет полное право: Вы считаете, что должно быть церкви возвращено, как Вы выразились, ее имущество, а всем другим, о чем говорил один из коллег, здесь присутствующих, – раскулаченным, репрессированным, выгнанным? У нас есть здесь специалисты, прямо в этой аудитории, которые этим занимались, они даже могут Вам назвать буквально по конкретной губернии, в которой мы сейчас находимся, сколько этих людей. Вот им, с Вашей точки зрения, их имущество, отобранное не так уже давно и практически одновременно с теми акциями против РПЦ, которые мы все, как историки, отлично знаем и которые мы изучаем, и о которых мы первыми после перестройки начали говорить, вот этим людям – как?»

Е.В. Трепонкина: «Да, прекрасно, если мы это будем все возвращать».

А.С. Дудин: «От имени образования скажу несколько слов. Хотелось бы произнести слова благодарности коллективу, который нас принимает уже многие годы, с позиций того, что под сводами тех же Яхонтовских чтений и других мероприятий собирались люди различных классов, национальностей и конфессий. И они объединялись. Вы знаете, именно в данных стенах всегда, что хорошо было, всегда был диалог, то есть никогда, редко-редко, доходило, как сейчас, до разногласия. И вы знаете, когда я сюда прихожу, вижу знакомых учителей, детей вот сейчас привели – это прекрасно, вы понимаете, это еще одно доказательство того, что музей живет, музей существует. И, во всяком случае, он не то что, как сейчас говорят, востребован – он является хорошим местом, где можно встречаться и в данном случае продолжать совместно работу. Не делиться на образование и культуру, на армию и полицию, на власть и т. д. В заключение просто хотелось бы пожелать, чтобы сохранился этот центр, чтобы состоялись Пятое Яхонтовские чтения и чтобы не тратились лишние силы на противостояние, а продолжался диалог, в том числе в данном случае и с церковью. Я думаю, что появятся люди, представители церкви, которые будут говорить с позиций разума, диалога. Мне кажется, хозяева никогда не откажутся от продолжения такого диалога, также и с представителями власти».

В.Н. Козляков: «До момента нынешнего этого года, который не сравним с другими в этом смысле, мы привыкли, что деятели церкви – это любовь. Вот любви в том, что делает сейчас Рязанская епархия, нет. И это мы видим. Мы видим вместо любви самые черные слова, адресованные музейщикам, которых без всякого зазрения совести, без всякого христианского чувства называют ворами, которые “наворовали церковное имущество”. Извините, на такой основе никакого диалога, никакого воспитания нравственности быть не может».

В.В. Судаков: «Приведу цитату в ответ на “безбожников, которые все уничтожили”. Она у Вас есть, можете проверить, это из Яхонтова, 1914 г. (Зачитывается отрывок текста из материалов к Круглому столу): “... и спасибо Архивной комиссии. Когда кругом царил вандализм в реставрациях и сломке древних храмов и уничтожении всякой старины, хоть она-то вступалась за осиротелое, брошенное наследство древнего русского благочестия. Светские лица должны были выносить приговоры древним храмам, когда свое ведомство (имеется в виду церковное ведомство. – *Ред.*) лишь посматривало равнодушно, как религиозно-художественное творчество гибло кругом...”. Это просто в отношении “безбожников»».

А.А. Севастьянова: «Я хочу сказать для тех, кто не знает, может быть, что Степан Дмитриевич Яхонтов был не просто верующим человеком. Он был человек воцерковленный, человек, возглавлявший конкретную общинную десятку здесь, в Рязани, человек, перед глубоким

религиозным чувством которого рязанцы преклонялись в 1920-е гг.».

Д.В. Губин: «Остро поставлен вопрос (по поводу выступления Е.В. Трепонкиной. – *Ред.*). Такое ощущение, что выступавшая не очень представляет себе сложность рязанской истории, именно церковной. Ее нужно еще изучать и изучать, как и вообще церковную историю. В XVI в. в церкви были очень большие движения. Нужно еще выяснять противостояние иосифлянства и нестяжательства, всю динамику его развития. В дальнейшем выяснении нуждаются и представления о церковной иерархии, о более свободных отношениях в церкви, с точки зрения позднейшей, идейно более однородной и жесткой иерархии периода абсолютизма, о тех или иных приоритетах в исторические периоды. Как можно однозначно говорить о чем-то? Пока все это не изучено в должной мере, это целый огромный пласт. Особенно в Рязани, здесь совсем непонятная ситуация. А тем более, почему мы забываем, что Кремль до XVI в. был великокняжеской резиденцией? Почему это церкви отдавать нужно? Давайте поищем потомков рязанских князей и им будем возвращать это все. Вы как на этот вопрос отвечаете, я вот лично к Вам обращаюсь (Е.В. Трепонкиной. – *Ред.*). Потому что я считаю, что меня это лично задевает».

Е.В. Трепонкина: «Не считаю нужным отвечать».

А.А. Севастьянова: «Я передаю слово Ирине Гасановне и не могу не сопроводить эту передачу тем, что я была очень впечатлена ее сообщением на пленарном заседании (см. в сборнике: Кусова И.Г. Кремль России: судьба исторического наследия), где она и ее, видимо, помощники так хорошо потрудились, чтобы наконец точно, ясно, четко рассказать нам о том, что есть кремль России и что такое само понятие “кремль”. Я не знаю, это мое личное мнение, мне кажется, что мы не проиграем. Если на сайт поставим это сообщение, оно требуется всем».

И.Г. Кусова: «Спасибо. Я бы хотела сказать по нескольким пунктам. По поводу выступления Е.В. Трепонкиной. Это совершенно правильный взгляд, но совершенно утопический, оторванный от реальности. Говорить, что “Богу – богово” и “давайте передадим все церковное церкви” – это все равно, что говорить, что все люди должны быть добрыми, честными и так далее. Вы понимаете, жизнь – это одно, а эти рассуждения – совсем иное. И сами Вы, я так думаю, ответив на вопрос Аллы Александровны по поводу “второй волны” приватизации, прекрасно представляете, что начнется в стране – как минимум, хаос, если мы начнем возвращаться к тому, что было сто лет назад. Вообще, с точки зрения истории, ситуация абсурдная: почему все должно быть так, как было сто лет назад? Общество ушло вперед, у нас совсем другая страна.

Еще о чем хотела бы сказать. Звучит Московский Кремль, и, поскольку я сейчас погружена в тему кремлей после подготовки этого доклада, хочу с вами поделиться тем, то не успела сказать во время выступления на пленаре. В начале XX в., когда шли все эти выставки в Московском Кремле, российское общество, российская интеллигенция всерьез об-

суждали проблему освобождения Московского Кремля и превращения его, по мысли того же Грабаря, в музейный городок. Как выражался Грабарь, это «готовый музейный городок», который должен быть полностью представлен именно в этом качестве. И общественность страны очень горячо эту тему обсуждала, очень серьезно это обсуждала. Но тут первая мировая война, тут 1917 год и т. д. Хочу сказать, что Кремлю как музейные городки – эта идея не нова. Я считаю, что это настолько хорошая идея, что нам ее нужно продвигать всеми возможными способами. Кремль – это такое средоточие культуры, такое сакральное место в нашей культуре, в нашей истории, которое только с этой точки зрения и должно рассматриваться. То есть религия – да, это хорошо, но это слишком узко, чтобы чисто функционально, с такими церковными интересами подходить к использованию Кремлей.

По поводу приватизации. Та ситуация, которая разворачивается вокруг нас, я считаю, как раз и есть «ловля рыбки в мутной воде». У нас сейчас государство на какой стадии: недра распределены, все природные богатства распределены, остается еще один пласт, пока не тронутый частным капиталом, – это наше культурное достояние. И именно в этом русле, как мне представляется, и идут все эти притязания на территорию Рязанского кремля, то есть здесь все совершенно однозначно.

И еще один очень короткий тезис. Мы последние полгода живем в очень сложной ситуации, в экстремальной, я бы сказала, ситуации. И в доказательство – то, что у нас часть сотрудников уволилась, кто-то заболел, сами понимаете, все от нервов, кто-то просто не выдержал нервного напряжения, ушел. Я думаю согласитесь, очень тяжело работать, каждый день балансируя, задавая вопросом – что там наверху? какие новые решения? какие подвижки? – это, так сказать, «в минус». «В плюс» – по моим ощущениям, не только музей, Рязань выросла с точки зрения продвижения к гражданскому обществу, о построении которого так много у нас сейчас говорится. Есть общественный комитет, который был образован и сплотил очень многих вокруг музея, та молодежь, которая приходила сюда к нам, дети, школьники, говорила: «Ну, давайте что-нибудь сделаем в защиту музея, мы готовы». Это настолько отраднo, получается по принципу «нет худа без добра». Да, мы поставлены в жесточайшие условия, но какие-то уроки выносит из этой ситуации весь город, и более того, я бы сказала даже, вся Россия, это, наверно, очень громко, но музейное сообщество всей России, поскольку мы широко контактируем с музейщиками страны. И реакция идет очень живая, и заинтересованность, и обеспокоенность, вплоть до такого – нужно будет, мы приедем, поддержим, только скажите, что нужно сделать».

И.А. Гагин, преподаватель Академии права и управления Минюста РФ, г. Рязань: «Я историк, заканчивал Ленинградский государственный университет, ко мне часто приезжают друзья из других регионов. Куда веду я их? Я их веду сюда. И гордо говорю: «Вот здесь начи-

нался Переяславль Рязанский, здесь центр нашего города. Именно отсюда можно двигаться дальше". Если этот центр будет отдан епархии, то я сомневаюсь, что здесь будет звучать детский смех, сюда будут ходить дети, их просто не будут пускать, что здесь будут экскурсии, что по воскресеньям, а я частенько сюда по воскресеньям прихожу, что по воскресеньям здесь вообще будет народ. Здесь центр культуры Рязани. Вот это самое, наверное, главное. Перед этим говорили своеобразно, интересно, – давайте отдадим то, что кому принадлежит. Конечно, это все здорово, отдавать, кому что принадлежит. Действительно, будет хаос, если начать все передавать и раздавать. Вопрос заключается в том, что здесь исторический центр города, исторический центр. Он был еще до того, как здесь епархия развернула свою деятельность, как она здесь обосновалась.

Очень любопытный момент, на который я обратил внимание, он меня несколько травмирует, надо отметить. Мой хороший знакомый, товарищ, обратился в книжный магазин в "Барсе", он занимается психологией, в частности, творчеством доктора В.В. Синельникова, непосредственно является преподавателем школы, книжки Синельникова он продает постоянно. Человек обратился для того, чтобы ему вкладыш сделать с информацией о том, что есть представительство этой школы в Рязани. Запретили. Почему? Потому что есть договор с епархией, которая запрещает эти вещи делать. Очень своеобразная получилась ситуация. Здесь речь идет о попытке влиять не только на человеческий разум, на все, на человеческое сознание. В первую очередь взять на себя это.

Я не хочу ничего сказать против православной церкви, ни в коем случае. Здесь недалеко от Рыбного есть село Летово, где в Космодемьянской церкви меня в свое время крестили 40 с лишним лет тому назад. Я православный. Ничего против православной церкви не имею, ни в коем случае. Но церковь наша современная есть, наверное, своеобразный слепок нашего современного общества, где тоже не все, наверное, ладно. И зачастую к власти приходят люди, которые приходят для того, чтобы с этого что-то иметь, наживаться. Наверняка, точно такая ситуация в нашей православной церкви, где к власти пришли люди, которые оказались в ней для того, чтобы что-то с этого иметь. Пожалуйста, сколько мест, где можно строить эти самые церкви. Пожалуйста, стройте. Они идут туда, где уже все готово, где на протяжении десятилетий шла реставрация. Я помню, когда в первый раз в Рязань приехал, в каком состоянии был Кремль. Намного было хуже. И как сейчас! Конечно, это все забрать, то есть прийти на готовое, как было сказано, спускаться с расписного крыльца, само собой лучше, чем где-то что-то строить, вкладывать и т. д.

Однозначно можно отметить, что Кремль должен существовать, то есть музей должен существовать и быть центром, средоточием культуры города. Без этого просто-напросто город, наверное, задохнется».

М.В. Кушлейко: «Большое спасибо музею, руководству музея за такой замечательный прием, за отличную организацию Яхонтовских чтений. Со стороны очень тяжело входить в эту ситуацию, потому что в Москве нет такой ситуации, действительно сложно. Здесь действительно конфликт скорее людей, а не церкви. В Москве есть примеры, их мало на самом деле вообще по России, но они есть: это примеры хорошего сотрудничества музеев и руководства, иерархии Русской Православной церкви. Например, Новодевичий монастырь, где митрополит Ювеналий, глава подмосковной епархии, и филиал Исторического музея Москвы существуют, все хорошо получается. Хочется от всей души пожелать вам мира в этой, действительно, тяжелой ситуации, чтобы она разрешилась мирно и хорошо, чтобы все это пришло к завершению, которое устроило бы всех».

(Несколько участников просят слово)

Л.Д. Максимова: «Да, действительно, существуют хорошие взаимоотношения между музейными работниками и церковными работниками, назову их так. У нас в Рязани такой опыт есть, даже на территории Кремля. С бывшим владыкой Симоном мы имели очень добрые отношения. Именно при нем оказался на совместном использовании в нашем Кремле огромный Успенский собор, где службы происходят летом. И зимний собор, Христорождественский, где службы проходят каждый день. Кроме того, из комплекса музея-заповедника епархии передана так называемая Гостиница Знати, где находится семинария, кроме того, переданы Солотчинский монастырь и церковь Спаса на Яру. Было все мирно, было все хорошо, и все разрешалось. Я думаю, Вы совершенно правы, здесь идет речь о личностных, может быть, каких-то претензиях».

А.А. Севастьянова: «Давайте, по-видимому, завершать. Спасибо и тем, кто нашел в себе все-таки вдохновение хоть в последнюю минуту, но что-то сказать, и тем, кто готовился. Подводя некие итоги, я бы хотела сейчас высказать то, с чем, наверное, мы все согласимся. Потому что любое обсуждение рождает все-таки некую истину. И отстраняя остроту и резкость, давайте посмотрим на то, что в этом разговоре явно не вызовет ни у кого возражений, а если вызовет, вы немедленно меня поправьте.

Я пыталась из всего, что мы говорим, выписать тезисно то, с чем все мы согласны. Начну с последнего тезиса. Говорят: «Пусть будет у нас мир». А как мы-то его себе за последний год желали, если бы вы знали! Пожелание мира – главное даже после всего, что вынесли те, кто здесь собрались. Ведь Ирина Гасановна всего лишь упомянула о тех стрессах, волнениях, болезнях, которые пережили люди за почти год, когда константа их существования вдруг начала рушиться, а у каждого почти семьи, у каждого свои болезни, представления о себе и о мире вокруг. Не все это выдержали. И пусть будет мир. Я думаю, что мы себе

горячо этого могли бы пожелать. Этот тезис прозвучал последним, я думаю, что его мы можем внести в свой актив, актив, с которым все, кто присутствуют здесь, наверное, согласятся. Те из наших гостей, кто хочет узнать ситуацию, посмотрите сайт музея. Те, кто работал над этим, выносили там документы, где совершенно ясно, когда музей рука об руку, как и московские примеры, как и примеры в каких-то других случаях, шел с епархией, и получалось. Ведь это не один и не два года было в истории Рязанского музея-заповедника, это много лет. Но случилось так, что постигла вот эта беда, и в данном случае надо реагировать.

Второе. По-моему, мы все согласимся, что музей есть достояние России. По-моему, мы все также согласимся с тезисом, что Кремль есть достояние России, России как державы, России как страны, России как народа, многоконфессионального, многонационального. По-моему, мы все согласились и с тем, что нужно стремиться к неконфликтной ситуации. Я думаю, что если вы поразмышляете, то согласитесь и с более, может быть, неосторожной формулировкой. Имеет место не борьба с РПЦ в лице конкретной епархии. Имеет место оборона, сохранение культурного наследия данного региона, не борьба, а оборона культурного наследия. Мои коллеги слишком хорошо говорили, что это за наследие, я повторяться не буду.

Наконец, практический взгляд глубокоуважаемой Людмилы Дмитриевны, директора музея, вынесшей на своих плечах долгие десятилетия руководства учреждением, когда было всякое, она очень опытный человек. Ее практическое разъяснение было очень вовремя нам всем сделано. Она объяснила, в чем, собственно говоря, состоят бюрократические навязывания конфликтных ситуаций. Они идут от несовершенства законодательства, от разных взглядов на законодательство, от попыток разных интерпретаций одних и тех же законов и т. д., если это касается музейного фонда, музейной территории, музейных коллекций и т. д. Вот этот практический, трезвый момент и справка нам очень помогли. Мы поняли наконец-то, почему же мы такие несчастные вдруг оказались в этой ситуации. Все это было совершенно громом среди ясного неба для рязанцев, привыкших к тому, что можно на Успение идти в Кремль и слушать чудесно службы. Это было не первый год, и не второй. Успенский собор – наш соборный храм Рязани. И он был передан на совместное использование. Это норма жизни Рязани, она была, она есть.

Итак, тезис об обороне наследия, о сохранении. Я не то, чтобы подчитала, а обнаружила, что кто бы ни выступал, обязательно употреблял это слово “сохранение”. Это значит, Леонид Васильевич любит говорить об этом, – русский язык точен. Я так люблю Вашу эту фразу, почти в каждом выступлении она у меня всегда восторг вызывает. Русский язык действительно очень точен. Когда он говорит “Кремль”, он не говорит “собор”, он говорит “Кремль”. Равно как и старое-престарое, уж только ленивый не высказался о том, к чему привела приватизация в

нашей стране. Но вот – вторая волна, о чем тоже говорили коллеги здесь и сейчас. Это проходит через судьбы, это приходит через наследие, в данном случае конкретного региона, но не только, как выясняется.

Я желаю тоже всем добра, желаю всем мира и желаю всем здоровья. И желаю, чтобы “интеллигентские размышления” тоже были. Да, мы народ православный, да, многие из нас, включая меня, прихожане определенных приходов, да, мы не отречемся ни от чего в своих убеждениях, в том числе и от гражданских позиций. Вот это, наверное, мы поняли сегодня тоже, спасибо».

Итоговая резолюция межрегиональной научно-практической конференции «IV Яхонтовские чтения»

Яхонтовские чтения, ставшие традиционными за последние шесть лет, в очередной раз подтвердили свою необходимость и значимость. Чтения продемонстрировали, что научно-практическая конференция развивается, живо реагирует на злобу дня. Заметно расширился круг источниковедческих проблем, поднимаемых на чтениях. Отражением объективной историографической ситуации стало появление новой секции «Кремли России», где обсуждалась малоизученная проблема отечественных кремлей как историко-культурного феномена.

Рязанская научно-практическая конференция отразила специфику переживаемой эпохи, когда неопределенность основ научной и общественно-культурной жизни заставляет искать новые подходы и обоснования непредвзятого научного познания прошлого. Она дает определенный срез исторической действительности провинции. Несомненное значение конференции в ее консолидирующем начале: чтения объединяют лучшие научные силы Рязани и других регионов – профессорско-преподавательский состав вузов, архивистов, исследователей, музейных работников.

Программа IV Яхонтовских чтений свидетельствует, что сложился круг приоритетных направлений и тем исследований. Видное место среди них занимает научное наследие известного рязанского музейного и архивного деятеля первой трети XX в. С.Д. Яхонтова. Его идеи, рожденные переломной эпохой смены государственно-общественной идеологии, во многом актуальны и сегодня. В настоящее время мы являемся очевидцами повторения некоторых негативных процессов прошлого. Именно поэтому непредвзятое изучение взглядов мыслителей и практиков такого уровня, как С.Д. Яхонтов, позволяет понять, что по отношению к культуре и культурно-историческому наследию конъюнктурные соображения неприменимы, более того – опасны.

В связи с этим участники научно-практической конференции выражают озабоченность притязаниями церковных иерархов на памятники Рязанского кремля. Вытеснение Федерального государственного учреждения культуры «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» с территории исторического центра – Кремля, бывшей княжеской резиденции, а также средневекового города-крепости – это пре-

ступление перед русской культурой. Научные исследования, в том числе и доклады, прозвучавшие в ходе работы конференции, показывают, что территория Рязанского кремля не принадлежала полностью Рязанской епархии даже в эпоху ее расцвета, в XVII столетии. Отрицание сложившейся исторической реальности и попытка обойти существующее законодательство путем апелляции к высшим государственным инстанциям вызывают серьезную озабоченность. Подобная политика ведет к разрушению системообразующего учреждения культуры региона и одного из старейших музеев России.

Считаем, что сама постановка вопроса о смене прав собственности на памятники истории и культуры, входящие в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, неприемлема. Все это будет иметь роковые последствия для отечественной культуры в целом, и, прежде всего, для культурной жизни провинции, как более зависимой от властных решений. Участники конференции не могут согласиться с подобным развитием ситуации и намерены противостоять этому всеми законными способами.

Жесткая позиция местного церковного руководства разрушает вековые традиции общества, в котором помнят, сохраняют и развивают идеи толерантности, справедливости, братства, межконфессионального и национального согласия. Как следствие, сложившаяся ситуация вносит разлад и дестабилизацию в общественную жизнь региона, как светскую, так и церковную. Яхонтовские чтения убедительно доказывают: только конструктивный диалог с позиций взвешенного, внимательного и критического восприятия прошлого, только осознанное, объективное единство устремлений могут дать положительный результат.

Музей, созданный напряженным трудом нескольких поколений интеллигенции, сегодня превратился в подлинный центр интенсивной интеллектуальной и культурной жизни региона. Яхонтовские чтения наглядно это демонстрируют. Участники конференции выражают надежду, что Рязанский кремль навсегда останется территорией Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Увековеченная память

В рамках Яхонтовских чтений 25 октября 2006 г. прошла торжественная церемония открытия мемориальной доски на здании бывших Присутственных мест (ныне здание фабрики «Рязаньвест» на Соборной площади). С 1884 по 1918 годы в этом здании заседала Рязанская ученая архивная комиссия – первое в истории Рязани научно-просветительское и исследовательское учреждение, сумевшее организовать деятельность по изучению истории края и способствовавшее историческому просвещению общества. Комиссия заложила огромный пласт в культурное развитие региона и явилась примером для появления подобных комиссий в России.

Памятная доска была изготовлена на деньги, собранные культурной и научной общественностью Рязани при активном участии Государственного архива Рязанской области и историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль». Финансовую поддержку оказала фирма «Интерспецстрой ЛААД» и ее руководитель А.Е. Липатов, которые ранее уже помогали в установлении нескольких мемориальных досок в Рязани.

В церемонии открытия мемориальной доски приняли участие представители культурной и научной общественности города, областной администрации, депутаты горсовета, участники IV Яхонтовских чтений.

Список сокращений

А	– археологическая коллекция
АК	– Алтайский край
АН СССР (РАН)	– Академия наук Союза Советских Социалистических республик (ныне Российская Академия наук)
АН ЭССР	– Академия наук Эстонской Советской Социалистической республики
АО	– Археологические открытия
АПН	– Академия педагогических наук
АПРИКТ	– Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма
арх.	– архиепископ
АЮБ	– Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Под ред. Н.В. Калачева Т. I-II. СПб., 1857–1884.
БК	– Боярская книга
БСЭ	– Большая Советская энциклопедия
ВВ	– внутренние войска
ВКП (б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
В.О.	– Василий Осипович Ключевский
вол.	– волость
ВСП	– Восточно-Сибирская правда
ВСХВ	– Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (позднее – ВДНХ, в настоящее время – ВВЦ)
ВЦИК	– Всесоюзный центральный исполнительный комитет
ГАРО	– Государственный архив Рязанской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСО	– Государственный архив Самарской области
ГАТО	– Государственный архив Тульской области
ГБЛ (РГБ)	– Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека)
гг.х.	– годы хиджры
ГИМ	– Государственный Исторический музей

ГОУ ВПО	– государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
ГПУ	– Государственное политическое управление
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея
ГУАК	– губернская ученая архивная комиссия
Губ ОНО	– губернский отдел народного образования
ГУВД	– Главное управление внутренних дел
ГУК (РО)	– государственное учреждение культуры Рязанской области
д.и.н.	– доктор исторических наук
ЗИН РАН	– Зоологический институт Российской Академии наук
ЗСО ИРГО	– Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИЗО ГИЗ	– Государственное издательство изобразительного искусства
ИИМК АН СССР	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
к.вет.н.	– кандидат ветеринарных наук
к.и.н.	– кандидат исторических наук
ККВ	– Кубанское казачье войско
КП	– книга поступлений
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КСИА	– Краткие сообщения ИА РАН
к.с.х.н.	– кандидат сельскохозяйственных наук
к.ф.н.	– кандидат филологических наук
ЛОИИ (СПб ФИРИ РАН, СПб. ИИ)	– Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР (позднее Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН, ныне Санкт-Петербургский институт истории)
л.с	– лицевая сторона
МАМО	– Московский архив Министерства юстиции
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера)
МВД	– Министерство внутренних дел
МВО	– Московский военный округ
МК РФ	– Министерство культуры Российской Федерации
МЛ	– газета «Московский листок»
МИА	– Материалы и исследования по археологии
МОУ СШ	– муниципальное образовательное учреждение средняя школа
МРКМ	– Муравлянский районный краеведческий музей
МТС	– машинно-тракторная станция
НА РИАМЗ	– Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника

Список сокращений

НАРМ	– Научный архив Рязанского музея
НА СОИКМ	– Научный архив Самарского областного историко-краеведческого музея
НВ	– научно-вспомогательный фонд
НГУАК	– Нижегородская ученая архивная комиссия
НИИ	– научно-исследовательский институт
НИОР	– Научно-исследовательский отдел рукописей
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НСО	– Новосибирская область
ОВД	– Органы внутренних дел
ОГВ	– Орловские губернские ведомости
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление
ОЕВ	– Орловские епархиальные ведомости
ОЗ	– Отечественные записки
ОИРК	– Общество изучения русской культуры
ОР ГИМ	– отдел рукописей Государственного Исторического музея
ОР РГБ	– отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОРРК РНБ	– отдел рукописей и редкой книги Российской национальной библиотеки
о.с.	– оборотная сторона
ПВЛ	– Повесть временных лет
пг.	– погост
ПКРК	– Писцовые книги Рязанского края
ПМА	– полевые материалы автора
ПП ОГПУ	– полномочное представительство Объединенного государственного политического управления
ПРПО	– Природа и развитие первобытного общества
ПСЗ (РИ)	– Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
райзо	– районный земельный отдел
райфо	– районный финансовый отдел
РВ	– газета «Русские ведомости»
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАНИ	– Российский государственный архив новейшей истории
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РГРТУ	– Рязанский государственный радиотехнический университет
РГУ	– Рязанский государственный университет
РД	– Русский дипломатарий
РЕВ	– Рязанские епархиальные ведомости
РИАМЗ	– Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник

РИК	– районный исполнительный комитет
РИНО	– Рязанский институт народного образования
РИО	– Русское историческое общество
РИРО	– Рязанский областной институт развития образования
РК	– Разрядная книга
РККА	– Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП (б)	– Российская коммунистическая партия (большевиков)
РЛ	– Русские летописи
РОИК	– Рязанский областной исполнительный комитет
РОКМ	– Рязанский областной краеведческий музей (ныне РИАМЗ)
РОНО	– районный отдел народного образования
Росархив	– Федеральная архивная служба России
РПЦ	– Русская православная церковь
РСФСР	– Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУАК	– Рязанская ученая архивная комиссия
СА	– Советская археология
саж.	– сажень
САИ	– Свод археологических источников
СКМ	– Сасовский краеведческий музей
СНК СССР	– Совет народных комиссаров СССР
СОШ	– средняя образовательная школа
ср.	– сравните
СССР	– Союз Советских Социалистических Республик
СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия
ТОДРЛ	– Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН
ТОИАЛМ	– Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей
ТРУАК	– Труды РУАК
у.	– уезд
УК РСФСР	– Уголовный кодекс РСФСР
УНКВД	– управление Народного комиссариата внутренних дел
УОНО	– уездный отдел народного образования
УРО	– Управление разведывательных операций
ФГОУ СПО	– федеральное государственное образовательное учреждение средне-профессионального образования
ФГУК	– Федеральное государственное учреждение культуры
ФСБ	– Федеральная служба безопасности
ц.	– церковь
ЦААДМ	– Центральный архив аудиовизуальных документов Москвы
ЦАНО	– Центральный архив Нижегородской области

Список сокращений

ЦГАДА (РГАДА)	– Центральный государственный архив древних актов (ныне Российский государственный архив древних актов)
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЦК ВКП (б)	– Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦММЛС	– Центральный московский архив-музей личных собраний
ЦПКО	– центральный парк культуры и отдыха
ЮКМ	– Юдиновский краеведческий музей
ЮНЕСКО	– Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЧОИДР	– Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

Сведения об авторах*

1. **Агаева Ирина Владимировна**, ГУК Тульской области «Объединение “Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей”», заведующая методическим отделом, (4872) 30-78-83, г. Тула.

2. **Артемкина Зинаида Григорьевна**, РИАМЗ, руководитель научно-методического центра, (4912) 27-54-66, г. Рязань.

3. **Барсукова Анжелика Владимировна**, ГОУ ВПО Московской области «Коломенский государственный педагогический институт», аспирант, (49661) 342-87, г. Коломна, Московская область.

4. **Беляков Андрей Васильевич**, Московский психолого-социальный институт (Рязанский филиал), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, к. и. н., г. Рязань.

5. **Боярченков Владислав Викторович**, РГРТУ, доцент, к. и. н., (4912) 34-28-20, г. Рязань.

6. **Букринская Нина Константиновна**, исследователь, (496-66) 433-79, г. Зарайск, Московская область.

7. **Галкин Павел Владимирович**, ГОУ ВПО Московской области «Коломенский государственный педагогический институт», ученый секретарь, доцент, к. и. н., (49661) 342-87, 342-58, г. Коломна, Московская область.

8. **Гераськин Юрий Вениаминович**, РГУ, доцент, к. и. н., (4912) 28-19-35, г. Рязань.

9. **Гольцева Галина Константиновна**, ГАРО, заведующая отделом использования и научной публикации документов, (4912) 45-57-08, г. Рязань.

10. **Гомзин Андрей Александрович**, РИАМЗ, научный сотрудник отдела фондов, (4912) 27-60-70, г. Рязань.

11. **Грачева Ирина Владимировна**, РГУ, доцент кафедры русской литературы, к. ф. н., (4912) 25-35-49, г. Рязань.

12. **Губин Дмитрий Вячеславович**, РИАМЗ, ученый секретарь, к. и. н., (4912) 27-60-72, г. Рязань.

* Данные по состоянию на 2006 г.

13. **Дворникова Екатерина Викторовна**, ГАРО, ведущий архивист, (4912) 45-67-23, г. Рязань.

14. **Динер Сергей Эдуардович**, Егорьевский историко-художественный музей, заведующий отделом истории, (496-40) 441-84, г. Егорьевск, Московская область.

15. **Желтов Михаил Борисович**, исследователь, (4912) 76-71-30, г. Рязань.

16. **Завьялов Владимир Игоревич**, Институт археологии РАН, старший научный сотрудник, д. и. н., (495) 124-35-29, г. Москва.

17. **Загороднова Нина Ивановна**, РИРО, методист, (4912) 44-49-02, г. Рязань.

18. **Иванов Дмитрий Александрович**, Центр сохранения объектов культурного наследия, старший научный сотрудник отдела археологии, (4912) 25-40-74, г. Рязань.

19. **Кайнова Е.В.**, Волго-Вятская академия государственной службы, преподаватель кафедры истории и политологии, г. Н. Новгород.

20. **Киселев Александр Петрович**, Государственный историко-архитектурный, художественный и археологический музей-заповедник «Зарайский кремль», старший научный сотрудник, (496-66) 257-34, г. Зарайск, Московская область.

21. **Киселев Алексей Геннадьевич**, Нижегородский архитектурно-строительный университет, аспирант кафедры истории, (8312) 46-73-95, г. Н. Новгород.

22. **Киселева Анна Владимировна**, Волго-Вятская академия государственной службы, старший преподаватель, к. и. н., г. Н. Новгород.

23. **Козляков Вячеслав Николаевич**, РГУ, профессор кафедры средневековой и новой истории России, д. и. н., (4912) 28-04-40, г. Рязань.

24. **Косарева Галина Васильевна**, Рязский краеведческий музей, директор, (491-32) 218-66, г. Рязск, Рязанская область.

25. **Крючков Александр Анатольевич**, Мордовская СОШ, учитель истории и краеведения, (849-148) 3-74-63, с. Ягодное Сараевского района, Рязанская область.

26. **Кузьмина Ирина Алексеевна**, ГУК Тульской области «Объединение “Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей”», выставочный зал «Тульский металл», заведующая филиалом (4872) 42-78-31, г. Тула.

27. **Курнова Наталия Анатольевна**, Академия Федеральной службы охраны, научный сотрудник, соискатель кафедры истории России ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», (4862) 41-99-56, г. Орел.

28. **Кусова Ирина Гасановна**, РИАМЗ, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры теории и методики социально-гуманитарного образования РИРО, к. и. н., (4912) 27-60-73, г. Рязань.

29. **Кушлейко Мария Владимировна**, Центральный московский архив-музей личных собраний, главный специалист, г. Москва.

30. **Ламбрехт Вера Викторовна**, Московская финансово-юридическая академия, методист, аспирант кафедры средневековой и новой истории России, (495) 562-26-08, г. Москва.

31. **Логинов Дмитрий Сергеевич**, РГУ, аспирант кафедры средневековой и новой истории России, (4912) 28-04-40, г. Рязань.

32. **Максакова Наталья Витальевна**, РИАМЗ, старший научный сотрудник научно-методического отдела, (4912) 27-60-72, г. Рязань.

33. **Минаков Андрей Сергеевич**, Орловский государственный университет, доцент кафедры истории России, к. и. н., (4862) 43-38-91, г. Орел.

34. **Михайлов Сергей Сергеевич**, Музей истории старообрядчества, научный сотрудник, (495) 476-69-36, г. Москва.

35. **Можина Юлия Сергеевна**, Орловский государственный университет, соискатель кафедры истории России, преподаватель общественных дисциплин ФГОУ СПО «Орловский техникум железнодорожного транспорта», (4862) 55-30-08, г. Орел.

36. **Мостяев Юрий Николаевич**, РГРТУ, доцент кафедры социального управления, политологии и права, (4912) 33-40-06, г. Рязань.

37. **Никитин Александр Олегович**, исследователь, (4912) 25-81-43, г. Рязань.

38. **Панферова Татьяна Николаевна**, Сасовский краеведческий музей, директор, (491-33) 503-45, г. Сасово, Рязанская область.

39. **Поздняк Екатерина Николаевна**, ГАРО, главный архивист, (4912) 25-35-52, г. Рязань.

40. **Попова Анна Дмитриевна**, Рязанский филиал Академии права и управления Российского совета ветеранов ОВД и ВВ, доцент, к. и. н., (4912) 34-89-10, г. Рязань.

41. **Попова Ольга Дмитриевна**, Рязанский государственный медицинский университет, старший преподаватель кафедры истории и философии, к. и. н., (4912) 34-89-10, г. Рязань.

42. **Пуцко Василий Григорьевич**, Калужский областной художественный музей, заместитель директора по научной работе, (4842) 56-29-48, г. Калуга.

43. **Савосичев Андрей Юрьевич**, Орловский государственный университет, доцент кафедры Отечественной истории, к. и. н., г. Орел.

44. **Севастьянова Алла Александровна**, РГУ, профессор кафедры средневековой и новой истории России, д. и. н., (4912) 28-04-40, г. Рязань.

45. **Седов Михаил Александрович**, исследователь, (4912) 44-11-33, г. Рязань.

46. **Синельникова Татьяна Петровна**, ГАРО, директор, (4912) 45-67-61, г. Рязань.

47. **Судаков Василий Васильевич**, РИАМЗ, заведующий отделом археологии, старший преподаватель кафедры средневековой и новой истории России РГУ, (4912) 27-21-11, г. Рязань.

48. **Татарина Лидия Ивановна**, Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, старший научный сотрудник, (846) 332-28-89, г. Самара.

49. **Толстов Виталий Алексеевич**, Рязанский институт управления и права, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, к. и. н., (4912) 92-51-13, г. Рязань.

50. **Трибунский Павел Александрович**, Художественный колледж декоративно-прикладного искусства, директор, к. и. н., (4912) 75-48-79, г. Рязань.

51. **Тян Ольга Сергеевна**, Рязанский филиал Академии права и управления, старший преподаватель кафедры общепрофессиональных дисциплин, к. и. н., (4912) 37-81-41, г. Рязань.

52. **Урманов Михаил Станиславович**, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела истории, (4912) 21-06-95, г. Рязань.

53. **Филатов Игорь Альбертович**, Рязанский филиал Современной гуманитарной академии, старший преподаватель, (4912) 21-11-17, г. Рязань.

54. **Филиппов Дмитрий Юрьевич**, ГАРО, главный архивист, доцент, старший научный сотрудник сектора свода памятников Государственного Института искусствознания МК РФ, к. и. н., (4912) 28-29-83, г. Рязань.

55. **Фурсова Елена Федоровна**, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, профессор, д. и. н., (383) 330-16-70, г. Новосибирск.

56. **Хабарова Ольга Борисовна**, Рязанский заочный институт МГУКИ, старший преподаватель, (495) 172-06-45, г. Москва.

57. **Цепков Александр Иванович**, исследователь, (4912) 31-27-73, г. Рязань.

58. **Чекурин Леонид Васильевич**, Рязанский заочный институт МГУКИ, заведующий кафедрой общенаучных дисциплин, профессор, к. и. н., (4912) 27-03-55, г. Рязань.

59. **Челяпов Виктор Павлович**, Центр сохранения объектов культурного наследия, начальник отдела археологии, (4912) 25-40-74, г. Рязань.

60. **Чубур Артур Артурович**, Брянский государственный университет, заведующий сектором, профессор, к. и. н., (4832) 68-67-88, г. Брянск.

61. **Чумичева Елена Владимировна**, РИАМЗ, научный сотрудник отдела фондов, (4912) 27-60-70, г. Рязань.

62. **Шаблин Андрей Александрович**, ГОУ ВПО Московской области «Коломенский государственный педагогический институт», доцент, к. и. н., (49663) 214-31, г. Луховицы, Московская область.

63. **Шапилова Елена Васильевна**, РИАМЗ, старший научный сотрудник отдела фондов, (4912) 27-60-70, г. Рязань.

64. **Шустова Маргарита Геннадьевна**, РИАМЗ, старший научный сотрудник, (4912) 27-60-66, г. Рязань.

Содержание

Археологические исследования и коллекции

В.И. Завьялов

Рязань и Чернигов:

к вопросу о производственных традициях 7

В.В. Судаков, Д.А. Иванов

Новый средневековый памятник

на территории г. Рязани

(Галенчино II поселение1) 13

В.П. Челяпов

Раскопки Подвисловского 8 поселения 29

В.И. Завьялов

Предварительные итоги полевых исследований

Кремля Переяславля Рязанского в 2006 г. 35

Д.А. Иванов

Результаты археологических разведок

в Рыбновском районе

Рязанской области в 2006 г. 44

А.А. Гомзин

К типологии подражаний Джучидам в Среднем Поочье

(типы XVII–XX, XXXVI–XXXVII) 56

А.А. Гомзин

Средневековые монеты из с. Ижевское

Спасского района Рязанской области 64

Источниковедение, историография, археография

В.В. Ламбрехт

Издание и изучение записок Дж. Флетчера о России XVI в.
в отечественной и зарубежной историографии 69

О.Б. Хабарова

О некоторых источниках
«Жития Юлиании Лазаревской» 77

А.О. Никитин

Эпиграфические памятники XVII века
в Старожиловском районе Рязанской области 82

А.Г. Киселев

Рязанские достопримечательности на страницах
«Отечественных записок» П.П. Свинына 89

В.В. Боярченко

«Милый братец! Вы пишете побывать на родине...»
(письма И.И. Срезневскому из села Срезнево) 96

О.Д. Попова

Фотодокументы как источник изучения истории
женских епархиальных училищ России 105

П.В. Галкин

Земские учреждения и государственная власть
в трудах правоведов и экономистов
1860-х – начала 1880-х годов 108

Н.А. Курнова

«Орловские губернские ведомости» как источник
по истории судебной системы Орловской губернии
второй половины XIX века 114

А.С. Минаков

Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи.
Источниковедческие и методологические аспекты
составления сводного каталога 122

В.А. Толстов

С.Д. Яхонтов – историограф наследия В.О. Ключевского 125

Ю.Н. Мостяев

О современных оценках изучения
начального периода Великой Отечественной войны 149

Музейное и архивное дело: теория, практика, коллекции

А.А. Севастьянова

«Яхонтовские чтения» в Рязани
и музей в культурно-исторической среде
времени ее выживания 159

В.Г. Пуцко

Солотчинский резной диптих XVI века 161

И.А. Кузьмина

Из истории Приборной мастерской
Тульского оружейного завода 170

Л.И. Татарина

Музей Самары: судьба коллекции сквозь призму времени 181

О.С. Тяп

Степан Яхонтов: «Если из нашего музея вздумается
что-либо забрать, я на порог лягу...» 185

Л.В. Чекурин

Деятельность Общества исследователей Рязанского края
и Рязанского музея по сбору материалов о знатных земляках 189

А.А. Крючков

История создания и деятельность
Муравлянского районного краеведческого музея 201

М.В. Кушлейко

Комплекс изобразительных материалов
по истории Москвы 1940–1950-х гг.
в Центральном московском архиве-музее личных собраний 212

Е.Н. Поздняк

Партийный архив как составная часть
архивного фонда Рязанской области 223

А.А. Чубур История музеефикации Юдиновского палеолита	225
И.В. Агаева Авторская кукла в народном костюме Тульской губернии как дидактический материал в музейной педагогике в ГУК ТО «Объединение ТОИАЛМ»	235
Н.И. Загороднова Школа в образовательном пространстве музея	242
М.Г. Шустова Пресс-служба музея и информационные технологии	246
Д.В. Губин Идея города-музея и реалии музейного развития Целле в Западной Германии	249

Кремль России

И.Г. Кусова Кремль России: судьба исторического наследия	268
Е.В. Шапилова Новые материалы о заселении «города» (Кремля) Переяславля Рязанского по данным писцовых описаний XVII века	289
А.П. Киселев Зарайский кремль. История создания, особенности архитектуры	299
А.О. Никитин К истории реставрации рязанского Успенского собора	314
Н.В. Максакова К вопросу о возможной мемориализации и музеефикации Дома причта в Рязанском кремле	324

З.Г. Артемкина

Научно-методический центр
по комплексному изучению и сохранению
исторических территорий: задачи и организация работы 332

Д.В. Губин

Рязанский музей-заповедник на страницах церковной печати:
современный вопрос собственности
и история Рязанского кремля 336

**Историко-культурное наследие
регионов Центральной России**

В.Н. Козляков

Род дворян Ляпуновых в XVI–XVII веках 368

Е.В. Шапилова

К истории кузнечного ремесла
в Переяславле Рязанском XVI–XVII вв. 378

А.В. Беляков

Касимовские воеводы XVII века 386

А.В. Барсукова

Торговля коломенцев в Зарайске
(по данным таможенных книг 1667–1669 гг.) 396

М.Б. Желтов

Изучение выборных служб крестьянства XVII–XVIII вв.
(к постановке проблемы) 401

Д.С. Логинов

Историческая книга XVIII века и ее читатель по данным
изучения владельческих записей и помет 403

Д.Ю. Филиппов

Здание первой рязанской мужской гимназии:
материалы к истории памятника 405

Д.Ю. Филиппов

История усадьбы «Красное» в материалах
Государственного архива Рязанской области 420

И.В. Грачева В.Г. Белинский и В.А. Жуковский в Рязани	437
А.В. Киселева Роль циркуляров Министерства юстиции при проведении судебной реформы 1864 г. в Нижегородской губернии	443
А.Д. Попова Историк и служитель Фемиды (об исторических исканиях судебного деятеля второй половины XIX в. Н.П. Тимофеева)	448
М.А. Седов Из прошлого рязанского городского парка	452
Е.В. Чумичева Развитие фотододела в Российской провинции последней четверти XIX – первого десятилетия XX века на примере Рязанской губернии	481
С.С. Михайлов «Темная» сторона истории восточного Подмосковья	503
Е.В. Кайнова Организация управления Нижегородской ярмаркой в начале 1880-х – середине 1890-х гг.	513
П.А. Трибунский Несостоявшаяся газета: «Рязанский вестник» В.А. Шефферлинга	520
М.С. Урманов Татары-мишари: районы расселения, численность, результаты культурного взаимодействия с другими народами	522
Е.Ф. Фурсова Трансформации календарных обычаев и обрядов рязанских переселенцев Западной сибире (конец XIX – первая треть XX в.)	527
Г.К. Гольцева Организация Рязанской области (в документах ГАРО)	532

А.О. Никитин

Нападение настоящего на остальное время
(кризис исторического сознания в современном обществе) 550

Российское православие: история и культура

А.И. Цепков

Русские князья и Соборы святых
(анализ, вопросы и размышления) 566

А.Ю. Савосичев

Рязанские владычные дети боярские
во второй половине XVI столетия 577

М.Б. Желтов

Религиозность коломенского крестьянства
во второй половине XVIII века 580

А.А. Шаблин

Молокане Зарайского уезда
в первой половине XIX века 585

Е.В. Дворникова

Рязанский церковно-исторический комитет 588

Ю.С. Можина

Духовные училища в системе православного образования
Орловской епархии в начале XX века 595

Т.П. Синельникова

Рязань «странно приняла его»
(из воспоминаний С.Д. Яхонтова
о Иувеналии Масловском, архиепископе Рязанском) 603

Ю.В. Гераськин

Православная церковь
в социально-экономических условиях развития
Рязанской области конца 1950-х – начала 1960-х гг. 610

Краеведение

Г.В. Косарева

Василий Иванович Гаретовский –
первый краевед Рязского края 618

И.А. Филатов

Рязанец В.С. Климов – городской голова
столицы Кубанского казачьего войска 621

С.Э. Динер

Рядом с Бардыгиными.
Судьба егорьевского плотника
Якова Фонарева (1863–1930) 625

Н.К. Букринская

Писатель родился в Рязани 631

Т.Н. Панферова

Проект Сасовского краеведческого музея –
«Экранный документ»
(на основе фронтовых писем Великой Отечественной войны
фонда музея и личных архивов жителей Сасовской земли) 635

Круглый стол

«Музейный парадиз» С.Д. Яхонтова в Кремле
и современные реалии 638

Итоговая резолюция

межрегиональной научно-практической
конференции «IV Яхонтовские чтения» 665

Увековеченная память 667

Список сокращений 669

Сведения об авторах 674

Содержание 679

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Научное издание

ЧЕТВЕРТЫЕ ЯХОНТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы межрегиональной
научно-практической конференции
Рязань, 24–27 октября 2006 года

Редактор: Т.Н. Бердянова
Макет, верстка: Е.М. Сахарова

Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 43,5. Тираж 500 экз.

Издательство РИАМЗ. 390000, г. Рязань, Кремль, 15. Тел. (4912) 27-21-11
e-mail: root@riamz.ryazan.ru
www.ryazankreml.ru

Отпечатано: ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а